

Образ России на Балканах

Мифологемы,
идеологемы,
религиозные,
исторические
и культурные связи

Образ России на Балканах:
Мифологемы, идеологемы, религиозные,
исторические и культурные связи

*
* * *

The Image of Russia in the Balkans:
Mythologems, Ideologems, Religious,
Historical and Cultural Connnections

International Association of South-East European Studies (AIESEE)
Polish Commission of Balkan Culture and History
Institute for Interdisciplinary Studies
„Artes Liberales” – University of Warsaw
Russian Academy of Sciences
Institute for Slavic Studies

The Image of Russia in the Balkans: Mythogems, Ideologems, Religious, Historical and Cultural Connnections

Papers of the Russian Scholars
for the Colloquium
of the International Association
of South-East European Studies

Warsaw, 7–9 November 2011

Moscow • 2011

Международная ассоциация по изучению стран
Юго-Восточной Европы
Польская комиссия по балканской истории и культуре
Институт междисциплинарных исследований
„Artes Liberales“ – Университет Варшавы
Российская академия наук
Институт славяноведения

Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи

Доклады российских ученых
к научному коллоквиуму
Международной ассоциации
по изучению стран Юго-Восточной Европы

Варшава, 7–9 ноября 2011 г.

Москва • 2011

Редакторы:
К.В. Никифоров, И.А. Седакова

Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи. Доклады российских ученых к научному коллоквиуму Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (Варшава, 7–9 ноября 2011 г.)

В сборник включены статьи, подготовленные к Международной конференции «Образ России на Балканах» (Варшава, 7–9 ноября 2011 г.). Ученые-балканисты исследуют важнейшие исторические моменты в развитии балканских государств, в которые ключевая роль отводилась России, а также анализируют отношение балканцев к русским людям, русскому языку и русской культуре.

ISBN 978-5-7576-0239-4

© Институт славяноведения РАН
© Коллектив авторов

Научное издание

**Образ России на Балканах:
Мифологемы, идеологемы, религиозные,
исторические и культурные связи**

Доклады российских ученых к научному коллоквиуму
Международной ассоциации по изучению стран
Юго-Восточной Европы
Варшава, 7–9 ноября 2011 г.

Подписано в печать 20.10.2011.
Формат 60×90 1/16. Печ. л. 9,5.
Тираж 100 экз.

Содержание

Вступление	7
Foreword	8
<i>O.B. Белова (Москва)</i>	
«Русские мотивы» в балканославянских народных легендах	9
<i>Olga Belova (Moscow)</i>	
«Russian Motifs» in Folk Legends of the Balkan Slavs	20
<i>E.YU. Гуськова (Москва)</i>	
Что ждали от России на Балканах в начале 1990-х годов?	22
<i>Elena Gus'kova (Moscow)</i>	
What did the Balkans wait from Russia in 1990s?	28
<i>И.И. Калиганов (Москва)</i>	
Освобождение страны от турок в болгарской периодике (малоизвестные публикации и эмоции в XIX столетии)	29
<i>Igor Kaliganov (Moscow)</i>	
Liberation from the Turks in the Bulgarian periodicals (little known publications and emotions in XIX century)	46
<i>Е.П. Кудрявцева (Москва)</i>	
Трансформация представлений о русском «покровительстве» в уставобранительской Сербии	47
<i>Elena Kudriavtseva (Moscow)</i>	
The transformation of the idea of Russian protection in Serbia of the time of Ustavobraniteli	57
<i>М.М. Макартцев (Москва)</i>	
Образы России и Европы у славян Бобошицы (область Корча, Албания)	58
<i>Maksim Makartsev (Moscow)</i>	
Image of Russia and Europe at the Slavic minority in Boboshtica (District of Korcha, Albania)	69

<i>К.В. Никифоров</i> (Москва)	
Отношение к русским в Сербии в ХХ веке	70
<i>Konstantin Nikiforov</i> (Moscow)	
Attitude to the Russians in Serbia in the 20th century	82
<i>Иоаннис Николопулос</i> (Москва)	
Россия в сознании греков	
(анализ двух посвящений 1812 г. и 1896 г.)	83
<i>Ioannis Nikolopoulos</i> (Moscow)	
Russia in the Greek Mentality	
(Analysis of two Dedications of 1812 and 1896)	102
<i>А.А. Новик</i> (С.-Петербург)	
Образ России в Албании:	
от И.С. Ястребова до Косовского кризиса	103
<i>Aleksandr Novik</i> (St. Petersburg)	
The image of Russia in Albania:	
from Ivan Jastrebov till the crisis in Kosovo	122
<i>В.Я. Петрухин</i> (Москва)	
Ранние славяне и Русь на Балканах (VI–X вв.):	
войны и жертвы	124
<i>Vladimir Petrukhin</i> (Moscow)	
Early Slavs and Rus' in the Balkans (VI–Xth centuries):	
Wars and Sacrifices	131
<i>И.А. Седакова</i> (Москва)	
Образ русского языка в Болгарии	
(в свете языковых и других союзов)	132
<i>Irina Sedakova</i> (Moscow)	
The Image of the Russian Language in Bulgaria	
in the light of the Linguistic and other Unions	144
<i>Е.С. Узенёва</i> (Москва)	
Образ России и русских в Болгарии:	
мифологизация и демифологизация	145
<i>Elena Uzeneva</i> (Moscow)	
The Image of Russia and the Russians in Bulgaria:	
Mythologisation and De-Mythologisation	152

Вступление

В этом сборнике публикуются преимущественно доклады, подготовленные российскими учеными к научному коллоквиуму Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (МАЮВЕ) «Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи» (Варшава, 7–9 ноября 2011 г.).

Специалисты по истории, культуре, языку и литературе балканских стран рассматривают образ России на Балканах в разные периоды – от древнейших времен до самых последних лет. Стереотипы восприятия России и русских, неоднозначная интерпретация исторических событий и двусторонних отношений, роль русского языка на Балканах исследуются с учетом методологии разных наук, в соответствии с междисциплинарностью тематики конференции.

Отметим, что в большинстве статей специалисты по Албании, Греции, Болгарии, государствам бывшей Югославии, обратившиеся к изучению «своей» страны еще в годы существования социалистического лагеря, в качестве материала привлекают собственный опыт и многолетние наблюдения. Образ России и русских в балканских странах балканисты «пропустили через себя». Авторы ряда публикуемых статей, даже не ставя перед собой специально подобной цели, за годы профессиональной деятельности собрали ценный материал. В советское время были возможны и даже регулярны поездки в Болгарию и СФРЮ, затем, в годы перестройки, последовали годы неопределенности и отсутствия научных контактов, которые сменились относительной стабильностью в культурном и научном обмене. Имея возможность на протяжении нескольких десятилетий выезжать в страны Балкан, тесно общаться с коллегами и друзьями, балканисты не-балканских стран сами являются информантами, причем информантами особого статуса, способными оценить ситуацию как изнутри, так и извне. Эти сведения являются важным свидетельством. Неслучайно в сборнике присутствует некоторая доля личного, персонального. Эксплицитная оценка стала характерной чертой многих историко-филологических исследований сегодня.

В некоторых статьях сборника присутствуют и анализируются воспоминания о социалистических временах – временах, особенности которых

теперь приходится буквально на пальцах объяснять молодежи, тем поколениям, которые выросли после перестройки. Память – ценностная категория, которая обязательно входит в научный аппарат гуманитария. В этом сборнике памяти отводится важное место, в соответствии с той важной ролью, которую играла и играет Россия на Балканах.

Редакция

Foreword

Most of the papers presented in this volume are written by Russian scientists who took part in the International colloquium “The Image of Russia in the Balkans” (November, 7–9, 2011, in Warsaw). The conference was organized under the auspices of the International Association of South-East European Studies (AIESEE), Polish Commission of Balkan Culture and History with the assistance of the Institute for Interdisciplinary Studies „Artes Liberales” – University of Warsaw.

Experts on Balkan history, culture, language and literature are examining the image of Russia as viewed by the population of the Balkans from the earliest time to the present day. The stereotypical perception of Russia and Russians, the complex interpretation of historical events and bilateral relations and the role of Russian language in the Balkan states are studied with the help of the methodology of various sciences, in accordance with the interdisciplinary subject of the conference.

It is significant that most of the authors of articles on Albania, Greece, Bulgaria and former Yugoslavia, started studying “their” country in the socialist times. In the contributions they are examining their own long-term experience and observations, so they have certain ground for the study of the perception of the image of Russia and Russians. Through the years of persistent work, many authors of this volume have collected very valuable material, sometimes while researching some other subject. During the Soviet times it was possible to travel to Bulgaria and the Socialist Federal Republic of Yugoslavia on a regular basis. Then came the years of perestroika, with their uncertainty and suspension of international scientific contacts. These days the cultural and academic exchange has become consistent to the benefit of the Balkanists from non-Balkan states. For several decades now the scholars have the possibility to associate with local colleagues and friends. Thus they have themselves become informants, and a very valuable source, too, as they can evaluate current trends both from the inside and from the outside. Today this kind of personal evidence and explicit perception of the current situation have become an attribute of many historical and philological studies, and a very significant one.

In some works, memories of the socialist era are collected and analyzed. Today we have to explain in hand-waving terms the special nature of those times to younger people, to the generation born after the Perestroika. Memory is a valuable category, an indispensable attribute of contemporary humanitarian studies. Memory plays a significant role in this volume, in accordance with the significant role Russia has been playing in the Balkan states.

Editorial board

О.В. Белова

Институт славяноведения РАН, Москва

«Русские мотивы» в балканославянских народных легендах¹

Проблема, затронутая в данной публикации, связана с универсальным для народной культуры противопоставлением «своего» и «чужого» и с трансформацией образа чужака в фольклоре. Образ этнического соседа в фольклоре уже не раз становился предметом детальных исследований (см., напр., Ангелов 1997, Белова 2005, Георгиева 1996, Градева 2001, Красных 2003, Крысин 2002, Тодорова 2001, Benedyktowicz 2000, Cała 1992, Jakubiak 2003, Krekovičova 1999 и мн. др.). Обрисован круг наиболее характерных функций фольклорных «чужаков», которые в фольклорных текстах разных жанров и в народных верованиях предстают как первопредки и мифические великаны, воинственные противники и культурные герои, мифологические персонажи из области народной демонологии, ведуны и колдуны, связанные с областью магии и медицины (см. СД 3: 367–370).

При этом, как показывает материал, в фольклорной картине мира, являющей собой антропо- и этноцентристическую модель, степень «чужести» того или иного составляющего ее элемента может различаться в зависимости от его оценки в той или иной ситуации (подробнее см. Белова 2002). Так и среди этнических соседей, согласно «фольклорной этнографии», есть более дальние и более близкие, причем степень близости (или родственности) отнюдь не всегда определяется ситуацией непосредственного соседства. Для балканославянского ареала характерно, в силу исторических причин, сложное отношение к этническим соседям – представителям иной веры (отношения христиан (болгар и сербов) к туркам-мусульманам), а также к соплеменникам, исповедующим иную, нежели большинство населения, религию (отношения болгар и сербов, являющихся христианами, к болгарам и сербам, исповедующим ислам). Такое соседство-противостояние нашло отражение и в языке, и в фольклоре (см. Белова 2009а, Белова 2009б). В таком контексте «близкими» этносами становятся народы-единоверцы, даже в том случае, если их разделяет значительное расстояние.

В данной статье мы хотели бы представить некоторые фольклорные мотивы, зафиксированные в легендах и верованиях южных славян и прямо

¹ Статья написана в рамках работы над проектом «“Народное христианство” и библейская космогония: к происхождению славянских дуалистических легенд» (Программа ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»).

или опосредованно связанные с образом России и русских. Отметим, что речь не идет о так называемом политическом фольклоре, активно разрабатывавшем «советские» и «русские» образы и клише в период «дружбы народов» и гегемонии «старшего брата» в социалистическом лагере. Мы будем говорить о мотивах, содержащихся в традиционных этиологических сюжетах, что дает возможность рассмотреть механизм вхождения «этнических» окрашенного элемента в устойчивую сюжетную схему, а также судить о неоднозначности и широте спектра, в котором этот элемент представлен.

«Русские мотивы» в народных легендах, зафиксированных в разных регионах Южной Славии, представлены в текстах нескольких типов.

1. Фольклорная этнология

Первая группа текстов, разрабатывающих тему этнического соседства (родства) и этнического различия, – это легенды о происхождении народов и их судьбах. Данный комплекс легенд известен всем славянским народам, и каждая этническая традиция ставит в вопросе о собственном этногенезе и этногенезе соседей свои акценты (см. НБ: 65–81). Центральным сюжетом в этногенетических легендах является, безусловно, сюжет о неудавшемся строительстве Вавилонской башни, в результате чего и появились на свете разные народы и языки, а также разные религии (см. НБ: 285–289). Показательно, что в фольклорных текстах, интерпретирующих ветхозаветный сюжет, среди вновь появившихся народов обычно указывается свой собственный (в зависимости от традиции, в которой зафиксирован текст), а также иные этносы, различия с которыми осознаются особенно ярко (в том числе и в языковом отношении). Возможно, поэтому в славянских версиях легенды о Вавилонском столпе в списке народов не присутствуют, помимо своего собственного этноса, другие «братья-славяне». Так, в легенде, записанной в Польше от старообрядцев в 1992 г., подчеркивается, что Бог смешал языки и веры, и появились «и литвины, и поляки, и французы...» (Zowczak 2000: 191). Ср. польскую легенду из окрестностей Кракова: когда башня достигла небес, Бог отворил в небе окошко и погрозил строителям пальцем – в головах у них все помешалось, и с тех пор люди стали немцами, итальянцами, поляками, французами, турками, евреями, «как кому выпало» (Kolberg DW 7: 8–9). В болгарских текстах (записанных как от христиан, так и от мусульман) упоминания других славян крайне редки, чаще упоминаются соседи-неславяне: когда Бог смешал языки, «стали турки, греки, болгары» (Врачанский окр., 1985; АИФ 210(I): 55). Среди славянских соседей в одной родопской легенде упоминаются сербы: «77 потомков Адама разбежались по свету и стали говорить по-цыгански, по-румынски, по-болгарски, по-сербски, по-германски, по-английски, по-американски» (1978; АИФ 183(I): 52). В качестве альтернативы вавилонскому «смешению языков» иногда выдвигается «семейная версия»: сыно-

вья первого человека хотели убить своего отца за то, что он решил оставить себе в жены младшую из их сестер, Аллах смешал их языки, и заговор не удался, но зато появились разные «веры» – турки, болгары, татары (Западные Родопы, 1960; АИФ 335: 158, см. также: СБНУ 1963/59: 340).

Нет образов ближайших соседей и в сюжете о наделении народов долей в начале времен, когда Господь определял каждому этносу его судьбу и «специализацию» (НБ: 65; см. также: Белова, Виноградова 2002). Например, в легенде из Прилепа о наделении разных народов долей единственными славянами, пришедшими к Богу, оказываются болгары: туркам Бог дал богатство, болгарам – работу, евреям – счета, французам – просвещение (или идеи; в тексте употреблен суфийский термин *марифет*), цыганам – бедность, грекам – заговоры и интриги (СБНУ 1889/1:124; Цепенков 2006: 66–67).

Единственный известный нам пример, демонстрирующий наличие «русского элемента» в этнологической картине мира, находим в представлениях сербов Гружи (центральная Сербия) о том, что их народ пришел «од руске воде», с русским народом они «једна крв» (СЕЗб 1948/58: 501); поэтому в последующей характеристике разных народов русские получают высокую оценку – у них добрые сердца, они милостивы; болгары неприхотливы, довольны, если есть у них сухая корка и острый перец; чехи – хорошие мастера; турки – наихудшие разбойники; венгры (мадьяры) – хорошие воины, но много ругаются (СЕЗб 1948/58: 503). В этом отчасти романтическом «этногенезе», возможно, нашел отражение образ народа-избавителя, сформировавшийся под влиянием отношения южных славян к русским во время освободительных войн на Балканах в XIX в.

2. «Русия» и «псоглави»

В фольклорно-мифологической картине мира представители чужих народов и обитатели отдаленных стран зачастую предстают как существа, наделенные демонологической природой. Не избежала своей доли «демонизации» и Россия, мыслящаяся в ряде фольклорных свидетельств, как далекий сосед. Любопытный пример нашелся среди народных легенд о псоглавцах, демонических собакоголовых персонажах, рассказы о которых известны всем славянам (СД 4: 158–159). У южных славян псоглавцы часто выступают как воплощение вредоносных духов. В Хорватии *pasoglav*, *pasoglavac*, *pasjoglavac* – это превращенный Богом в чудовище грешник. В Словении со словом *pesjoglavec*, *pesoglavec* связано представление о черном волосатом чудовище-людоеде, а в Истрии (Хорватия) *pesjanek* означает одноглазого великана. Как псоглавцы могут выглядеть злые духи *караконджулы* и *буганци*, по ночам на святах хватающие людей (Родопы); в некоторых районах Болгарии известны святочные демоны *писуглавци*, нападающие исключительно на женщин. По верованиям черногорцев, *пасоглави* имеют огромные груди, которые они крест-накрест закидывают за плечи (ср. сход-

ные признаки русалки, вилы). В Боснии и Черногории *псоглав* – это одноглазый хтонический демон с собачьей головой, козьими или конскими копытами, железными зубами. Он обитает в пещерах, куда не проникает свет, боится воды, пожирает живых и мертвых людей. С ним сходны известные в Хорватии демоны *songlavi* – они имеют песью голову и хвост, один глаз и пожирают мертвецов.

Что касается мест обитания этих опасных существ, то на этот счет имеются следующие сведения: сербы-границы верили, что *пасоглави* – великаны и людоеды с одним глазом и железными зубами – обитают в некоей земле (у *Мрачају*), где никогда не светит солнце. Они обладают хорошим нюхом и чуют приближение людей за три дня. Православные жители Височкой Нахии (Босния) считали, что на краю света есть страна «Русия», где живут *псоглави*, которые нападают на людей; чтобы защититься от них, люди воздвигли высокую стену (или насыпали вал) (Филиповић 1949: 213) (ср. сюжет «Александрии» о встрече Александра Македонского с собакоголовыми племенами, заключенными в горах) (подробнее об этом: Белова, в печати). Таким образом, Россия оказалась родиной кинокефалов!

Следует отметить, что представления о чужих странах как землях, населенных различными чудовищами, являются константой всех фольклорных и мифологических традиций. В качестве «обратного примера» приведем свидетельство из Подолии (Украина) – местные крестьяне рассказывали, что в «Туретчини за Дунаем» (получается, что как раз в южнославянском ареале) живут людоеды *сироиди* – люди с одной рукой, одной ногой и одним глазом (СД 3: 370).

3. Народная эсхатология

Демонологизация этнических соседей тесно связана с тем, что образы различных народов оказываются востребованы в сфере народной эсхатологии. Таким образом, наряду с книжным по происхождению образом полчищ Гога и Магога, в народных легендах о «последних временах» и конце света появляются конкретные этносы или их символы.

3.1. «Красный дракон»

«Русский сосед» становится одним из таких образов в южнославянских эсхатологических легендах (вопрос о том, есть ли это реакция на распространение коммунистических идей в XX в. или на деятельность «старшего брата», который навязывал свою волю собратьям по соцлагерю, мы в данный момент пока оставляем за рамками исследования – это может стать темой отдельной работы). Отметим лишь, что в традиционном сознании после революции 1917 г. советская власть часто наделялась чертами Антихриста (подробнее см.: Ахметова 2010:177 и сл.), и в этом демоническо-эсхатологический образ проявляет чрезвычайную живучесть.

Рассматривая мотив апокалиптической войны в представлениях религиозных сообществ постсоветской России, М.В. Ахметова отмечает особую укорененность в массовом сознании образа «эсхатологического народа», нашествие которого неизбежно в конце времен, и прослеживает развитие этого образа в историко-мифологической перспективе. В Византии в качестве такого противника рассматривали славян, в средневековой Руси – половцев и монголо-татар, позднее – поляков, литовцев, кавказских горцев, китайцев... (см. Ахметова 2010: 135–136). Представляется, что каждая национальная традиция формирует свой набор «эсхатологических иноземцев», с которыми придется столкнуться накануне конца света. Порой в народных рассказах этнические черты (наряду с традиционным зооморфным обликом «зверя» или «дракона») приобретает Антихрист.

Согласно предсказанию, записанному в 1982 г. на северо-западе Болгарии (Михайловаградский окр.), в 2000 г., в конце времен, с востока придет «русский красный зверь» – *червен дзвер русняко* (АИФ 329(II): 143–144). Рассмотрим параллели к этому образу (источником которого является, очевидно, Апокалипсис)², запечатленные в других славянских фольклорных традициях.

Приход «красного дракона» отражен в рассказе из белорусского Подвина. Когда начнется Апокалипсис, Иисус Христос снимет печати с книги, в которой написано о судьбе мира, и явятся один за другим четыре всадника: первый на белом коне, «імеўші лук і венец пабеды, – ета Ленін, царя пабедзіў, во, лук і венец пабеды»; второй на рыжем коне, с большим мечом, ему дана власть «ўзяць мір з зямлі, штоб убівалі друг друга – ета рэпрэсіі»; третий всадник на вороном коне, «імеець вясы і меру <...> ета калхоз – малая плата падзённікам, трудадні»; четвертый всадник на бледном коне – «ета нямецкая вайна». Когда будет снята пятая печать – разразится война, «пайдуць на нас чечэны...» И когда все это закончится, «явіцца красны дракон, будзець печатаваць. У яго свая печаць будзець – шассот шэсць, тры шасцёркі...» (Шумилинский р-н Витебской обл., 1997; ТМКБ 2: 759–760).

Эсхатологические символы спроектированы в этом рассказе на советскую действительность, и, таким образом, всадники Апокалипсиса оказываются воплощением Ленина, репрессий, колхозов, Великой Отечественной войны и Чеченской кампании... «Красный дракон» завершает этот список как основной итог российской истории.

Существуют и другие свидетельства того, что в образе апокалиптического «красного дракона» есть политическая подоплека³.

² «И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах у него семь диадим» (Откр. 12: 3).

³ Картина последних времен часто насыщается «эсхатологической» конкретикой, в которой символы советского времени играют не последнюю роль и выступают как жупелы: «будутходить палачи <...> будут звезды выжигать на лбу, будут номера выжигать...» (Костромская обл.; ЖС 2003/1:43); главным знаком «последних времен» станет «пятиугольчатая насильтвенная главная звезда» (Нижегородская обл.; СД 5 (статья «Эсхатология народная»), в печати).

Присутствует этот образ и в эсхатологических построениях последователей Богородичного Центра. Согласно откровениям, полученным Иоанном (Бреславским), власть, установившаяся в России с 1917 г., имела сатанинский характер. Признав коммунистов, православная церковь отступила от Христа – «таким образом, Красный дракон, т.е. сущность, духовно привившая Россией в результате этого синтеза, имел три головы – КПСС, КГБ и Московская Патриархия» (подробнее см.: Ахметова 2010: 187).

3.2. «Ангел с востока»

В тексте из Михайловградского окр. «красный зверь *русняко*» приходит с востока, так же, как и другой карающий персонаж: «В конце времен придет ангел с востока, дунет в трубу и сожжет весь мир» (АИФ VIII.12:80, Разградский окр., 1987). Для восточнославянских эсхатологических нарративов традиционно представление, что Антихрист и враждебные силы, угрожающие миру, явятся с запада (см., напр., БНБ: 140). Однако в современной православной мифологии проявляется и «восточное направление» – «эсхатологическим народом» становятся китайцы⁴. Однако современная действительность, видимо, оказывает непосредственное влияние на фольклор, и противостояние двух сверхдержав вносит корректировки в эсхатологическую картину мира. В следующем свидетельстве, записанном в 1946 г. в окрестностях Бургаса, как кажется, имплицитно присутствует указание на СССР и США, в послевоенный период являвших собой два полюса угрозы: «Через 2 года (т.е. в 1948 г.?) наступит второе пришествие. Сначала станут воевать между собой малые державы, потом большие. Раздастся музыка с востока и с запада, мертвые воскреснут» (АЕИМ 206: 31).

3.3. «Атомный потоп»

В повествовательной традиции болгар-мусульман широко распространены рассказы о конце света как о 40-дневном дожде и потопе, после которого люди возникнут вновь: от каждого человека останется косточка из крестца – и люди вырастут из этих костей «как грибы» (Родопи 1994: 25); после потопа останутся три муhi, которые превратятся в людей (Разградский окр., 1988; АИФ VIII.18(II):137); либо люди возникнут из грибов, сразу в возрасте 33-х лет, и у всех будет один язык – язык Корана (Варненский окр., 1994; АИФ VIII.39:19); воскресшие будут в возрасте 18 лет, все будут на одно лицо, но у мужчин будут зеленые усы (*зелени мустаци*) (Кырджалийский окр., 1986; АИФ VIII.3:38).

⁴ Как отмечает М.В. Ахметова, «мотив китайского нашествия является <...> наследием рубежа XIX и XX вв.» и исторически связан с периодом «дальневосточной политики» Российской империи (Ахметова 2010: 136 и сл.). Мотив «восточного» пришествия зафиксирован и у русских старообрядцев Усть-Цилемского р-на Республики Коми: «При последнем времени пройдёт огонь с востока на запад, да и всё сожгёт, останется одна треть населения только...» (ЖС. 2010. № 1. С. 61).

Во второй половине XX в. под влиянием пугающего призрака атомной войны и гонки вооружений в традиционном контексте эсхатологических рассказов появляется мотив гибели мира в результате атомной войны. Приведем лаконичное свидетельство из Михайловградского окр. (1982): в 2000 г. мир погибнет в огне «от атома» (АИФ 329(II):143–144). Характерна также концовка уже упоминавшейся выше легенды о Вавилонской башне, записанной в окрестностях г. Враца: после того как в мире появились разные веры, люди перестали понимать друг друга, и непонимание между народами продолжается по сей день, что грозит миру атомной войной. В конце концов, люди «сделают атомную войну, как потоп», который обрушится на землю, и «станет планета»⁵ (АИФ 210(I): 55). Таким образом, эсхатологический потоп становится «атомным».

Мотив «атомного потопа» активизируется с середины 1980-х гг. в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, когда миру была явлена репетиция Апокалипсиса. При этом в «устной истории» мест, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, образ «атомной заразы» органично вписался в эсхатологический контекст⁶ и породил свою мифологию (см. Бондаренко 2009). Таким образом, в записях, сделанных на европейской территории после 1986 г. (независимо от фольклорной традиции, поскольку «причастными» к Чернобылю оказались практически все), образ «атомного потопа» можно рассматривать как своеобразный «скрытый» «русский мотив»⁷.

3.4. «Великий перелом»

В контексте южнославянских эсхатологических рассказов встречаются также и иные скрытые «русские мотивы», основанные на языковых клише. Первый пример такого рода – это выражение «великий перелом», засвидетельствованное в фольклорном контексте. «Великий перелом» – известное выражение И.В. Сталина, которым он охарактеризовал начатую в СССР в конце 1920-х гг. политику форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, сопровождавшуюся усилением репрессивных действий по отношению к населению, особенно крестьянству.

⁵ Здесь «планета», возможно, как образ пустынного небитаемого мира.

⁶ «Да, да. Зямля ўся будзе правадамі скрэшчэні і людзі будуць балець. Будуць балець. – А чаго яны будуць балець? – Патаму што, а вы думаецце, Чарнобыль што? Там жа ж атамная станцыя, а даўней жа ж не было...» (Сморгонский р-н Гродненской обл., 2002; БНБ: 132); «Як Вы думаеце, а чаго так свет змяніўся? – Я думаю, што оно должно зменіцца, потому шо скоро приходзіць кон'ец света. А до конца осталосі сігнаныя годы. Вот <...> ужэ нас половіна, бачіш, нас задавіла радзіція половіну, поміраюць. Уміраюць і не знаюць: у того рука, у тога нога, у тога кров, – всі бабі, всі мужчыны больныя» (Столинский р-н Брестской обл., 2003; БНБ: 137).

⁷ Как отмечает М.В. Ахметова, в американских нарративах атомная война была и остается одним из популярнейших эсхатологических мотивов вплоть до конца 1990-х гг. (Ахметова 2010: 114); при этом топика атомной войны не является главенствующей в текстах российских религиозных сообществ конца XX – начала XXI вв., вероятно потому, что в бывшем СССР этот сценарий уже воплотился в Чернобыле в 1986 г.

Любопытна в этом отношении запись, сделанная в 1985 г. в окрестностях г. Врацы, о том, что «после 1996 года наступит “Великий перелом” – Второе Пришествие. Когда-то на земле был потоп, теперь будет огонь» (АИФ 330: 51).

Слова Сталина, вошедшие в политический и газетный лексикон, в данном контексте становятся символом мрачных «последних времен». Следует учесть, что фигура Сталина занимает достаточно значимое место в эсхатологических народных представлениях, ассоциируясь в первую очередь с Антихристом. Вот один из показательных примеров: «Глава последнего Откровенія Іоана. Ні на одного цара, руководителя нэ попадае такое чысло – і там жэ пішэцца в Евангеліі, какое это чысло – 666. Оно ні на кого, анно Сталін, на Сталіна выходіло. Кажэ: зложы з запалков гэтое ім’я: Сталін – выходіть. А ні на якого большэ з государствав цара нэ получалоса. Показвалі, як запалкамі это, перэлічывалі. – *А як гэта?* – Слічок взяті, – на другого якого, які там в Англіі був, у Польшчы був... Ні на якого больш нэ попадало, толькі анно на Сталіна. Это сатанінске чысло 666» (Пружанский р-н Брестской обл., 2001; БНБ: 135).

3.5. «Вымыть сапоги в океане»

Второй «скрытый» «русский образ» основывается на выражении, отражающем российские политические амбиции, причем разных времен, – «вымыть сапоги в океане». Когда-то, в период русско-турецких войн XVII–XIX вв. донские казаки были намерены «мыть сапоги в Атлантическом океане»; в начале 1990-х, в постсоветский период новых имперских амбиций лидер ЛДПР В.В. Жириновский выдвигал проекты, согласно которым при определенных обстоятельствах Россия сможет «вымыть сапоги в Индийском океане». В литературе некоторых российских религиозных сообществ также присутствует сходный образ. Так, один пророческий текст, условно называемый «Пророчеством санаксарских старцев», свидетельствуя о судьбах России после третьей мировой войны, распространил ее пределы практически на весь мир: «В итоге третьей мировой войны весь мир перейдет к russkим <...> на Ближнем Востоке Россия буквально ввалится в Индийский океан [выделено мною. – О.Б.] <...> В Европе к России присоединяются исконно славяно-русские земли, Турция, Болгария, Югославия, Албания, Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Восточная Германия, то есть Бавария, Скандинавия, а также Греция и Италия ниже реки Арино...» (цит. по: Ахметова 2010: 107).

Этот текст рисует прекрасное мировое будущее под крылом бескрайней России. Однако на деле у некоторых малых держав, перечисленных в данном тексте, противостояние великих государств вызывает озабоченность, учитывая многолетнюю пропаганду, начиная со времен «холодной войны» и дальнейшей гонки вооружений. Вот краткое, но колоритное свидетельство, записанное в 1995 г. в Харманлийском окр. в Болгарии: «В 2000 г. будет или война, или потоп, все утонет в крови. Русские не могут

мирно договориться с Америкой и Англией, “не трябва да си миєме ботуши долу на Каспийското море”» (АЕИМ 313 III: 29). Как видим, и тут амбициозные планы выливаются в мытье сапог, но на этот раз уже не в океане, а в Каспийском море.

3.6. «Россия будет на плаву»

С другой стороны, в современном массово-религиозном сознании присутствуют представления о том, что некоторые «святые» места могут быть закрыты для Антихриста, пережить его приход и перейти в вечность – это, например, вся православная Россия, Дивеевский монастырь (центр почитания св. Серафима Саровского), Печоры, Почаев, Екатеринбург (место мученической смерти Николая II и его семьи) (СД 5, в печати). Иногда избранными оказываются «три православных рода»: «Былі старынны кнігі, свящчэнны былі кнігі <...>. От, значыць, у нас быў одзін тожэ, Бобрык, он у лесу жыў. Он по нацыональносці быў поляк. <...> А вон што предказваў, то і збывалос. <...> І говорыў, што Росія – это Правослаўе. Прыдзе врэмя, когда прыдзе анціхрыст, ішціме з боку, адтуль, з Запада. Ну, кажэ, у Росії не воцаріцца, не допусцяць. Это трі правослаўных рода – Україна, Белорусія і Росія. Тут ёму не быць, это вон часто росказваў...» (Столинский р-н Брестской обл., 2003; БНБ: 140).

С этой концепцией, очевидно, сочетаются предсказания известной болгарской прорицательницы Ванги о судьбах России в XXI в., тиражируемые на множестве интернет-сайтов. Так, в связи с «проблемой 2012»⁸ на свет было извлечено предсказание Ванги о том, что в 2012 г. Европу захлестнет экономический кризис, а Россия все равно «будет на плаву».

4. «Политические образы» фольклорных легенд

В данной статье мы лишь коснемся проблемы отражения в легендарных фольклорных нарративах образов политических деятелей. Мифологизация исторических персонажей в народных легендах и преданиях – тема обширная и достаточно хорошо разработанная в фольклористике (см. Белова, Петрухин 2008: 110–128). Отметим лишь два частных случая «вхождения» политических образов в контекст современных народно-христианских легенд, повествующих о личности и деяниях Иисуса Христа и составляющих показательную параллель двух традиций, объединенных на тот период одной идеологией.

Для русских, украинских, белорусских фольклорных нарративов советского и постсоветского периода характерно сравнение Христа с Лениным (см. Белова 2000) – они ратуют за бедных, учат справедливости, распространяют свое учение через последователей: «Иисус Христос – он то же самое, как Ленин. Раньше как – была мусульманская вера. Он перевел на православную веру и стал высший бог. А у нас теперь Ленин высший бог»

⁸ Очередная дата предполагаемого конца света.

(Архив Карельского научного центра, кол. 151, ед. хр. 390); Христос – абыкнавенный человек, таки ж, яки Ленин, людей жалеў» (ПА, Гомельская обл., Грабовка); «Як у Ленина замесциели були, так и Исус мае замесцицелей. А глаўная – Маци Марыя» (ПА, Брестская обл., Гортоль); «Як вот Ленин хадиў са сваими саратниками па кустам, писали, в таком-та гаду то-та и то-та, так и Христос с апосталами учениками хадил» (ПА, Гомельская обл., Грабовка).

Для болгарских легенд о земной жизни Христа характерно сравнение его с другим «политически-сакральным» персонажем, а именно с Георгием Димитровым: «Той ходил да проповядва като Георги Димитров» (Ивайловградский окр., АИФ II 71(II):140); Христос взял себе учеников, как Георгий Димитров, «бог да го прости» (Да прости тво Бог)⁹ (Врачанский окр., АИФ 330:28).

Любопытная деталь содержится в легенде о сотворении первого человека, записанной в 1983 г.: ангелы под руководством дьявола создают первого человека из земли по шаблону, данному Богом. Бог дает им образец, согласно которому получается громадная фигура высотой 70 метров – «един паметник като другаря Димитров» (такой памятник, как товарищу Димитрову) (Юго-Западные Родопы; АИФ 192(II):190). Наделить это произведение душой смог только Господь, потому что «компетентности» ангелов на это не хватило. Но дьявол отказался поклониться этой внушительной фигуре, потому что сам дьявол был создан Богом из огня, а человек (даже в виде величественного монумента) – из земли...

Представленный в этой статье материал не составляет пока стройной и исчерпывающей картины, однако, безусловно, при расширении фактической базы и привлечении новых полевых данных можно будет сделать вывод о систематичности или случайности появления тех или иных «киноэтнических» образов в национальном фольклоре.

Литература

- Ангелов 1997 – Ангелов Д. Представи за «другия» в българския песенен фолклор // Българска етнография. 1997. № 1–2. С. 109–121.
- Ахметова 2010 – Ахметова М. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М., 2010.
- Белова 2000 – Белова О. Евреи, Ленин и Христос (по материалам Полесских этнолингвистических экспедиций) // Вестник Еврейского университета. 2000. № 3. С. 185–190.
- Белова 2002 – Белова О.В. «Другие» и «чужие»: представления об этнических соседях в славянской народной культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 71–85.

⁹ Фраза, которую обязательно произносят болгары, когда упоминают имя умершего.

- Белова 2005 – Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Белова 2009а – Белова О.В. Народная культура о разных конфессиях: номинация, автономинация, оценка // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 29–30.
- Белова 2009б – Этнические и конфессиональные «превращения» в балканских народных легендах и поверьях // Доклады российских ученых. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.). СПб., 2009. С. 15–32.
- Белова, в печати – Белова О.В. Псоглавцы: от книжных памятников к фольклорному нарративу // Демонология как семиотическая система: Изображение. Текст. Народная культура. Сб. мат-лов конференции / Отв. ред. О.Б. Христофорова. М., 2011 (в печати).
- Белова, Виноградова 2002 – Белова О. В., Виноградова Л. Н. Фольклорные этиологические легенды о поляках и их восточнославянских соседях // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 310–320.
- Белова, Петрухин 2008 – Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М., 2008.
- БНБ – Беларуская «народная Біблія» ў сучасных записах / Уступ. артыкул, уклад. і камент. А.М. Боганевай. Мінск, 2010.
- Бондаренко 2009 – Бондаренко Г. Современные мифы о Чернобыле // История – миф – фольклор в скандинавской и славянской культурной традиции. М., 2009. С. 370 – 378.
- Георгиева 1996 – Георгиева А. «Чуждият» според българските етиологични легенди // Етнология. София, 1996. Т. 2. С. 64–97.
- Градева 2001 – Градева Р. Турците в българската книжнина, XV–XVIII век // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха (XIX–XX век). София, 2001. С. 112–134.
- ЖС – Живая старина. 1996–. 4 номера в год.
- Красных 2003 – Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Крысин 2002 – Крысин Л. П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов (постановка проблемы) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в со-поставительном лингвокультурном аспекте). М., 2002. С. 171–175.
- НБ – «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Составление и комментарии О.В. Беловой. М., 2004.
- Родопи 1994 – Родопи. София, 1994.
- СбНУ – Сборник за народни умствования, наука и книжнина. София, 1889–. Кн. 1–.
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под. общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2011. Т. 1–5.
- СЕЗБ – Српски етнографски зборник. Београд, 1894–. Кн. 1–.
- ТМКБ 2 – Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т. 2. Віцебскае Падзвінне. Мінск, 2004.

- Тодорова 2001 – Тодорова О. Еврите в българската словесност от началото на XIX век до Освобождението // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха (XIX–XX век). София, 2001. С. 88–111.
- Филиповић 1949 – Филиповић М. С. Живот и обичаји народни у Височкој Нахији. Београд, 1949.
- Цепенков 2006 – Цепенков М. Фолклорно наследство. Т. 4. Легенди и предания. София, 2006.
- Benedyktowicz 2000 – Benedyktowicz Z. Portrety “obcego”. Kraków, 2000.
- Cała 1992 – Cała A. Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej. Warszawa, 1992.
- Jakubiak 2003 – Jakubiak E. Stereotyp Żyda w dowcipach z przełomu XIX/XX wieku // Etnolingwistyka 14/ Lublin, 2003. S. 235–244.
- Krekovičová 1999 – Krekovičová E. Medzi toleranciou a bariérmi. Obraz Rómov a Židov v slovenskom folklóre. Bratislava, 1999.

Архивные источники

- АЕИМ – Архив Этнографического института и музея Болгарской академии наук (София, Болгария).
- АИФ – Архив Института фольклора Болгарской академии наук (София, Болгария).
- ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).

* * *

Olga Belova

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

«Russian Motifs» in folk legends of Balkan Slavs

The paper deals with the problem of ethno-stereotypes in Slavic folklore. According to the folk view of the world, the universal binary of the signs “our own / other” penetrates all levels: from cosmological notions (“our own” and “other” space, human creatures and demonic characters), to everyday pragmatism (differences in language, traditional ceremony and way of life). The ethnic neighbors, as presented in folk legends, superstitions and beliefs, function as mythical ancestors and giants, antagonists and warlike enemies, civilized heroes and even demonic creatures.

The evaluation of “others” as hostile and dangerous creatures stems from archaic beliefs about how all people who come from the outside and do not belong to the closest community are representatives of a “different” world and possess supernatural qualities. The idea of ethnocentricity remains fundamental in the system of “folkloric ethnology,” in which a positive evaluation of “our own” and a negative evaluation of “others” is often rendered within the categories of mythological thought. A striking feature of folk narratives on the theme of ethnic identification is not only their stability, but also their incorporation into the context of “world history,” which unites the creation of the world, events of Old and New Testimonies, and mythologized historical facts. Legends connected with “folk ethnology,” as the 19th – 21st cent. material demonstrates, reflect a

fully living tradition of folkloric consciousness of self within the surrounding world and within interrelations with ethnic neighbours.

What types of South-Slavic (Bulgarian, Macedonian, Serb) folk legends reflect the image of ethnic neighbor, and the Russian one particularly?

1. “Ethnic” legends on the origin nations and their faith. From the perspective of ethnocentrism, only our own ethnicity is evaluated positively: just it possesses the “correct” way of life, “human” language and righteous religion. At the same time there exist some nations which are close to the “own one” than the others. Thus the legend from Gruzha (Serbia) declares the idea of common roots of Serbian and Russian nations since the beginning of time. This motive seems to be unique – in most cases the origin of nations is connected with the construction of Babel Tower and God’s allotment the peoples with determined fate. As a rule the legends of such kind enumerate only the nearest neighbors.

2. The legends about the “inhuman” nature of ethnic neighbors – of their “animal” essence, or of their connection with the world beyond. For example the Serbian legend tells that dog-headed people (demonic man-eaters) live in the land of *Rusija* – far away from the human world, behind the tall wall.

3. Eschatological legends of Bulgarians present a number of images connected with the “Russian neighbor” in the context of folk beliefs on the end of the world and the Last Judgment – such as the beast from the East (the red beast *Rusniako*), the angel from the East that will burn the Earth. The image of Russia as the superpower (along with USA) is a central one in the legends on the “atomic Deluge”. Russia as the “mythological empire” is responsible for the Great Change (Turn) – *Velikij perelom* – in the human history before the end of the world because of the realization of its ambitious political plans (cf.: the famous aphorism from the end of 1920s by I. Stalin). Together with other superpowers Russians want to “wash their jackboots in the Caspian Sea” (cf.: the famous cliché *to wash one’s jackboots in the Indian / Atlantic Ocean* known from the period of wars between Russia and Osman Empire in 17th-19th cent.). At the same time the popular culture caught up of “baba Vanga’s” prophesies about the faith of Russia in 2012 – the whole world will be seized with global crisis and only Russia “will be afloat”.

4. Apart from the abstract image of “Russia” or the “Eastern neighbor” there exist some particular motives, connected with political and ideological discourse of the Soviet period. Thus for the Russian and Bulgarian legends fixed in 1980s some “political motives” are typical – when traditional sacral figures get the same status as the Communist leaders (Jesus Christ – as protector of the poor and defender of justice – is compared with Vladimir Lenin and Georgi Dimitrov).

The traditional beliefs (stereotypes, superstitions) concerning neighbouring communities in regions of close ethnocultural contact show remarkable longevity. Moreover, the evidence shows that superstitions persist regardless of whether or not another ethnic group is actually present.

Е.Ю. Гуськова

Институт славяноведения РАН, Москва

Что ждали от России на Балканах в начале 1990-х годов

К концу 1980-х годов Югославию охватил всесторонний кризис, затронувший все стороны жизни – экономику, политику, культуру, образование. Ухудшились отношения между республиками, наблюдался кризис коллективного руководства страны. Федерации грозил распад. Кризис всех ветвей власти, неспособность руководства субъектов Федерации идти на компромисс, перенос центра тяжести принятия решений из Белграда в республики, невозможность союзных органов преодолеть центробежные тенденции, бескомпромиссное и бесперспективное столкновение двух концепций судьбы страны открыли путь Словении и Хорватии к отделению. В этих условиях Югославия, которая все больше ассоциировалась с Сербией и Черногорией, искала поддержку среди европейских государств. Заговорила историческая память, и Югославия с надеждой обратилась к России, как это часто случалось в истории.

Очевидно, что в Югославии ожидали совершенно иной позиции России в современном балканском конфликте. Думалось, что России не надо объяснять, кто прав, кто виноват. Думалось, что Россию не надо убеждать занять объективную позицию. Думалось, что Россия поможет сохранить Югославию, ибо сама находится в скожей ситуации. В ответ же Белград встретил холодное непонимание, а также недоумение представителей российской дипломатии по поводу того, почему именно Россия должна радеть за сербов и черногорцев. Позиция России была в высшей степени неожиданностью для Сербии и Черногории, поскольку была непоследовательной, несамостоятельной и не учитывала национальных интересов России. Объективно же она с самого начала зазвучала как антисербская.

Провозглашение независимости республик СФРЮ, начало межнациональных столкновений в Словении, война в Хорватии пришли на последние месяцы деятельности МИД СССР. В 1991 г. российская политика характеризовалась невмешательством во внутренние дела Югославии, поддержкой территориальной целостности СФРЮ. Обострение политической обстановки в Югославии в начале 1991 г. не вызывало особого беспокойства у российского руководства, которое исходило из того, что решение возникших в СФРЮ проблем должно происходить без какого-либо вмешательства извне.

После того, как парламенты Словении и Хорватии объявили о своей независимости, МИД СССР 26 июня 1991 г. сделал заявление, что эти действия являются односторонними. Поэтому «Советский Союз, как и прежде, последовательно выступает за единство и территориальную целостность Югославии, нерушимость ее границ, включая внутренние., поддерживает федеральные структуры власти, которые стремятся обеспечить сохранение югославского государства»¹.

События в Словении летом 1991 г. вызвали некоторую тревогу в официальных кругах России, появились первые упоминания о том, что свой вклад в оздоровление обстановки в Югославии должны внести и некоторые международные организации, в частности СБСЕ. В начале июля министр обороны Югославии В. Кадиевич звонил министру обороны СССР маршалу Язову и спрашивал, может ли СССР поддержать Югославию в случае военной интервенции Запада и может ли поставить так необходимое армии вооружение? Ответ маршала был отрицательным на оба вопроса². 9 июля Язов передал В. Кадиевичу слова М.С. Горбачева, что СССР может оказать Югославии только дипломатическую помощь. Запад очень боялся вмешательства Москвы в кризис на Балканах и пытался влиять на позицию официальных кругов СССР. Руководству Югославии стало известно, что на встрече высших должностных лиц НАТО и СССР натовцы предупредили Москву, чтобы она не вздумала оказывать материальную или идеологическую поддержку ЮНА: в этом случае альянс будет реагировать «решительно и со всей силой»³.

12 июля МИД СССР посетил посол США в Москве Реймонд Смит и ознакомил министра с американской оценкой деятельности ЮНА на территории Хорватии. ЮНА, по его словам, заменяла офицерские кадры хорватской и мусульманской национальности на сербов, концентрировала силы в Хорватии, готовилась применить силу. Поэтому США готовы «принять дополнительные меры», чтобы «отрезвить югославский генералитет»⁴. Посол предложил руководству СССР сотрудничество по вопросу урегулирования югославского кризиса, считая взгляды двух стран идентичными. В советском МИДе не разделяли опасений США, полагая, что посол может располагать и дезинформацией. Однако влияние США на внешнеполитическое ведомство СССР все же начинало давать конкретные результаты. Советский Союз, хотя формально и не присоединился, но практически прекратил поставки в Югославию вооружения и боевой техники после того, как ряд стран, включая США и Германию, наложили эмбарго на поставки оружия в этот регион. МИД сделал об этом специальное заявление 19 сентября 1991 г.⁵. А 25 сентября 1991 г.

¹ Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии. Современная история Югославии в документах. Т.2. М., 1993. С. 56.

² Јовић Б. Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. Београд, 1995. С. 360.

³ Там же. С. 342.

⁴ Там же. С. 366.

⁵ Югославский кризис. С. 63.

Россия проголосовала в СБ ООН за Резолюцию № 713 о запрещении ввоза оружия в Югославию.

В июле в СФРЮ был направлен специальный представитель Президента СССР, первый заместитель министра иностранных дел СССР Ю.А. Квицинский, посетивший Белград, Словению и Хорватию. По возвращении в Москву, он поделился своими впечатлениями с заместителем министра иностранных дел СФРЮ М. Максичем. По мнению советского дипломата, последний шанс сохранить Югославию пропущен, и нет такой силы, которая могла бы это осуществить. Ю.А. Квицинский подчеркнул, что развитие событий уже не подлежит контролю⁶.

Это был симптом начавшегося изменения позиции руководства СССР, хотя официальная позиция по сохранению целостности Югославии еще продолжала оставаться неизменной. В заявлении советского правительства от 2 августа 1991 г. международному сообществу даже давалось понять, что следует делать различие между «оказанием добрых услуг» и «вмешательством во внутренние дела», которое неприемлемо ни с точки зрения международного права, ни с точки зрения возможных последствий⁷. Однако новые тенденции в позиции СССР, озвученные Ю.А. Квицинским, что «в глобальной политике для СССР абсолютный приоритет имеют отношения с США, а затем с Западной Европой, и в этих рамках особенно с Германией», а «все остальное подчинено этим приоритетам», к осени 1991 г. проявились уже более определенно⁸. В совместном заявлении СССР, США и ЕС 18 октября ни слова не говорилось о сохранении территориальной целостности Югославии⁹.

В целом позиция СССР по югославскому кризису в этот период быладержанной и скорее созерцательной, несмотря на призывы югославской стороны выступить посредником в урегулировании конфликта. Поэтому некоторые надежды породило приглашение М.С. Горбачевым в октябре 1991 г. лидеров Сербии и Хорватии в Москву с целью оказать помощь в разрешении югославского кризиса. Подписанное М.С. Горбачевым, Ф. Туджманом и С. Милошевичем совместное Коммюнике, хотя и вызвало осторожный оптимизм, однако не имело вследствие своей неконструктивности практического значения для конфликтующих сторон.

Занимая как бы нейтральную позицию и не желая разбираться в том, кто правый, кто виноватый в конфликте на территории СФРЮ, руководство СССР делало заявления наиболее общего характера. К осени 1991 г. во время активных боев в Хорватии СССР стал склоняться к тому, что ЮНА является основной виновницей происходящих в Хорватии событий. 7 октября в полночь послу СССР в Югославии по указанию Президента СССР было направлено указание незамедлительно передать руководству

⁶ Јовић Б. Указ. соч. С. 369.

⁷ Югославский кризис. С. 61.

⁸ Јовић Б. Указ. соч. С. 368.

⁹ Югославский кризис. С. 64–65.

СФРЮ и Югославской народной армии обращение, в котором выражалась тревога по поводу якобы готовящегося нападения на крупные промышленные центры и даже на столицу Хорватии Загреб. В обращении содержался призыв к безусловному соблюдению соглашения о прекращении огня и немедленному прекращению боевых действий¹⁰.

А.В. Козырев был назначен министром иностранных дел РСФСР 11 октября 1990 г. и повторно 25 июля 1991 г. Он и остался возглавлять МИД России после Беловежских соглашений декабря 1991 г. Ельцин оставил А. Козырева министром, хотя осознавал, что он – спорная фигура. Президента предупреждали, что «Козырев прозападник, Козырев проамериканец»¹¹. Но Ельцин ставил задачу «создать не на словах, а на деле модель мирной российской дипломатии», и А. Козырев с этой точки зрения его устраивал. Ельцина прельщала «молодость А. Козырева, его выдержанка, его холдинговатый профессионализм», умение выдерживать большие физические нагрузки¹².

То, с какими идеями новый министр начал руководить МИДом, видно из его ответа Ричарду Никсону об интересах новой России. А. Козырев сказал, что «одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, – попросил он Никсона, – то я буду вам очень благодарен»¹³. Такого еще мир не видывал – министр суверенной России просил бывшего президента США помочь ему в определении национальных интересов России! Никсон был удивлен. Присутствовавший при разговоре американский политолог Саймс заметил: «Российский министр человек, благожелательно относящийся к Соединенным Штатам, но я не уверен, насколько он понимает характер и интересы той державы, которую представляет». Никсон тогда подчеркнул, что ради американских национальных интересов он всегда готов был «драться изо всех сил», а Козырев вместо того, чтобы защищать и укреплять Россию, «хочет всем показать, какой он замечательный, приятный человек»¹⁴.

При А. Козыреве не существовало научно обоснованной внешнеполитической концепции нового российского государства, и поэтому политика отдельных направлений складывалась достаточно спонтанно. Именно так случилось и с балканской политикой России. «Балканская проблема» возникла тогда, когда в стране преобладал антикоммунистический пафос, когда отрицались все элементы внешней политики коммунистического прошлого, включая сферы влияния, когда были отвергнуты все союзники быв-

¹⁰ Там же. С. 63.

¹¹ Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 213.

¹² Там же. С. 214.

¹³ Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999. С. 210.

¹⁴ Там же. С. 211.

шего СССР, впрочем, не стало и противников. Европа и США прельщали идеалами демократии, экономического благополучия. Поэтому Россия, по мысли новых политиков, называвших себя демократами, должна была стать частью Европы, забыв о своей «неевропейской» политике предшествующего времени. «Балканская проблема» возникла тогда, когда молодая дипломатия отрицала национальный элемент в строящейся системе международных отношений и налаживала дружеские отношения с лидерами западных стран, стремясь не противоречить и не конфликтовать. А. Козырев провозгласил, что Россия должна стремиться войти «в качестве великой державы в семью наиболее передовых демократических государств.., в так называемое западное общество. Это столь же естественные союзники демократической России, как и заклятые враги тоталитарной системы...»¹⁵.

С начала 1992 г. Россия резко изменила свою оценку событий в Югославии, признала факт распада федерации. Выступая на открытии Хельсинкской встречи СБСЕ, А. Козырев уже позволил себе усомниться в обязательности принципа невмешательства во внутренние дела, когда речь идет о правах национальных меньшинств¹⁶. Однако в этот период Россия, находясь на начальном этапе формирования своей внешней политики, в непосредственном урегулировании кризиса на Балканах участия не принимала. Ее главной задачей было продемонстрировать Западу приверженность так называемым демократическим принципам, чтобы потом быть допущенной в более узкий круг принимающих или исполняющих решения. Москва выражала свою позицию через заявления, обращения, выступления политических руководителей страны на международных форумах. Пока шла проверка Москвы на лояльность, западные страны строили свою систему взаимоотношений с бывшими республиками Югославии.

МИД РФ во второй половине 1992 г. активно поддерживал все решения СБ ООН, всячески подчеркивая «их взвешенный, сбалансированный характер и четко очерченную гуманитарную направленность», выступал за «энергичные, а при необходимости – жесткие меры воздействия», согласился с сентябрьским решением ООН о прекращении существования Социалистической Федеративной Республики Югославии и необходимости для СРЮ подавать заново заявление о вступлении в ООН, одобрил решение о временном неучастии СРЮ в работе Генассамблеи, считая это большим достижением российской дипломатии, воспротивившейся исключению Югославии из ООН¹⁷.

Как писали тогда российские газеты, Москва заключила «джентльменское соглашение» с другими членами Совета Безопасности, пообещав проголосовать за Резолюцию № 777, а США, Франция и Великобритания

¹⁵ Козырев А.В. «Преображение или кафкианская метаморфоза»: демократическая внешняя политика России и ее приоритеты // Независимая газета. 20 августа 1992. С. 1, 4.

¹⁶ Югославский кризис. С. 69.

¹⁷ Там же. С. 116–122.

в свою очередь обязались не ставить вето на предложение о приеме СРЮ в ООН, если Югославия подаст новое заявление о приеме в ООН до 20-х чисел декабря 1992 г. При этом текст выступления российского представителя в СБ ООН Юлия Воронцова «Независимая газета» охарактеризовала как «любопытный образчик политической казуистики». Россия постаралась обставить свое решение целым рядом оговорок и таким образом максимально подсластить пильюлю, которую должен был проглотить премьер-министр СРЮ Милан Панич¹⁸.

Этим решением были значительно сужены возможности югославской дипломатии, а канал коммуникации Белграда с ООН начал действовать в одном направлении. В этом случае ее интересы должна была бы представлять какая-нибудь страна. Но Россия, единственная годившаяся на эту роль, от нее отказалась. А. Козырев фактически поддержал бесправие Югославии перед международными организациями. Не оказывая помочь населению Сербии и Черногории, А. Козырев подчеркивал, что Россия «стремится оказывать помощь и населению других бывших югославских республик», приняла «меры по развитию взаимодействия с новыми государствами, с близкими нам народами южных славян», учредив посольства РФ в Словении и Хорватии, обсуждая соглашения об экономическом сотрудничестве с ними, а также с Македонией, Боснией и Герцеговиной¹⁹.

Россия не смогла предотвратить исключение Югославии из СБСЕ, доказать контрпродуктивность постановки вопроса об изоляции Югославии от международных организаций. Югославии пришлось самой заявить о своем неучастии в СБСЕ в связи «с необъективным и предвзятым отношением большинства участников СБСЕ к СРЮ».

Серьезной ошибкой российского МИДа было то, что он начал связывать свое участие в урегулировании югокризиса с системой власти в Югославии, требуя ухода «национал-большевиков» и их лидера С. Милошевича, мечтая о победе так называемых конструктивных сил. Позиция была очень удобной – этим можно было оправдать свою пассивность, а также продемонстрировать «демократизм». Недальновидность такой позиции проявилась уже в декабре 1992 г. после очередной победы С. Милошевича на парламентских выборах, когда МИД вынужден был менять линию поведения. Как заявил замминистра иностранных дел В.И. Чуркин, неожиданные результаты выборов не стали «трагедией» для министерства, «не означали полную блокировку возможности политического урегулирования» в бывшей СФРЮ. А. Козырев, не смущаясь, заявил, что не оправдались страхи Запада, связанные с тем, что имя С. Милошевича является синонимом войны²⁰. Российским дипломатам пришлось работать и вести переговоры с С. Милошевичем.

¹⁸ Юсин М. Москва добилась смягчения Резолюции Совета Безопасности по Югославии // Известия. 21 сентября 1992. С. 1.

¹⁹ Югославский кризис. С. 123.

²⁰ Там же. С. 171.

Курс российской дипломатии в урегулировании югославского кризиса был неизменным до 1996 г., хотя можно проследить некоторые его внутренние этапы. Причинами такого постоянства была сложившаяся практика взаимоотношений во властных структурах России, концентрация всей полноты власти по внешнеполитическим вопросам в руках министра иностранных дел и, соответственно, его политическая ориентация. События начала 1990-х годов, кризис на территории Югославии возникли в конце длительного периода охлаждения отношений между СССР и Югославией и частичной их стагнации. В этот период балканское направление находилось на задворках внешней политики России, с одной стороны, как невостребованное со стороны Югославии, а с другой – как неприоритетное для Москвы.

Elena Gus'kova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

What did the Balkans wait from Russia in 1990s?

By the end of the 80s in Yugoslavia the all-round crisis which has captured all the spheres of public life – economy, politics, culture, formation became evident. The relations between the republics have worsened, the crisis of collective leadership of the country has deepened. The Federation was threatened with disintegration. The crisis of all the branches of the authorities, the inability to manage the subjects of the Federation and their unwillingness to compromise and to move the centre of gravity of decision-making from the Center into the republics, impossibility of allied bodies to overcome centrifugal tendencies, etc. have opened the door for Slovenia and Croatia to leave. In these conditions Yugoslavia searched for support from the European states. Historical memory started to talk, and Yugoslavia with hope addressed Russia as it has often happened in the past. This was met by the representatives of the Russian diplomacy with cold misunderstanding, and also bewilderment why should Russia take stand up for the Serbs and Montenegrins. This attitude was constant up to 1996 though it is possible to track some internal stages of this period. The reasons for such constancy were the developed practice of mutual relations in power structures of Russia, concentration of the power on the foreign policy in the hands of the Ministry for Foreign Affairs and, accordingly, its political orientation. The events of the early 90s, the crisis on the territory of Yugoslavia have arisen in the end of the long period of freezing and almost stagnation of the relations between the USSR and Yugoslavia. During this period the Balkan direction was on boondocks of foreign policy of Russia, on the one hand, as not demanded from Yugoslavia, and with another – as having no priority for Moscow.

И.И. Калиганов

Институт славяноведения РАН, Москва

Освобождение страны от турок в болгарской периодике (малоизвестные публикации и эмоции в XIX столетии)

Об освобождении Болгарии от османского ига в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и о том ликовании болгар, с которым они встречали долгожданную свободу, написано множество научных работ. Нас интересует в этой теме, однако, не ход военных действий, страдания и героизм русских и болгар или великая радость от осознания победы, а тот привкус горечи, которым она обычно сопровождается. Любая победа несет в себе известное поражение и, в конечном итоге, оказывается не такой, какой она долго представлялась. С учетом этого аспекта и строилась наша статья, и осуществлялся отбор соответствующих фактических материалов. Источниковой базой нам служила главным образом болгарская периодика времен упомянутой войны и первых лет после освобождения страны от турок. Именно прессы, благодаря своей быстрой текучести, отражает эмоциональную реакцию общества на то или иное событие, продиктованную страхом, разочарованием, радостью, горем, стыдом, гордостью или различными фобиями. Осмысление эмоций как социально обусловленных состояний в последние годы начинает привлекать внимание литературоведов (Дамянова – 2008), но, к сожалению, оно почти не заинтересовало историков. Анализ причин возникновения эмоций позволяет понять механизмы формирования многих национальных стереотипов и различного рода фобий, и в этом смысле эмоции, как объект исторических исследований, имеют определенную ценность.

Для начала следует очертить круг привлекаемых нами болгарских периодических изданий. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. почти все выходившие в эмиграции болгарские газеты были закрыты. Исключение составляли лишь газета «Славянско братство» (она печаталась в Бухаресте с октября 1877 г., а затем, с шестого №, издавалась в Русе до 26 мая 1878 г.) и газета «Българин» (она выпускалась в Бухаресте с 1877 г., а затем выходила в Гюргево), отражавшие текущие политические и военные события. После образования Болгарского Княжества число болгарских газет резко возросло, но многие из них быстро прекращали свое существование. Например, появившаяся в Русе в апреле 1879 г. юмористическая газета «Кърлеж» («Клещ») почти сразу же исчезла, причем от нее не сохранилось ни одного номера. Наиболее заметными болгарскими периодическими из-

даниями, возникшими сразу же после Освобождения, были газеты «Марица», «Витоша» и «Славянин». Первая из них поддерживалась русским правительством и издавалась до 1885 г. в Пловдиве. Вторая – появившаяся в Софии 30 мая 1879 г. и выходящая и поныне – являлась органом консерваторов и быстро превратилась в первый болгарский «официоз». Первые номера «Витоши» редактировал сначала Т.С. Бурмов, возглавивший затем по просьбе князя Александра Баттенберга¹ первое болгарское правительство, его сменил М.Б. Балабанов, назначенный вскоре министром иностранных дел, а вслед за ним редактором стал Г. Начович, сделавшийся министром финансов. Главное внимание «Витоша» уделяла вопросам институтов власти, правам граждан и полемике с либеральными газетами, типа «Целокупна България» («Целостная България»), и давала отпор любым проявлениям либерализма, допускавшимся нелиберальными изданиями. Третья газета, «Славянин», вышедшая с 11 апреля 1879 г. по началу XX в., именовала себя «народным листом о науке» и проявляла интерес к проблемам развития образования, сельского хозяйства и экономики. В общественно-политическом плане она стояла на позициях русофильства, хотя и не всегда последовательного (Боршуков 1976: 414–417). Существовал в то время ряд и других, менее полезных для нашей темы, болгарских изданий, и поэтому здесь они нами не характеризуются – редкие материалы из них привлекаются по мере надобности.

* * *

Безмерная радость болгар после победы России над турками и заключения 3 марта 1878 г. предварительного Сан-Стефанского договора с Турцией быстро померкла. По этому договору Болгария должна была стать крупнейшим балканским государством с границами, включавшими все населенные болгарами земли от Черного до Эгейского моря. Однако через четыре месяца ситуация коренным образом изменилась: опасаясь появления на Балканах сильной, связанный кровными узами с Россией болгарской державы, Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия не признали русский сан-стефанский проект, превратив его в ничего не значащие листы бумаги. Под давлением западных сил 1 июля в Берлине был подписан новый договор (трактат), воспринимавшийся в России как глумление над пролитой русскими и болгарами кровью. В соответствии с этим трактатом, большая часть болгарского этноса оставалась в турецкой неволе или в составе соседних балканских государств: населенные болгарами Восточная Фракия и Македония по-прежнему должны были томиться под властью султана, Моравия отошла Сербии, а Северная Добруджа – Румынии. Будущее Княжество Болгария (в его землях до выбора князя вводилось двухлетнее русское управление) включало в себя в основном земли между Дунаем и Бал-

¹ Немецкий принц, сын австро-венгерского генерала и племянник русской императрицы, ставший первым князем Болгарии 17 апреля 1879 г.

каном – на юге и западе Княжеству достались лишь София и Кюстендил. Территория Восточная Румелия к югу от Балкан с центром в Пловдиве (за которой затем закрепилось название Южная Болгария) была передана в непосредственное ведение султана, утверждавшего кандидатуру ее правителя. Интересно и то, что против сан-стефанского проекта выступали не только западные страны, но и непосредственные соседи Болгарии, недавно отвоевавшие свободу у турок: Греция, Сербия и Румыния. Их не устраивала перспектива получить в лице Болгарии превосходящего их по силе соперника.

Новорожденное Княжество Болгария существовало в границах, воспринимавшихся временными и окончательно не закрепленными. Такое ощущение были присуще и самим болгарам, и их соседям, и выносившим решение о демаркационных линиях великим державам в Берлине. Болгары продолжали лелеять мечту о создании огромного национального государства в сан-стефанских границах «от моря до моря» и не признавали Берлинский трактат. Сербия и Румыния намеревались увеличить свои территории за счет болгар как страны-победители. Турция желала возродить прежний доберлинский статус-кво и вернуть «свои» земли с отложившимися от султана «гяурами». А западные державы и Россия занимались «перетягиванием каната», преследуя свои политические, экономические и стратегические интересы. Сложившаяся ситуация находила свое отражение в болгарской печати в разной степени: в первую очередь, писалось о том, что болгарскому сердцу было ближе. Освещалось, например, тревожное положение в юго-западных районах Болгарии, где Европейская комиссия недостаточно четко провела маркировку границы с Турцией, что принесло беды местному болгарскому населению. Непонятно к кому отнесенное село Лисия по течению реки Струмы неподалеку от Бобошево неожиданно заняли башибузуки Молы Кадрини. Захваченные врасплох селяне почти нагишом, на босу ногу искали спасение в окрестных лесах или попрятались на нивах. Несколько женщин попали в руки захватчиков и подверглись страшным измывательствам. Разграблено было и село Фролеш, находящееся в двух часах езды от Бобошево. Жители соседних сел Текията, Бураново, Боровец, Драгден, Цырквиште в страхе перед турецким набегом побросали свои дома и бежали, куда глаза глядят. Прибывший туда милиционер Токмачев телеграфировал в столицу о критическом положении, прося прислать на выручку солдат².

Спорные моменты по вопросам о границах возникли у Княжества не только с враждебной Турцией, но и с официально дружественными соседями Сербией и Румынией, принимавшими участие в освобождении Болгарии. Сербы, например, не торопились уходить из болгарских земель, занятых в ходе войны 1877–1878 гг., и военному комиссару Болгарии князю А.М. Дондукову пришлось лично обращаться к белградским руководите-

² Витоша. № 21 от 8 августа 1879 г. С. 3.

лям, напоминая им о необходимости освободить, в соответствии с международными договоренностями, населенные пункты Брезник, Трын, Цариград и их околии. Румыны, в свою очередь, стремились включить в состав своего государства Силистру, мотивируя свое желание удобством расположения этого порта для строительства моста через Дунай и налаживания связи между Румынией и доставшейся ей Добруджей. И это несмотря на то, что Берлинский трактат предусматривал проведение румынской границы от Силистры, но без нее!

Немалые страхи терзали болгар при мысли о том, что случится со страной по окончании срока русского военного управления и ухода русских войск. Небольшая, только что созданная при помощи русских инструкторов болгарская армия вряд ли смогла оказать серьезное сопротивление Османской империи, вздумай она вновь оккупировать Дунайскую Болгарию. Начало вывода русских войск через девять месяцев и ежедневное уменьшение их численности в Болгарии, по свидетельству газеты «Витоша», «производили на всех тягостное впечатление». Ведь еще совсем недавно «с восторгом встречали повсюду освободителей Болгарии – теперь же с жалостью наблюдают их уход...». Причиной «тягостного впечатления» был не уход «гостей драгоценных», а то обстоятельство, что «последнее слово в деле болгарской свободы еще далеко не сказано». Но не в силах задержать гостей до завершения этой миссии, болгары, по словам безымянного корреспондента, «возлагают на них надежды и впредь». Здесь, конечно, не имелось в виду прививание русскими бол гарям неких общественно-демократических, гуманистических начал. Главная опасность заключалась в закреплении навечно за турками Южной Болгарии, оставшейся по Берлинскому договору в их временном ведении. Об этом, казалось бы, говорило намерение властей Османской империи заселить в Южную Болгарию 40 тысяч турок из Адрианопольской области и, не исключено, из Малой Азии и Африки, в том числе тех, кто резал болгар, сжигал дотла их деревни и совершил другие бесчинства. Настораживали также и ходившие слухи о переселении турок османскими властями из Северной Болгарии в Южную³.

Однако, судя по репортажу от 2-го июля 1879 г. из Кюстендила, большинство оставшихся во время войны 1877–1878 гг. турок не намеревались покидать Болгарию, поскольку им жилось в ней не так уж плохо. Они были освобождены от воинской повинности и пользовались относительной свободой. Им не запрещалось совершать мусульманское богослужение в своих мечетях, у них имелись школы «мектебы», никто не бросал в них камни, целясь в голову, как это ранее делали турки в отношении болгарских детей. Турки вели себя по большей части смирно и выступали законопослушными гражданами. В местных тюрьмах их почти не было – тюремные камеры были заполнены преимущественно болгарскими беженцами из Македо-

³ Витоша. № 5 от 13 июня 1879 г. Раздел «Разны новини». С. 4.

ния, кравшими и грабившими из-за крайней нищеты и отсутствия куска хлеба⁴.

В целом в населенных болгарских землях в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и сразу после нее произошли громадные этнические сдвиги и перемещения этносов и их частей. В Северной Болгарии, как бы естественным образом, произошло увеличение болгарского элемента. В нее переселилось около 100 тысяч забалканских болгар, которые покинули свои насиженные места, спасаясь от зверств «аскера» наступавшей армии Сюлеймана-паши, и присоединились к отходившим русским частям генерала И. В. Гурко. После перехода через Балканы болгарские переселенцы получили разрешение русского командования поселиться в покинутых турками домах в Дряново, Тырново, Трявне, Севлиево и Горна-Оряховице. Они также получили право собрать урожай на брошенных турецких нивах, им передавался бесхозный турецкий скот. После Берлинского конгресса в Северную и Южную Болгию начали переселяться болгары из Македонии и Фракии, не желавшие жить под властью турок. Но не везде отношение к беженцам было доброжелательное. В Тырново, например, местные торговцы беженцев не привечали, а в Лясковце, вообще, отказались их принимать (Софроний – 1905: 22).

Настороженность проявлялась и к перспективе переселения в воскресшее отчество крымских, валашских и австрийских болгар. Признавая пользу увеличения доли соплеменников в создававшейся новой Болгарии, ее ревнители были одновременно озабочены тем, что, в сущности, представляют ныне собой болгары, долго жившие на чужбине. Будут ли они трудиться во славу отечства, умножая его мощь и богатство, или же через несколько поколений они утратили присущее бол гарям трудолюбие и поэтому будут целыми днями сидеть в кофейнях, потягивая турецкий кофе и покуривая кальян? Насколько много среди болгарских репатриантов имеется хороших земледельцев и заслуживают ли они требуемых ими прогонных и суючных? Кроме того, в какой части страны их будут селить, на севере или юге, на западе или востоке? Конечно же, лучше всего, болгарских репатриантов поселить в тех районах, где турки составляют большинство и где есть много пустующих домов, брошенных мусульманскими беженцами. Такая мера поможет отчасти выровнять этнический баланс в пользу болгар, например, в восточной части болгарского Княжества. И, наоборот, возвращение турецких беженцев к своим очагам в Болгарии создаст прямо противоположную картину и станет источником потенциальных взрывоопасных ситуаций.

Болгар возмущало отсутствие равного отношения к подданным и беженцам в Болгарии и Турции. Турецкие беженцы могли приехать в Княжество Болгария, восстановить права на свои покинутые дома и земли и прощать их. А болгарские беженцы не имели возможности поехать в Турцию,

⁴ Витоша. № 15 от 18 июля 1879 г. С. 3–4.

чтобы распорядиться там своим брошенным имуществом. В Македонии турки занимаются разбоем, грабят и режут болгар, каждый день подвергая их насилиям и унижениям, но турецкое правительство смотрит сквозь пальцы на бесчинства «правоверных» по отношению к «гяурам». Турецкие беженцы из Болгарии в Турции не хотят работать и живут за счет местных болгар, жизнь которых каждую минуту находится в опасности. В то же самое время никто не притесняет турок в Болгарском Княжестве.

В связи с происходящими переменами пропорций этносов в Княжестве Болгария местное болгарское население привел в волнение «еврейский вопрос» в Румынии. В статье «Евреи в Румынии, религиозная свобода, прозелитизм», опубликованной в газете «Витоша»⁵ отмечалось, что, согласно Берлинскому трактату, Румыния придется дать одинаковые гражданские и политические права 500 тысячам евреев, которые далеко не так образованы, как евреи в других местах Европы. По этому поводу в румынском парламенте было создано особое заседание, и министру иностранных дел г. Бозреско было поручено объездить европейские дворы с целью убедить их в трудностях, которые стоят на пути безотлагательного и быстрого воплощения этой идеи. В газете упоминалось и о сходности проблем в Греции, где в школах пытались ввести преподавание православия, невзирая на различия в вероисповедании учеников. Со ссылкой на брюссельскую газету «Норд», в статье говорилось об отсутствии единой формулы при проведении той или иной реформы во всей Европе. «Благоразумно при этом, — писала «Витоша», — принимать во внимание различие местных условий или, по крайней мере, не забывать о трудностях, с которыми сталкивались у себя недавно сами защитники новых начал. В России существует свобода вероисповедания, но без свободы пропаганды»⁶. По мнению газеты, Румыния и Греция больше всего страдают из-за своей чрезмерной веры западным силам и очарования некоторыми формулами, что видно на примере идеи о натурализации румынских евреев, которая встречает в народе со-противление, основанное на равенстве взаимных интересов.

Суть озабоченности Румынии «еврейским вопросом» становится ясной при знакомстве с окружным письмом, которое румынский МИД отправил своим дипломатическим представителям в Европе с просьбой разъяснить румынскую позицию по поводу проблемы натурализации местных евреев. В нем напоминалось, что пункт о праве иностранцев на натурализацию без различия вероисповедания будет записан в создающейся румынской конституции, тем не менее, натурализацию нельзя осуществлять механически — она должна быть избирательной. По этому поводу в окружном письме, в частности, говорилось следующее: «В будущем любой иностранец, еврей или нееврей, может натурализоваться, согласно закону, невзирая на различия вероисповедания. Евреи в Румынии до сего

⁵ Витоша. № 29 от 5 сентября 1879 г. С. 2.

⁶ Там же. С. 2.

времени никогда не были румынскими гражданами. А как они могут быть провозглашены таковыми в один день? В Валахии, а особенно Молдавии, где появилось более 300 тысяч евреев, как можем мы принять разом 150 тысяч новых граждан, фанатиков, невоспитанных, говорящих на чужом языке, исповедующих другую веру, имеющих другие нравы и другие чувства? Как можем мы склонить [их], воспринимаемых коренными жителями иностранцами и таковыми сами себя считающих? Это нанесет страшный удар по экономическим интересам, это обострит инстинкт личного самосохранения и вызовет чувство негодования даже у самых нерешительных; это повергнет народ в отчаяние и подтолкнет его к бунтам и, Бог знает, к каким еще другим крайностям! Нынешнее правительство никогда не возьмет на себя эту ответственность и ни одно другое правительство тоже»⁷.

Еврейский вопрос приковал к себе внимание болгар и по другой причине. За пару месяцев до этого местную печать всполошил приезд в Княжество двух еврейских торговцев из Бухареста с целью скупки недвижимости у потенциальных турецких эмигрантов. Скупщики общались только с турками, но журналисты быстро выведали у тех намерения чужаков. Установлено было, что в Бухаресте возникло еврейское общество по скупке земли и домов у будущих турецких переселенцев, которое сразу же отправило в Болгарию своих агентов для сбора информации. Торговцы пытались у турок имена собирающихся уезжать и убеждали тех не продавать свою недвижимость бол гарям, обещая за нее более высокую цену⁸. При сопоставлении этих публикаций у болгар напрашивался вопрос: уже не собирается ли часть румынских евреев переселиться в Болгарию, опираясь на резолюцию какого-либо нового европейского конгресса, типа Берлинского?

Впрочем, может и не захотят переселяться евреи в Болгарию, потому что уж больно в ней неспокойно. Повсюду рыщут турецкие разбойники, убивают, грабят, поджигают дома христиан. О разбойничестве упоминал даже в своей речи 23 марта 1880 г. в Народном собрании при вступлении на болгарский престол князь Александр Баттенберг, отметивший, что в восточной части страны оно начало приобретать угрожающие размеры⁹. Особенно много банд возникло в населенных турками лесистых местностях. Разбойники располагали большим количеством оружия: ятаганами, арабскими кремневыми ружьями, пистолетами и самыми современными винтовками Мартини и Пибоди. Оружие, подобрранное на полях сражений войны 1877–1878 гг., имелось практически в каждом турецком доме и не сдавалось властям, несмотря на введение штрафов за незаконное им обладание. В настоящее разбойничье гнездо превратилось село Саркуванлук,

⁷ Витоша. № 24 от 18 августа 1879 г. «Еврейский вопрос». С. 4.

⁸ Витоша. № 9 от 27 июня 1879 г. С. 3.

⁹ Витоша. № 80 от 28 марта 1880 г. С. 3.

в котором банды останавливались на постой, запасались провизией и получали надежную информацию от своего связного «ятака». Село было окружено несколькими болгарскими ротами, и сельчанам-туркам предложили сдать оружие и выдать бандитов. Это предложение было отклонено, и тогда на сельской площади устроили перекличку сельчан, выявившую наличие восьми чужаков. При обыске в доме, где они остановились, обнаружили несколько винтовок, патроны и другие улики. Во время препровождения разбойников под конвоем в село Лопушну они пытались бежать, но при этом половину из них застрелили, а уцелевших отправили на виселицу. Интересно, что один из повешенных главарей по имени Иешил Ходжа Софта Али призывал турок из сел Лопушна, Ганчево, Пиридже, Караборун, Кизилпилиг и других переселиться в другое место, где нет властей и налогов, выбрать себе князя и жить абсолютно независимо¹⁰.

Очень тревожно было в Провадии, где турки убивали и грабили местное население, как будто и не было никакого Освобождения. Здесь в провадийском и айтосском округах, по Камчи-бою и Дели-Ормане на Балкане бесчинствовали бандиты, сбивавшиеся в хищные стаи вокруг своих вожаков Чобан Хасана, Мелек-олу Край Селима, Садиналу Ахмеда, Шумнгу Эрибакана, Бозаджи Мехмед Гуридова, Кыржалу и других. Они не давали крестьянам спокойно жить ни минуты. Если те выходили работать в поле, тотчас же появлялись вооруженные турки и, гоняясь за ними со стрельбой, захватывали заложников. Бандиты убили возле села Ченгя айтосского пристава г-на Антона и двух сопровождавших его милиционеров. После ухода русских войск турки вконец обнаглели, говоря, что болгарам не пристало носить оружие и что скоро, не позднее Димитрова дня (26 октября – И.К.), снова придет турецкая власть. Поэтому они не испытывали ни малейшего уважения к болгарским милиционерам, считая их временщиками¹¹.

Грабежи болгарского и турецкого населения в Княжестве Болгария происходили постоянно. Грабителям было все равно кого грабить: турецкие разбойники-апаши грабили турок не меньше чем болгар, словно соревнуясь с не уступавшими им в лихости болгарскими душегубами. Только за июнь–июль 1879 г. ограбления произошли в Эленском округе в селах Доспатлу, Персенлик, Чанаджик, Тузлу-Алан, Каранлар и других. Некоторые нападения были совершены с особой дерзостью. В селе Тича (Читак) десять вооруженных турок напали на милиционера Петра Цанева Дюлгерина, избили его, отняли у него винтовку и 500 наличных грошей. А в селе Падарлык бандиты ограбили сельского старосту, отобрав у него хлеб за неимением денег; причем издевательски наказали ему непременно пожаловаться на них властям в г. Осман-Пазар. Нападениям подвергались одиночные путники, пасущие отары овец пастухи, группы богомольцев, дома богатых крестьян. 27 июня 1879 г. объектом нападения стал Осман-Пазар,

¹⁰ Витоша. № 92 от 22 мая 1880 г. С. 1–2.

¹¹ Витоша. № 21 от 8 августа 1879 г. С. 3.

в котором разбойники пытались захватить и ограбить полицейский пункт, вызвав ожесточенную перестрелку. Наглым был и налет, совершенный на следующий день на село Мечикчилер, где грабители разоружили сельский караул, в том числе и сына начальника. Они заставили последнего показать отцовский дом, где, не найдя денег, довольствовались новой жилеткой¹².

Часто убивали и грабили в находящейся между Вырбицей и Преславом Герловской долине, где из 43 сел только одно было болгарским, а все остальные – турецкими. Впрочем, турецкими они только назывались, поскольку большую часть их населения составляли помаки – болгары, некогда принявшие ислам. Помаки не уступали туркам свирепостью, дерзостью и готовностью к насилиям. Они заставляли болгар работать на полях по воскресеньям и другим христианским праздникам, отбирали у них зерно и сено, поджигали дома несговорчивых, угоняли крупный и мелкий рогатый скот и совершали другие неправедные дела. Они чувствовали себя абсолютно безнаказанными, поскольку на каждые четырнадцать сел здесь приходилось только по одному приставу и пять-шесть милиционеров. Поэтому каждое герловское село выставляло свой ночной дозор, от которого, правда, было мало проку. Недавно разбойники напали на пожилую турецкую семью и долго ее мучили: старику палили и резали ногу, выпытывая, где в доме хранятся деньги. А другой жертве в подобной ситуации злодеи прострелили ногу¹³.

Схожим было и отношение помаков к болгарским христианам в Македонии. В январе 1880 г. в местечке Мехомия близ Разграда они сожгли четырнадцать домов и хлевов у болгарских соседей, причем при тушении пожаров разграбили их имущество, предлагая за него потом пострадавшим ничтожные деньги. Здесь была создана дружина из турок, которая вместо охраны стала заниматься разбоем. Вымазав лица сажей, они напали на купеческий караван, отобрав купленную накануне муку, затем ограбили пятерых богомольцев, идущих в Софию. Четверо из них были убиты, а пятому удалось сбежать и сообщить властям имена убийц. Однако власти лишь слегка покурили задержанных убийц, а затем отпустили, по-отечески посоветовав им впредь быть осторожнее¹⁴. Жестоко расправились разбойники с крестьянином Неделчу Георгиевым из села Куванджилари. Он был призван на службу в Разград, но затем отослан домой по причине военной непригодности. Разбойники подстерегли его на дороге между Русе и Тутраканом, отобрали коня, а самого сожгли живьем¹⁵.

Доведенное до предела турецкими насилиями очень часто восставало население Западной Македонии¹⁶. В период войны 1877–1878 гг. оно мас-

¹² Там же. С. 3.

¹³ Витоша. № 93 от 28 мая 1880 г. С. 3–4.

¹⁴ Витоша. № 95 от 11 июня 1880 г. С. 1–2.

¹⁵ Славянин. № 8 от 9 июня 1879 г. С. 63.

¹⁶ Это название впервые ввел в оборот в 1860-х гг. учений и просветитель К. Миладинов в письме Г.С. Раковскому. // См.: Архив. Г.С. Раковского. Т. I. София, 1952. С. 216.

сово вступало в болгарское ополчение. Македонские болгары помогали русским войскам перейти через Балканы. В Сересе церковную службу вели на русском, языке, заглушая пение громкими возгласами, чтобы об этом не сообщили властям турецкие осведомители. В Охриде тайно готовились к встрече русских освободителей, передавая из уст в уста радостную весть: «Московцы близко!», «Идет Дед Иван!» (Дойнов 1976: 136–137). Когда надежда на освобождение Македонии рухнула, принято было решение о выступлении с оружием в руках в Кресне и Разлоге. На рассвете 5 октября 1878 г. около семисот восставших после 18-ти часового боя разгромили неприятеля в Кресне, а затем устремились на юг, освободив села Ошава, Влахи и Ново село. Не смогли выдержать их напора и посланные против непокорных «гяуров» 1000 башибузуков. Второй очаг восстания вспыхнул в Банско и Бане, где успешно были потом отбиты атаки башибузуков во главе с их известным предводителем Тификбеем. Сломить сопротивление восставших турки смогли лишь весной следующего года, послав для этого более 8000 солдат регулярных турецких войск (Дойнов 1993: 54–59).

Восстание в Македонии освещалось в газете «Славянин». Неизвестный корреспондент в рубрике «Разни новини» известил читателя, что после оставления русскими войсками Джумай, Крупника, Симитли, Ораново и Грабово эти места вскоре оказались в руках повстанцев. Их численность в Мелникской и Карловской околии составляла приблизительно 12 тысяч человек. Штаб повстанцев располагался в Мехуле рядом с Кресной. Основное ядро составляла восьмитысячная дружина воеводы Маринова, дислоцировавшаяся в Долнем Драгалиште. Другой воевода, по имени Илия Марков (Попстоянов 1988: 75–82), с двумя тысячами дружинников контролировал дороги на Серес, Мелник, Кресну, Разлог и берега Струмы. По словам корреспондента, все повстанцы были хорошо вооружены, имея в своем распоряжении современные винтовки Мартини и Пибоди¹⁷.

Турки, в свою очередь, тоже не дремали, предпринимая попытки вернуть себе отвоеванные московскими «гяурами» земли. Они воспользовались ошибкой болгарского правительства, запретившего деятельность добровольных дружин-«чет», которые успешно охраняли приграничные болгарские села от нападений разбойников. Правительство бросило в тюрьмы четников – «комитов», а турки, понимая, что теперь им противостоят всего лишь какие-то милиционеры, – необученные военному делу вчерашние пастухи и пахари – принялись разорять болгарские земли и проверять болгарские границы на прочность. Хюсейн-паша, командовавший силами турок напротив Кюстендилского округа, направил в Болгарию отряд башибузуков, которые захватили командную высоту Планиница, выбив оттуда болгарский пост. Для очистки данной территории были посланы болгарские регулярные части из центра. Другой турецкий командир, Сюлейман-

¹⁷ Славянин. № 2 от 28 апреля 1879 г. С. 16.

паша, войска которого располагались напротив Дупница, занял болгарские территории на 15–20 верст в глубину от временной границы, надеясь, что при маркировке границ Болгарского Княжества захваченные турками земли отойдут Османской империи. Хотя Европейская комиссия объявила села Лисия, Текия и Дреново нейтральными, турки захватили их вместе с другими богатыми селами Фролеш, Ваксово, Тишаново и Церверица вместе с принадлежащими им плодородными землями. Укрепились тогда турки и на господствующей высоте Влайна, что позволяло им в случае широкомасштабного военного конфликта легко перерезать дорогу между Дупницей и Кюстендилом¹⁸.

Неспокойно было и на восточном конце Болгарского Княжества: здесь орудовали шайки турецких разбойников и появились слухи о готовящемся восстании против «неверных». Вначале весть о предстоящем выступлении турок принесли в Варну в мае 1879 г. болгарские путники из Пазарджика, сообщившие, что в его окрестностях появились две шайки разбойников из 9 и 12 человек. Один из схваченных душегубов на допросе показал, что турки таятся до поры до времени, ожидая, когда русские уйдут¹⁹. Численность турецких разбойников в Шуменской околии и на румелийской границе непрерывно росла, создавая сильную напряженность. Из газетных репортажей известно, что 26 апреля 1880 г. 120 солдат Ломницкой дружины окружили в пограничном селе Белово около 500 вооруженных турок. Из Шумена, Свиштова и Тырнова для обезвреживания турецких шаек выступили болгарские военные подразделения. Ранее, в конце февраля 1880 г., Тырновская кавалерия в селе Реджеб-Махле разгромила турецких разбойников под предводительством Дели Хасана, Мусы и Чобан Хасана. О со средоточении столь большого числа вооруженных турок болгарским военным сообщил мельник, случайно заметивший передвижение турецкой конницы. В результате турки были блокированы в указанном селе и разбиты. Около шести десятков разбойников было убито, первые два из названных предводителей сгорели живьем в осажденном доме, а третий сумел ускользнуть с остатками шайки. Другая турецкая банда во главе с главарем Эрибаканом орудовала между селами Белово и Лопушна. Она отличалась тем, что захватывала заложников из болгар и мучила их, требуя выкупа у родственников. Иногда заложникам удавалось бежать, но такое случалось редко. Банда оказала отчаянное сопротивление войскам, но затем отступила, а ее предводитель Эрибакан был убит в перестрелке²⁰.

Призыв к восстанию, действительно, имел место: он прозвучал 14 апреля 1880 г. близ села Челебикнё, где на сход в лощине собрались две-три тысячи мусульманских богомольцев из Белово и других восемнадцати сел. Речь держал Иешил Ходжа Мемед Эфенди, подстрекавший собравшихся

¹⁸ Витоша. № 22 от 11 августа 1879 г. С. 1–2.

¹⁹ Славянин. № 5 от 19 мая 1879 г. С. 39.

²⁰ Витоша № 91 от 14 мая 1880 г. С. 2–3.

не подчиняться «гяурам». Он обвинял солдат «неверных» в безвоздемном отбиании провизии у мусульман, хотя имевшиеся у властей денежные расписки свидетельствовали об обратном, и одновременно вселял в «правоверных» надежду, что турецкое господство в Болгарии скоро будет восстановлено. В сходе участвовал и Чобан Хасан, созвавший ранее турецких «первенцев» на угощение по случаю своего «чудесного» спасения от Тырновской кавалерии в селе Реджеб-Махле. Спустя приблизительно десять дней после схода около полутора тысяч головорезов Чобан Хасана окружили находящихся в селе Белово болгарских солдат и кавалеристов и предъявили им наглый ультиматум о сдаче. Болгары его отклонили, и началась перестрелка, длившаяся несколько часов. На рассвете на подмогу бол гарям прибыли две роты Ломницкой дружины, Тырновская кавалерия и Плевенская рота, атаки которых обратили турок в бегство, при этом они потеряли восемь человек убитыми и неизвестное число раненых. В качестве наказания за участие в восстании с. Белово и два пограничных турецких села по приказу командования были сожжены дотла. Болгарская сторона также понесла потери: один убитый унтер-офицер и трое раненых солдат. В рапортах обращает на себя внимание то, что болгарскими подразделениями командовали русские офицеры²¹.

Справиться с опасной ситуацией в будущем могла лишь хорошо обученная национальная регулярная армия, за строительством которой напряженно следили болгары. Его осуществляли оставшиеся в стране русские военные инструкторы, составившие четкий план работы. В двух частях Болгарии была введена военная служба с обязательным прохождением ее мужчинами 20-30-летнего возраста. В Северной Болгарии планировалось создать Земское войско из 30 пехотных дружин, 8 батарей, 6 конных сотен, батареи осадной артиллерии и 2-х саперных рот. В апреле 1878 г. численность «северной» болгарской армии составила чуть более 31 тысячи человек (Овсяный – 1904: 74; Овсяный – 1907: 123). В Южной Болгарии членов болгарских воинских формирований называли милиционерами (чтобы не подчинять их турецким офицерам), но они носили униформу, аналогичную солдатской униформе в Северной Болгарии. Формирования милиционеров состояли из 9 дружин и 2-х конных сотен, имея общую численность около 10 тысяч человек (Сборник – 1903–1907: Вып. 3, 83). Разумеется, сдержать такими силами предполагаемое вторжение турок после ухода русских войск было бы невозможно. Не хватало их и для пресечения разбоя турецких шаек в сельской местности. У болгарского правительства отсутствовали необходимые денежные средства на обмундирование и вооружение солдат и офицеров²². Нередко, особенно в провинции, местное

²¹ Витоша. № 92 от 22 мая 1880 г. С. 1-2.

²² Вооружение нередко поставлялось в качестве безвозмездной помощи из России: известно, например, что в феврале 1880 г. в Болгарию прибыл из Одессы военный пароход «Голубчик» с сорока тысячами дарованными винтовками системы Бердана для болгарской армии (Витоша. № 70 от 20 февраля 1880 г. С. 3). См. также (Вылков 1978: 46).

население впадало в уныние, видя полуголодных, разутых болгарских солдат в гражданской одежде²³.

Стабилизация внутреннего положения в Болгарии и гарантia ее выживания в окружении опасных соседей после ухода русских войск зависели только от быстроты наращивания мощи болгарской армии. В Софии было открыто двухлетнее военное училище для подготовки болгарских офицеров (в Земском войске их было на первых порах всего 36 человек, то есть менее 10% от численности всего офицерского корпуса), и весной 1879 г. его выпускниками стали более 100 болгар. Помимо офицеров, осуществлялась также подготовка болгарских сержантов в особой учебной дружине и роте. В Южной Болгарии массовое военное обучение болгар происходило в организованных для этой цели многочисленных обществах, названных для маскировки перед турками «спортивно-гимнастическими». Позднее их переименовали в «Народную гвардию», которую русские генералы М. Д. Скобелев, А. Д. Столыпин и Духонин привлекли к широкомасштабным маневрам, проводившимися дружинами милиционеров и русскими батальонами. Эти маневры прошли в марте-мае 1879 г. в Казанлыке, Пазарджике, Сливене, Пловдиве и других местах не только ради проверки воинской выучки болгарских «гимнастов», но и для демонстрации английским и французским корреспондентам возможностей болгарской армии (Тодоров 1958: 391–394). Болгарские милиционеры и «гимнасты» своей слаженностью и четкостью вызвали восторг у собирающихся зрителей. Если бы Турция попробовала ввести свои войска в Южную Болгарию, ей бы пришлось иметь дело не только с русской военной силой, но и со стотысячной болгарской армией. «Болгары, – писала газета «Българско знаме», – оповестили Европу о неудобстве того положения, которое она уготовила им в Берлине. И, если ныне Европа вместо того, чтобы взять их просьбе и удовлетворить их права, пожелает навязать им штыками свой произвол, пусть знает, что и у болгар есть свои штыки и что они готовы умереть, защищая собственные человеческие права»²⁴.

Но создать боеспособную болгарскую армию удалось далеко не сразу. Большие проблемы возникали с дисциплиной новобранцев, которые могли самовольно покинуть расположение части и отсутствовать несколько суток из-за свадьбы друга или дня рождения кого-либо из родственников. Вся надежда возлагалась на русских инструкторов, но к ним же, одновременно, предъявлялись очень высокие требования. «Мы скажем тем [русским] офицерам и командирам, которые пренебрегли спокойной жизнью и остались в нашем отечестве, движимые великой идеей создания болгарской армии, что если им удастся осуществить свой идеал, они будут покрыты славой или, наоборот, позором в случае неуспеха. То есть, если вместо регулярной армии получится лишь толпа башибузуков или янычаров, нашим учителям

²³ Витоша. № 15 от 18 июля 1879 г. С. 4.

²⁴ Българско знаме. № 8 от 31 марта 1879 г.

не будет никакого прощения и оправдания, потому что дела человека ценятся по их успешности независимо от того, благоприятными или неблагоприятными были обстоятельства. И особенно в отношении Болгарии, которая не примет каких-либо извинений; наш народ любит свою армию, наше правительство идет на всевозможные жертвы; наши новобранцы послушны и трудолюбивы. Следовательно, единственно от учителей зависит, привыкли они ученикам хорошие качества, единственны они способны предотвратить учеников от всех упомянутых пороков, к которым хотели бы склонить невинных и простодушных солдат некоторые черные силы»²⁵.

Смысл конечной загадочной фразы, в которой фигурируют некие «черные силы», становится ясным только после знакомства с полемикой, развернувшейся между русофилами и ориентированными на Запад русофобами. Последние ставили под сомнение целесообразность создания болгарской армии русскими инструкторами и специалистами. Перепалка между двумя сторонами вспыхнула после публикации в газете «Славянин» статьи под названием «Жалостное зрелище!!!», в которой рассказывалось о жесткой экзекуции над болгарским солдатом, совершившейся публично на Архангелов день (8 ноября – И. К.) перед зданием полицейского управления в Русе. В ней описывалось, как 10 болгарских солдат наказывали розгами своего распостертого на земле товарища да с такой силой, что из тела наказуемого сочилась кровь. Удары наносились по команде командира, который зычным голосом считал их количество. Газета установила, что наказание солдату было назначено за подбивание сослуживцев игнорировать приказы русского командира. Это вызвало у автора публикации крайнее возмущение: такое «в наше время»(!), «таким способом»(!), «будто наши солдаты не люди с душой и телом, но животные»(!). И, все больше распаявшись, он гневно воскликнул: «Да существует ли такой подобный закон? Болгарские солдаты – честь нашего народа, слава и надежда, но, похоже, они переданы в руки палачей, а не наставников и воспитателей. Болгарский солдат не живет водкой, не желает, чтобы им помыкали, как рабом, и не может быть превращен в бессловесное животное!»²⁶.

На эти обвинения очень сдержанно и корректно отреагировала г. «Витоша», определив данную статью в «Славянине» как фактически завуалированный призыв к болгарским солдатам не подчиняться приказам своих русских командиров – прямой путь к расшатыванию воинской дисциплины и наступлению в армии анархии. Добавим от себя, что физические наказания предусматривали уставы практически всех европейских армий XIX в. Соблюдение положений воинского устава было непременным условием профессиональной подготовки болгарских солдат, которая, к счастью, была успешно завершена: она проявилась впоследствии во время боевых действий болгарской армии против своих противников.

²⁵ Витоша. № 49 от 20 ноября 1879 г. С. 2.

²⁶ Славянин. № 3 от 10 ноября 1879 г. С. 244.

Совершались нападки в болгарской прессе и против русских гражданских специалистов, помогавших создавать государственный, административный и технический аппарат Болгарии. Решение об участии в таком строительстве было принято еще до переправы русской армии через Дунай, и князь В. А. Черкасский загодя назначил 80 русских офицеров будущими болгарскими окружными начальниками, полицмейстерами и губернаторами (Анучин 1895: 50). В дальнейшем госаппарат разрастался и разветвлялся, он пополнялся болгарами – выпускниками российских университетов, которых разыскивали через МИД России, Одесское настоятельство и Славянские комитеты Москвы и Санкт-Петербурга (Освобождение Болгарии 2: 98–99, 106–107). Русское управление в Болгарии вызывало критику некоторых болгарских газет, которые считали, что управленческий аппарат в Северной Болгарии слишком раздут, носит бюрократический характер и исполняет в стране «распоряжения своего отечества». Особенно активной была в этом смысле газета «Българин», в которой под рубрикой «Из България» («В Болгарии») были опубликованы такие статьи, как «Добре ли си правим?» («Хорошо ли мы поступаем?»)²⁷ и «Зашо не трябва да мълчим?» («Почему нельзя молчать?»)²⁸. Газета ратовала за создание за создание простого, эффективного и дешевого управленческого аппарата.

Иногда критика по адресу русских управленцев в Болгарии становилась сенсацией дня. В январе 1880 г. в обычно сдержанной газете «Целокупна България» («Целостная Болгария») появилась крайне резкая статья, направленная против директора общественных зданий, русского инженера Копыткина. Автор публикации, писарь данной дирекции В. Неделев, выступивший под псевдонимом «Неработников», обвинял Копыткина в непрофессионализме, злоупотреблении служебным положением и ничего неделании за высокое вознаграждение в 16 тысяч франков. Иностранные в статье сравнивались с саранчой, устроившей пир на государственной кормушке (Танкова 1994: 33). Тон выступления В. Неделева был настолько беспардонным, что русский дипломатический агент Давыдов предложил властям предъявить газете официальные претензии или даже закрыть ее, как это делают в таких случаях, опираясь на турецкое законодательство, в Южной Болгарии (Иречек 1930: 101). В качестве комментария необходимо отметить, что созданный русскими специалистами государственный аппарат доказал свою пригодность и для болгарской действительности. Среди русских управленцев, наверняка, попадались и слабые руководители, как это, возможно, было в случае с инженером Копыткиным. Хотя здесь не исключено и проявление чувства личной мести со стороны В. Неделева или его недовольства своим начальником из-за неудавшейся карьеры. Что же касается обвинения в раздутости штатов русского управления в Северной Болгарии, то в качестве контраргумента можно напомнить, что создан-

²⁷ Българин № 98 от 15 октября 1878 г. С. 1.

²⁸ Българин. № 99 от 19 октября 1878 г. С. 1; Българин. № 100 от 22 октября 1878 г. С. 1.

ное Европейской Румелийской комиссией управление в Южной Болгарии по числу чиновников почти вдвое превышало русское (Тодоров 58: 117).

В целом полемика между русофилами и русофобами в Болгарии носила очень острый характер. Русофобы обвиняли своих противников в рабской преданности России и получении из нее денежных средств. Но русофилы наносили в ответ гораздо более чувствительные уколы. «Болгарский народ, – писалось в одной из передовых статей «Витоши», – недавно был счастлив освобождением войсками российского императора и благодаря жертвам со стороны сочувствующего нам братского русского народа получил Конституционную свободу. Несмотря на это, болгарская квазибогемальная интеллигенция, не пролившая ни одной капли крови, не получившая ни одной игольной царапины, не перенесшая ни одного укуса комара или слепня, пытается поднимать войн, пренебрегая какой-либо нравственной, уголовной или даже гражданской ответственностью»²⁹. Болгарская русофobia ведет свое начало с деятельности Неофита Бозвели, нарастает с начала 1860-х годов, после переселения части болгар в Россию (История 2004: 397–398, 409), усиливается в борьбе за самостоятельную Болгарскую Церковь и по многим другим причинам. Это очень интересная тема, но ее детальная разработка не входит сейчас в нашу задачу.

Итак, попытаемся обобщить наши наблюдения над представленными материалами болгарской прессы времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и первых после нее лет. Появлявшиеся в болгарских газетах публикации, их тон, содержание и выбор тематики свидетельствуют о том, что после Освобождения страны от османского ига и отрезвления от пьянящей свободы болгары осознали, что все беды и испытания у них далеко не позади. Получили свободу – но свободу в урезанном виде: большую часть согламенников во Фракии и Македонии после Берлинского трактата прикудили и дальше жить под османском игом. Турки ушли, и турки остались: грабят, режут и жгут не меньше, чем раньше под властью султана. Границы зыбки, соседи стремятся их отодвинуть и прирезать себе побольше болгарской земли. Ну, а турки и вовсе только и ждут ухода русских войск из страны – сразу двинут свои армии на север и снова захватят то, что русские и болгары у турок своей кровью отвоевали. Так на кого же нам, болгарам, теперь опереться? Своя армия пока лилипут и народа болгарского мало. Можно привлечь болгарских эмигрантов из России, Румынии и Австрии, но какими они стали после стольких лет пребывания на чужбине? Уживемся ли с ними? И турецкие беженцы норовят в Болгарию возвратиться – потенциальные помощники султана во время возможного наступления турок. Так пускать их в Болгарию или не пускать? А европейские законы – не шутка! Не всегда они в ладу со здравым смыслом и народным желанием. Как в Румынии: возьмут и сделают вопреки воле румынского народа его равными согражданами полмиллиона пришлых евреев! И русские «бра-

²⁹ Витоша. № 98 от 26 июня 1880 г. С. 1.

тушки» не идеальны: пьют и насиливают. Только вкусили болгары свободы и, вот тебе, нате – русские розги!

Именно такой ход рассуждений болгар и их эмоциональных переживаний вырисовывается при чтении болгарской прессы исследуемого нами отрезка времени. Это свидетельствует о том, что болгарский народ испытывал тогда чувства страха и неуверенности, смятения и растерянности, находился в состоянии отрезвления от пьянящей свободы и медленного осознания уже не азиатско-турецких, а европейских жестоких реальностей.

Литература

- Анучин 1895 – *Анучин Д.* Князь В. А. Черкасский и гражданско управление в Болгарии 1877–1878 гг. // Русская старина. СПб., 1895. Т. 83. Кн. 2.
- Боршуков 1976 – *Боршуков Г.* История на българската журналистика. 1844–1877. 1878–1885. София, 1976.
- Вълков 1978 – *Вълков Г.* Военният аспект на българо-руските отношения (1877–1885) // Външната политика на България 1877–1944. София, 1978.
- Дамянова 2008 – *Дамянова Р.* Емоциите в културата на Българското възраждане. София, 2008.
- Дойнов 1976 – *Дойнов Д.* Национално-революционните борби в Югозападна България през 60-те и 70-те години на XIX в. София, 1976.
- Дойнов 1993 – *Дойнов Д.* Кресненско-разложкото въстание 1877–1879 г. София, 1993.
- Иречек 1930 – *Иречек К.* Български дневник. 1879–1884 Т. I. Пловдив – София, 1930.
- История на България 2004 – История на България в осем тома. Късно средновековие и Възраждане. Т. 2. София, 2004.
- Освобождение Болгарии 2 – Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1964.
- Овсяный 1904 – *Овсяный Н.Р.* Болгарское ополчение и Земское войско. СПб., 1904.
- Овсяный 1907 – *Овсяный Н.Р.* Русское управление в Болгарии. 1877–1879. Т. I–III. СПб., 1906–1907.
- Попстоянов 1988 – *Попстоянов К.* 30 години назад. Исторически записки по първото македонско въстание. София, 1988.
- Сборник 1903–1907 – Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–1879 гг. Вып. 1–6. СПб., 1903–1907. Вып. 3.
- Софроний 1905 – Софроний архимандрит. Спомени от Главната квартира на Цар Освободител при село Горна Студена през Освободителната война. София, 1905.
- Танкова 1994 – *Танкова В.* Свобода на печата в Княжество България и Източна Румелия. 1879–1885. Пловдив, 1994.
- Тодоров 1958 – *Тодоров Г.* Военното руско управление през 1877–1879. София, 1958.

Igor Kaliganov

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Liberation from the Turks in the Bulgarian periodicals (little known publications and emotions in XIX century)

Many academic papers are written on the liberation of Bulgaria from Ottoman rule as a result of Russian-Turkish war of 1877–1878 and about the sang of the Bulgarians, who found their freedom. But any victory is a bitter taste, and freedom was not what it seemed to be for a long time. The freedom the Bulgarians got was incomplete: after the international treaty in Berlin on July 1, 1878, only part of the Bulgarians between the Danube and Balkan with the Sofia region were really liberated, while many other compatriots in Thrace and Macedonia remained under the Ottoman empire. Authorities in the small Principality of Bulgaria formed at once has not found the proper strength, its boundaries were vague. The Turkish robbers continued to kill, rob and torture the Bulgarians, as with the Sultan. The Bulgarian army which was just under construction was weak and could not resist the Turks even it would think of restoration of its former status quo. All these caused the Bulgarians set of emotions: excitement, anxiety and various phobias, including towards the Russian liberators, whose behavior was not always perfect. These emotions are reflected on the pages of the Bulgarian periodicals since the Russian-Turkish war of 1877-1878 and the first years after. This is in the core of the subject of this article

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН, Москва

Трансформация представлений о русском «покровительстве» в уставобранительской Сербии¹

По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Россия получила право «делать представления» в пользу православной церкви балканских христиан. Позднее это право было истолковано российской стороной в более широком значении и с течением времени превратилось в формулу «покровительства», широко использовавшуюся российскими властями в отношениях с православными подданными Османской империи. Постепенно «покровительство» стало распространяться не только на духовно-православную конфессиональную сферу сотрудничества, но и на социально-политическую жизнь турецких славян. В наиболее яркой форме оно проявлялось в деле поддержки и прямой помощи, оказываемой русской стороной освободительным выступлениям православного населения Турции. Сам термин «высокая покровительница», применяемый к России в документах, исходящих из-под пера как официальных государственных учреждений, так и частных лиц от имени местных славянских общин, стал общеупотребляемым на всей территории Балканского полуострова. Но если сербы Белградского пашалыка, а позже Сербского княжества, пользовались этим термином вполне официально, то другие славяне, подвластные Порте, – боснийцы, черногорцы, болгары – обращались к российским властям в поисках возможности пользоваться преимуществами подобного же «покровительства».

В турецких хатти-шерифах 1830 и 1833 гг., даровавших Сербии статус автономии в рамках Османской империи, Россия упоминалась в качестве стороны, покровительство которой стало одним из решающих факторов самого появления этих турецких документов². В дальнейшем все обращения сербского князя Милоша Обреновича и членов Сербского Совета к российской стороне постоянно содержали термины «высокий покровительствующий двор» или «покровительствующая держава». На против, в российских официальных документах данный термин или не употреблялся совсем, или упоминался в контексте совершенных Россией дружественных шагов по отношению к сербскому государству. Официального

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант 10-01-00332а «Русско-сербские политические и культурные отношения в 30-50-е гг. XIXв.».

² Гаврилович М. Милош Обренович. Књ. З. Београд, 1912.

характера данному термину нигде в российских документах не придавалось, что не исключало, впрочем, молчаливого согласия высшего российского руководства с тем содержанием его роли в подвластных Турции славянских провинциях, которое подразумевалось данным определением. И все же постоянное упоминание России в качестве «покровительствующей стороны» исходило в первую очередь от сербского правительства, которое видело в осуществлении надзора «покровительницы» определенную гарантию исполнения турецких обещаний. Милош Обренович, положивший много сил на признание Портой наследственных прав своей семьи, отнюдь не гнушался подобным «покровительствующим» правом со стороны России.

Все изменилось после того, как в Сербии стал обсуждаться вопрос о принятии Устава – сербской конституции. Формально уставобранители – т.е. «защитники Устава», представлявшие интересы зарождавшейся сербской буржуазии, оппозиционной князю, – пришли к власти со сменой правящей династии. Реально же новый режим вызревал в недрах старого общества и подготавливался всем ходом социального и политического развития Сербии на протяжении 30-х гг. XIX в. Борьба за Устав, а еще раньше – за хатти-шериfy 1830 и 1833 гг., провозглашавшие не только независимость Сербии от Турции во внутренних делах, но и содержащие регламентацию социально-политической жизни княжества, явилась этапом подготовки введения нового режима в стране. Оппозиционное движение, оформленное внутри высшего руководства Сербского княжества и направленное против авторитарной власти князя Милоша Обреновича, существовало на протяжении всех предыдущих лет его правления. К числу оппозиционеров принадлежали крупные чиновники, землевладельцы и торговцы, которым авторитарная власть Милоша не позволяла занять ключевые государственные должности в Сербии. Требование утверждения гражданского и уголовного законодательства переросло в требование принятия конституционного акта – Устава, определявшего весь характер политической и экономической жизни в стране. К сербской знати, которая выступала за принятие такого закона, принадлежали такие влиятельные государственные деятели, как Авраам Петрониевич, Тома Вучич-Перишич, Стоян Симић, а также брат Милоша Ефрем Обренович.

Принятый на Сретенской скупщине в феврале 1835 г. Устав не был претворен в жизнь. Милош отменил его через полтора месяца, воспользовавшись тем, что ни Порта, ни российское правительство не поддержали идею о введении в Сербии «конституции». Сербский князь еще раз доказал свое уже известное умение угодить всем, соблюдая в первую очередь свои собственные интересы. Тем более что почти все члены основанного по Уставу Совета принадлежали к лагерю, оппозиционному княжеской власти. Однако, несмотря на желание Милоша окончательно «закрыть» вопрос об Уставе, сделать этого ему не удалось. Составлять новый вариант документа было поручено С. Радичевичу, а Милош должен был контроли-

ровать его работу и корректировать те положения, которые его не устраивали. По новому проекту, вся власть в княжестве должна была сосредоточиваться в руках князя, а автономное положение Сербии гарантироваться пятью великими державами³. Как видим из данного требования, упоминание о России, как о единственной «покровительнице» Сербии, в проекте нового документа полностью отсутствовало. Правящие круги России не могли скрыть своего недовольства. Сербская историография отмечает, что этот вопрос вызвал такую заинтересованность России, словно речь шла не о турецкой, а о русской провинции⁴.

С целью оказать влияние на внутриполитическую обстановку в Сербии туда был послан генеральный консул в Бухаресте П.И. Рикман. Он должен был убедить сербское руководство в том, что княжество не является самостоятельным государством и должно больше прислушиваться к советам России. «Он хочет, чтобы все осталось по-старому. Старого нет», – так выразительно охарактеризовал свое отношение к миссии Рикмана соратник Милоша Й. Живанович. Вполне справедливым выглядит тезис сербского историка Р. Люшича о том, что вопрос сербского Устава перерос из внутренней проблемы в международную. Самое непосредственное участие в ее решении приняли Россия, Англия, Австрия и Турция. По мнению другого сербского историка В. Поповича, именно подключение Великобритании к борьбе за преобладающее влияние в Сербии вывело княжество из «узких» рамок русско-турецко-австрийского круга и ввело в большую европейскую политику⁵. С этим утверждением можно согласиться, если принять во внимание, что позиция Англии была противоположна интересам России, Австрии и Турции и представляла сербскому князю некоторый выбор внешнеполитической ориентации.

К 1837 г. относится активизация английской политики в Сербии. Английское консульство в Белграде, как и австрийское, было открыто под предлогом необходимости защиты интересов английской торговли. Надуманность этого объяснения была очевидна. Несмотря на то, что в 1838 г. был заключен англо-турецкий торговый договор и английские товары занимали все большее место в турецком импорте, непосредственно к Сербии это не имело никакого отношения. Никакой торговли с Англией Сербское княжество не вело. Более того, в Лондоне не представляли реального политического, социального и экономического положения этой провинции Османской империи. К тому же, не собственно Сербия являлась предметом интереса для Великобритании. По мнению английских политиков, княжество должно было стать «барьером против дальнейшего продвижения России в европейских провинциях Турции»⁶.

³ Люшин Р. Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 152.

⁴ Там же. С.155.

⁵ Поповић В. Метернихова политика на Близком источу. Београд, 1931. С. 146.

⁶ Pavlowitch S.K. Anglo-tassian rivalry in Serbia. 1837–1839. The mission of colonel Hodges. Paris, 1961. P. 171.

С прибытием английского консула Ходжеса в Белград было серьезно нарушено русско-сербское сотрудничество. Милош Обренович нашел в его лице единомышленника. Ходжес выступил против Устава и оппозиции, поддержав авторитарные устремления князя. Более того, вскоре после прибытия англичанина в Сербию Милош заявил ему о своем решении поставить вопрос о замене русского покровительства Сербии на коллективную гарантию политического положения Сербии всеми великими державами⁷. Вероятно, это предложение показалось слишком смелым даже для английского представителя, поскольку требовало пересмотра многих заключенных ранее международных актов, в которых прямо указывалось на покровительство России. Объективная политическая обстановка на Балканах также не способствовала проведению в жизнь этого предложения. По крайней мере этот тезис не нашел своего развития в других документах, хотя и красноречиво свидетельствовал о кризисе, назревшем в русско-сербских отношениях к этому времени.

Итак, с 1837 г. Милош уже больше прислушивался к советам английского представителя. Прибывший в Белград российский консул Г.В. Ващенко свидетельствовал о том, что Обренович близок с Ходжесом, а присутствие русского агента в Сербии «противно» сербскому князю⁸. Более того, сообщал Ващенко, Милош мечтает о политической независимости для Сербии, и в этом он также находит поддержку Ходжеса⁹. Безусловно, речь не могла идти о подлинной независимости княжества, а лишь о «независимости» от русского влияния в нем. Милош чудит, продолжал Ващенко, открыто говорит о нелюбви к России, а в Святую неделю 1838 г., приняв поздравления представителей Англии и Франции, отказал в приеме российскому консулу¹⁰.

На самом деле, Милош уже давно был недоволен вмешательством России во внутреннюю политику княжества. Полностью признавая заслуги русской дипломатии в достижении Сербией политического статуса автономной провинции, Милош начал тяготиться чрезмерной опекой высокой покровительницы. При этом ему приходилось прибегать к завуалированной критике действий России. Так, еще летом 1836 г. князь переслал российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу письмо, якобы перехваченное им у сербского представителя при Порте (так наз. капукея) Антича к А. Петроньевичу. В этом письме Антич высказывает свои сомнения по поводу правомерности вмешательства в дела княжества некой «северной миссии». «Прошли уже те времена, — пишет Антич, — когда князь наш слушал каждого и по совету других и чужих выбирал в лесах сербских для зданий своих и своих потомков строевой лес. Миссия север-

⁷ Достян И.С. К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы в. // Советское славяноведение. 1966. №6. С. 24.

⁸ АВПРИ. Ф. СПБ. ГА 1-9. Оп. 8. Д. 6. Ч. 1 (1837–43). Л. 109–113.

⁹ Там же. Л. 120–121 с об.

¹⁰ Там же. Л. 155.

ная в глазах моих то, что и прочие люди, разумом одаренные..., в ней нет ничего сверхъестественного»¹¹. «Дерзость», с которой написано это письмо, послужила, якобы, причиной отзыва Антича с его поста в Константинополе. В действительности, радикализм сербского представителя был неугоден прежде всего самому Милошу, поскольку сербский агент при Порте являлся активным членом оппозиции и, находясь в турецкой столице, был лучше других осведомлен о политической жизни страны и мог быть легко вовлечен в интриги посольского корпуса.

Между тем, русско-сербские отношения заметно портились. Ходжес уверял Милоша, что он «может управлять Сербиею по собственному благорассуждению», не допуская ни малейшего вмешательства в дела свои со стороны России¹². Сербский князь не скрывал своего нежелания встречаться с представителем державы-покровительницы. Само право России на оказание покровительства было поставлено под сомнение. В ответ на упреки российского консула в оказании предпочтительного внимания англичанам, Милош объявил себя «вполне свободным иметь таковые (отношения. – Е.К.) не только с англичанами, но и с французами, австрийцами и всяkim другим иноземным государством»¹³. Князь, безусловно, был введен в заблуждение утверждением Ходжеса о готовности Англии «защитить Милоша до последней капли крови». Даже приняв решение об отречении от власти, Милош не преминул сделать это в оскорбительной для России форме. Не смея полностью проигнорировать российскую сторону в столь важном для него шаге, он не нашел нужным поставить свой росчерк на документе, посланном в российское посольство. Это намерение досадить небрежностью столь очевидно, что не могло не обратить на себя внимания чиновников в Петербурге. На письме, пересланном в российский МИД из Константинополя, стоит карандашная помета, сделанная уже там: «Это письмо не подписано намеренно»¹⁴. Укол русскому самолюбию – последнее, что совершил Милош на своем посту, покидая его и оставляя престол своему сыну Михаилу.

После ухода Милоша взаимоотношения российских властей с сербской оппозицией строились непросто. Из Сербии были высланы лидеры уставобранительского движения – Тома Вучич, Авраам Петроневич, Стоян Симић, Лазар Феодорович, Матвей Ненадович, Стефан Стефанович, Милутин, Лука и Илия Гарашанины. Несмотря на то, что российская сторона потребовала возвращения уставобранителей в Сербию, лидеры оппозиции не скрывали своего негативного отношения к России. В сербских газетах появился ряд публикаций, подготовленных оппозионерами. В одной из них говорилось, что Россия использует Сербию в своих планах борьбы с Турцией, в результате чего княжество «имеет вместо одного двух

¹¹ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1836. Д. 2679. Л. 17.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 10 об.

¹⁴ Там же. Д. 2687. Л. 21.

господарей, и если когда-либо будет поднят вопрос о сербской самостоятельности, то для Сербии легче будет освободиться от турецкого ига, чем от русской привязни»¹⁵.

В сентябре 1842 г. скупщина, собранная под Белградом, избрала князем Александра Карагеоргиевича. Это было победой уставобранительского движения. «Мятежники», как называли приверженцев Александра российский консул Ващенко, поместили в газете явный выпад против России, утверждая, что для «народа сербского, пользующегося правами свободы, мнение чужестранцев (т.е. России. – Е.К.) весьма маловажно»¹⁶. Российское правительство действительно крайне отрицательно отнеслось к политическим переменам в Сербии.

Во-первых, отстранением от власти Михаила Обреновича Россия лишилась поддержки в высших кругах сербского руководства. Демонстрацией лояльного отношения свергнутого князя к российскому покровителю служит пример послания с изъявлением полной преданности, отправленного в 1844 г. Михаилом Обреновичем российскому императору. Оно завершалось выразительной фразой: «Моя последняя капля крови – для нее, ее трона, фамилии – Великой России, второй родины для каждого серба»¹⁷.

Во-вторых, сама форма смены власти, которой явилось вооруженное восстание, не могла не вызвать протеста российской стороны. Наконец, отрицательное отношение к смене власти в Сербии было обусловлено тем, что за Александром Карагеоргиевичем стояли все те же оппозиционеры, получившие возможность осуществить свою программу, не прибегая к помощи России и не отводя ей той роли во внутренней политике Сербии, которую она привыкла играть на протяжении предыдущих лет. К тому же, все произошедшее в Сербии осложнило вмешательство в сербские дела польских эмигрантов.

После разгрома польского восстания 1830–1831 гг. его лидеры нашли пристанище во Франции. Участники восстания развернули свою деятельность в Юго-Восточной Европе, где имели ряд эмиссаров, поддерживавших югославянское освободительное движение и стоявших на антирусских позициях. Между лидером польского движения на Балканах М. Чайковским и вождями уставобранителей установились тесные связи. В Белград был послан агент польской эмиграции Людвиг Зверковский, который являлся представителем Чайковского в Константинополе. Зверковский прямо предлагал оппозиционерам покончить с русским влиянием в Сербии, ориентируясь лишь на помочь западных держав. Эти тезисы находили отклик среди «защитников устава», активно искавших новую опору во внешнем мире. Сами поляки, делая ставку на развертывание национального движения на Балканах, считали Сербию одним из важнейших центров это-

¹⁵ Цит. по: Попов Н.А. Россия и Сербия. Т. 2. М., 1867. С. 140.

¹⁶ АВПРИ. Ф. СПБ. ГА 1–9. Д. 6. Ч. 2 (1837043). Л. 93 об.

¹⁷ Там же. Д. 8. Л. 28 об.

го движения в связи с ее крайне неустойчивой внутренней ситуацией. Одной из основных целей поляков было нанесение ущерба авторитету России в Сербии, дискредитация ее политики в этом регионе. Найдя поддержку во Франции, польские эмигранты ориентировали сербских политиков на помощь именно этой страны.

Польская пропаганда имела успех среди определенной части сербской знати, которая положительно воспринимала идеи демократического развития страны по западному образцу. Выступая в сербской газете, А. Петро-ниевич обвинял Россию в своекорыстии и отмечал, что «Сербия не обязалась состоять под вечным покровительством какого-либо одного двора; само собою разумеется, что Сербия в случае надобности может искать защиты у какого угодно независимого двора и даже не одного только, а одновременно у многих»¹⁸. В начавшей издаваться в Белграде газете «Сербский курьер» прямо говорилось, что сербы сами себе обязаны своей свободой, а «благоденствие России не так существенны и велики, как они привыкли думать»¹⁹. Негодование оппозиции против России дошло до того, что члены Совета на заседаниях открыто выступали против покровительствующей державы, а наиболее активные ее члены угрожали отправить в ссылку российского консула в Белграде²⁰.

К 1844 г. в Сербии складывается программа внешней политики, которая, пройдя ряд этапов, нашла свое наиболее полное выражение в так наз. «Начертании» И. Гарашанина. Этот документ являлся своеобразной квинтэссенцией идеи национального возрождения. В целом «Начертание» носило ясно выраженную антиавстрийскую и антируссскую направленность²¹. Внешнеполитическая программа такого рода могла бы получить поддержку Англии и Франции. В то же время Гарашанин, будучи хорошо знаком с прорусскими настроениями народных масс и не отвергавший заслуг России в возрождении Сербии, должен был признать перспективность именно русско-сербского сотрудничества. Непременным условием продолжения дружественных отношений с Россией он считал безусловный отказ ее правительства от языка диктата и полное признание всех требований, выдвигаемых сербскими властями. В прочности именно такого союза Гарашанин не сомневался, как не сомневался и в его нереальности в связи с невозможностью для России отказаться от принятой на себя роли покровительницы²².

Гарашанин первым расширил идею объединения сербов до объединения всех южных славян. «Россия меня терпеть не может, – писал он в личном письме Й. Мариновичу. – Они (российские власти. – Е.К.) хотели бы, чтобы я был их рабом и слугой, как многие другие из наших, но я им не

¹⁸ Цит. по: Попов Н.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 199.

¹⁹ АВПРИ. Ф. СПБ ГА 1–9. Оп. 8. Д. 6. Ч. 2 (1837043). Л.312 об.

²⁰ Там же. Л. 376.

²¹ Страњаковић Д. Југословенски национални и државни програм Кнежевине Србије у 1844 год. Сремски Карловци, 1831. С. 14.

²² Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 173.

буду, а буду служить своему отечеству и служить ему верно и безо всякого страха перед Россией»²³. Делая ставку на осуществление целей, выдвинутых в «Начертании», сербское правительство во второй половине 1840-х гг. попыталось дистанцироваться от России и играть самостоятельную роль в своей внутренней и внешней политике. В то же время, не являясь полностью независимым государством, но сознательно отказываясь от русского покровительства, Сербия неизбежно должна была найти себе другую опору. Такой опорой сразу после завершения Крымской войны стала для Сербии коллективная гарантия европейских держав.

Накануне Крымской войны 1853–1856 гг. русско-сербские отношения были на грани разрыва. Этому способствовало, в частности, требование российского правительства об отставке Гарашанина с поста премьер-министра. Александр Карагеоргиевич согласился на эту отставку под сильным русским давлением, желая показать себя «достойным всемилостивейшего благоволения покровителя»²⁴. И хотя сам термин «покровитель» еще присутствует в сербском документе, он отнюдь не отражает сути сложившихся к тому времени русско-сербских отношений. Российский консул в Белграде Туманский передавал в Петербург настойчивую просьбу князя Александра оставить внутренние дела Сербии в ведении ее собственного правительства. Еще ранее сообщение князя о назначении Гарашанина министром иностранных дел Сербии было воспринято как демонстративный акт неповиновения державе, имевшей «законное влияние» в данном регионе Балкан²⁵. «Мы в разрыве с русскими», – писал из Белграда С. Симич сербскому представителю при Порте К. Николаевичу. Залогом хороших отношений с Россией стало условие, «чтобы они (русские. – Е.К.) впредь не требовали от нас таких вещей, которые могут только вести к недоразумениям»²⁶.

Под влиянием всех этих событий русско-сербские противоречия, по словам министра иностранных дел Австрии Буоля, «достигли кульмиационного пункта»²⁷. Достаточно лишь упомянуть о том, что сербы отказались прийти на помощь русской армии, ссылаясь на то, что состояние нейтралитета более всего соответствует тому сложному международному положению, в котором оказалась Сербия к началу Крымской войны. Начальник дипломатической канцелярии Йован Маринович писал: «Чего ищет от нас Россия? Чтоб мы остались нейтральными, пока война остается в настоящих размерах; а когда она сделается важнее, то и мы должны принять в ней участие, посыпая волонтеров и т.п... Предположить торжество России над Европой может только человек, не желающий слушать внушений здравого

²³ Ловчевић Ст. Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Књ. I. Београд, 1931. С. 62–63.

²⁴ Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века. М., 2002. С. 159.

²⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2694. Л. 45 об.

²⁶ Там же. Ф. СПб ГА 1–9. Оп. 8. Д. 6. Ч. 2 (1847–58). Л. 79 об.

²⁷ Там же. Ф. ГА Политотдел. Оп. 233. Д. 236. Л. 159.

смысла»²⁸. Здесь же Маринович объясняет, чем угоден нейтралитет сербской стороне. «Нейтральность наша, — пишет он, — признанная самою Турцией, есть уже великий шаг вперед, который ставит нас как бы на ступень независимой державы и уже и потому, что эта нейтральность не есть установленная между нами только и Турцией, но вместе с тем и обязанность перед остальными державами, которую мы приняли на себя добровольно».

Таким образом, анализ как внешнеполитической ситуации, так и внутренней обстановки в княжестве подводил сербское правительство к однозначному выводу о правильности занятой позиции в Восточной войне держав. С прежней ориентацией на Россию было покончено: «Если нарушим нейтральность в пользу России, то это будет значить, что мы жертвуем настоящим довольно обеспеченным положением из видов некоторого расширения пределов в случае победы России».

Итак, установив по Кючук-Кайнарджийскому миру свое право на покровительство над всеми православными подданными Османской империи, Россия не смогла в полной мере реализовать открывшиеся перед ней возможности. В какой-то мере, сделать это она просто не спешила, что было связано, в частности, с неравномерным социально-экономическим и политическим развитием разных частей Османской империи. Во избежание обострения отношений с Портой российские власти не стремились любой ценой распространить сферу своего влияния на всех балканских подданных султана, исключали из нее заведомо «не перспективные» в плане русского проникновения регионы. Недостаточная включенность таких провинций, как Босния, Болгария, Черногория и Албания во внешнеполитические планы российского МИД определяла ту сдержанность и осторожность, которые российское правительство проявляло по отношению к ним. Отсутствие у Петербурга общей комплексной концепции поведения на Балканах, которая отводила бы этим районам определенное место в его международно-политических планах, негативно сказалось на всем развитии русско-южнославянских связей. В ряде провинций Россия не смогла в полной мере освоить роль покровительницы и защитницы, с которой она успешно справлялась в Сербском княжестве.

Укрепив свои позиции в Сербии в течение предыдущей деятельности и на протяжении долгого времени практически не имея здесь соперников, Россия все же была вынуждена покинуть хорошо освоенную политическую площадку на Балканах, которой являлось к началу Крымской войны Сербское княжество. Ее интересы были противопоставлены как устремлениям самого сербского правительства, так и интересам ведущих европейских держав. Столкнувшись с таким явлением, как уставобранительское движение, российское правительство не смогло однозначно определить свое отношение к новым требованиям сербской элиты, хотя уже имело

²⁸ Попов Н.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 361.

к тому времени определенный опыт поддержки конституционалистских движений в Балканском регионе. С одной стороны, прозападная ориентация уставобранителей не могла нравиться официальному Петербургу, с другой – их антиавторитарные выступления находили положительный отклик российского руководства, имевшего основания испытывать недовольство курсом, проводимым сербским князем Милошем Обреновичем. Сложная, переменчивая внутриполитическая жизнь Сербского княжества заставляла петербургский кабинет пристально следить за происходившими там изменениями и постоянно сверять политические устремления правящих кругов Сербии с теми целями, которые преследовала его собственная политика на Балканах.

Расхождения во внешнеполитической ориентации, которые усугублялись между российским правительством и сербским руководством, ярко свидетельствовали об окончании значительного этапа продолжительной «эпохи покровительства», установленной в Балканском регионе с конца XVIII в. Делая заявку на свой особый статус и права по отношению ко всем православным славянам-подданным Порты, Петербург рассчитывал на то, что эта его миссия будет признана другими европейскими державами. В сущности, это и происходило на протяжении первых десятилетий XIX в. Другое дело, что статус «покровительницы» был не всегда удобен для руководства российского правительства, требовал от него слишком многоного, накладывал обязательства, которые не входили в его планы и вели к обострению международной обстановки в нестабильном регионе Европейской Турции. Одновременно ярко выраженное стремление сербских властей ослабить тесные объятия России свидетельствовало как о росте самосознания сербского общества, так и о его растущей политической зрелости. Эти обоюдные процессы, осложненные сплетением международных противоречий великих держав на Балканах, вели к объективному ослаблению роли России в международной жизни Европы. Поражение России в Крымской войне вынудило ее руководство пойти на пересмотр своего статуса на Балканах и признать право коллективной гарантии политического устройства Сербского княжества.

О том, что эти изменения произошли не без сопротивления российской стороны, говорит отправленная в период подготовки мирного соглашения из Вены в Петербург секретная телеграмма. Даже в тяжелейших условиях заключения мирного договора после военного поражения, Россия попыталась сохранить *status quo* в княжестве. А.М. Горчаков сообщал в своем секретном донесении о том, что сербы хотели бы послать своего представителя на мирный конгресс в Париже. Не собираясь сдавать своих позиций на Балканах, российское руководство воспротивилось этому шагу, считая, что именно Россия должна представлять сербские интересы на международных переговорах²⁹. Даже потерпев поражение в русско-турецкой войне

²⁹ АВПРИ. Ф. СПб ГА 1–9. Оп. 8. Д. 6. Ч. 2 (1847–58). Л. 191.

и лишившись былого влияния на Балканах, Россия готова была сделать лишь некоторые тактические уступки, не отказываясь от своих долговременных стратегических планов.

Elena Kudriavtseva

Institute for Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

The transformation of the idea of Russian "protection" in Serbia of the time of Ustavobranitelji

After the treaty of 1774 Russia obtained the right to support the demands of Slavic population of Ottoman Empire. At first this right applied to the religious questions, but later Russian government began to interfere in the political life of Balkan Christians.

The leader of Serbian revolution knez Milosh Obrenovich used the Russian aid for his own purposes. When the problem of the political existence of Serbia was decided he began to oppose to this aid.

After the abdication of Milosh Obrenovich in 1839 ustavobranitely came to power. They had their own program concerning the development of the country. The new government began to oppose to political control of Russia. The program "Nachertanie" by I. Garashanin implied the independent development of the state without interference of the "great powers". The role of Russian aid in the political life of Serbia diminished dramatically by the beginning of the Crimean War.

М.М. Макарцев

Институт славяноведения РАН, Москва

Образы России и Европы у славян Бобоштицы (область Корчи, Албания)¹

Настоящее исследование основывается на материалах, собранных в 2010 и в 2011 гг. в селе Бобоштица (албанск. *Boboshticë*, славянск. *Boboštica/Boboščica*; округ Корчи, Албания). Сначала мы хотели бы представить контекст: исторический очерк социолингвистической ситуации и биографическую информацию о некоторых жителях села. Эти данные дадут нам основание для интерпретации места, которое Россия и Европа занимают в их модели мира.

Социолингвистическая ситуация

Неизвестно, когда славяне поселились на месте, где сейчас находится Бобоштица. Носители диалекта считают, что славяне живут в селе со временем царя Самуила, и говорят, что до начала XX века село было однородным в этническом и языковом плане. Многие жители уезжали на заработки в Румынию, но ездили они туда без семьи и обычно возвращались. С 1880-х годов в селе действовала греческая школа, албанская школа открылась в 1917 г. Служба в церкви велась на греческом языке. В последние десятилетия XIX века местные просветители (о. Теодор Кочов (Икономо), Димитри Вердов, Димитри Цанцо) делали опыты перевода службы на кайнас, но это не стало церковной традицией. В настоящее время в селе нет священника, по воскресным дням и по праздникам приезжает священник из Корчи или из Тираны, и служба проводится на албанском языке.

В 1912 г. область Корчи (в том числе и село Бобоштица) вошла в состав новообразованного албанского государства. Славяне составляли большинство жителей села вплоть до середины XX века (по данным А. Мазона, относящимся к началу 1930-х гг., большинство из 187 хозяйств села были славянскими). После Второй мировой войны наступает резкое сокращение численности коренного населения за счет внутренней и внешней трудовой миграции — бобоштенцы (теперь уже целыми семьями) выезжают в крупные города Албании (прежде всего, в Корчу и Тирану, кроме того, в Дур-

¹ Работа выполнена по теме Программы ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика».

рэс, Фиер, Шкодру и Эльбасан), но также и за границу. В этом не последнюю очередь сыграло сожжение села баллистами² в 1944 г.

Переехав на новые земли, бобоштенцы не забывают родного села. Для помощи односельчанам они организуют общества (албанск. *shoqatë*). Первое такое общество было организовано в Бухаресте в 1882 г. и называлось «Filloditwake “Boboshtar”». В 1894 г. ему на смену пришло общество «Shoqëria Boboshtare». Целями этих двух обществ, как и организованного в 1905 г. в США «Lulëzimi», были экономическая помощь селу и строительство. Общество «Autonomia», основанное в 1894 г. в Софии, в отличие от перечисленных выше, имело прежде всего политические цели: освобождение от турок. Бобоштенские общества за рубежом играли важную роль в объединении бобоштенцев за рубежом, сохранении их традиций и связи с малой родиной³.

Во второй половине XX века происходит заселение освободившихся хозяйств аромынами. По оценкам С.Т. Дамко, в настоящее время только 42 семьи в селе – автохтонные жители⁴, 136 семей – переселенцы (в основном аромуны). Кроме того, в Корче живут 225 семей бобоштенского происхождения, в Тиране – 50, в Дуррэсе – 15, в Эльбасане – 10 (Там же, 156). Как среди аромунов, так и среди славян, многие перешли на албанский язык, который является единственным официальным языком села и *lingua franca* для межэтнического общения, но если значительная часть аромунов всё же говорит на аромунском, то количество носителей славянского диалекта в селе – не более 6 человек, причем степень сохранности диалекта у них варьирует от достаточно высокой до фрагментарной, и все они двуязычны.

Славяне Бобоштицы называют себя как македонцами, так и болгарами и просто славянами, а свой язык – македонским/болгарским/славянским или *кайнас* [kaijnas] ‘у нас’ или ‘как мы’. Мы будем использовать последнее обозначение, вслед за М. Куртъядом (Courthiade 1993). *Кайнас* является островным славянским говором с ограниченными коммуникативными функциями. Все носители языка, которые живут в селе, старше 70 лет, их дети и внуки, как правило, не знают его совсем, или же их знание пассивно. В то же время, многие албанализированные по языку славяне по-прежнему включают себя вместе со своими славяноязычными односельчанами в группу *djemtë e vajzat e Boboshticës* ‘сыновья и дочери Бобоштицы’ (т.е. автохтоны), которая противопоставлена аромунам. Здесь и далее при цитировании материалов по диалекту, опубликованных другими исследователями, или по рукописям, сохраняется орфография оригинала. К. Штайнке и Дж. Юл-

² Сторонниками Balli Kombëtar, Национального фронта Албании. Эта организация была основана в 1939 г. В 1943 г., после капитуляции Италии, подписала соглашение о сотрудничестве с Германией и совместно с вермахтом проводила военные операции против партизан.

³ Информация о бобоштенских обществах представлена в экспозиции сельского музея. Мы также пользовались неопубликованными записками Эльги Манчо.

⁴ Впрочем, большая их часть уже не говорит на славянском диалекте.

лы также используют латинскую транскрипцию. Носители диалекта при записи используют албанскую орфографию. Для записи текстов на кайнас в своих полевых материалах мы используем латинскую транскрипцию, ударение отмечается подчеркиванием (если носители переходят на другой язык, используется соответствующая орфография).

Носители кайнас в Бобошице

Наше исследование основано на интервью, проведенных в сентябре 2010 и мае 2011 г. с двумя носителями кайнас – Эльпи Манчо и Илью Кунешкой (албанс.) *Elpi Manço* и *Po Kuneshka*. Использованы также и интервью с другими жителями села, славяноязычными и албаноязычными автохтонами. Кроме того, используются публикации интервью с бобоштенцами и записок Ильи Кунешки, сделанные К. Штайнке и Дж. Юллы (Steinke, Ylli 2007: 337–359).

Эльпи родилась в Бобошице в 1936 г., в семье учителя. В ее семье говорили только по-славянски, но под влиянием друзей и соседей в детстве и ранней юности Эльпи в основном говорила по-албански. Согласно ее рассказам, она активизировала кайнас только когда ей пришлось в течение трех лет ухаживать за парализованной матерью.

Илью Кунешку родился в Бобошице в 1925 г., также в семье учителя. Именно семья Кунешка помогала Андре Мазону во время его экспедиций в Бобошицу в 1933–1934 гг. В монографии А. Мазона (Mazon 1936: 257) есть две фотографии Ильи в возрасте восьми лет, а в (Mazon 1965: 67) приводится даже письмо Ильи, которое тот написал на бобоштенском диалекте своему старшему брату Сотиру в Париж в 1934 г. (Сотир получил стипендию для изучения физики во Франции при участии Мазона.) После демократических изменений в Албании Илью записывали Л. Спасов (Спасов 2001), К. Штайнке и Дж. Юллы.

Поездки бобоштенцев за рубеж

Албанское правительство в первые годы после окончания Второй мировой войны и победы Национального фронта во главе с Энвером Ходжей направляло способную молодежь получать образование в крупные учебные, научные и промышленные центры стран, с которыми Албания поддерживала дипломатические отношения, прежде всего в Советский Союз, но также и в другие европейские страны. Бобоштенская молодежь того времени использовала эту возможность в полной мере. Большинство из тех, кто получил высшее образование (43 человека), сделали это за границей (25 человек – на основе данных в Dhamko 2010). Так, за рубежом получили образование двое братьев Эльпи – Тодор и Андреа. Тодор учился в Кракове на горного инженера в рудной Академии (*Akademia e minierave*) и там же работал некоторое время, пока не вернулся обратно. Андреа пять лет учил-

ся в Москве на инженера по машинам, женился на русской по имени Любка Шишкина (Эльпи произносит это как [l'uba išiškina], с протетическим i, или, иногда, как [l'uba išiškinova]). Оба брата Эльпи заняли высокие посты – Андреа стал заведующим машиноимпорта Албании, а Тодора хотели сделать заместителем министра рудной промышленности, но он отказался, потому что считал, что его знания и опыт важнее всего в рудном деле. Поэтому он заведовал разработкой месторождения хрома в Бульчизе. Оба брата Эльпи достаточно часто ездили в зарубежные командировки, а старший брат – Тодор – даже ездил в отпуск за границу и провел по месяцу в Индонезии и Китае.

По рассказам Эльпи, Тодор вспоминал, что после войны Польша была очень бедной страной, в магазинах были только лук и чай. Поляки произвели на него впечатление как очень религиозные люди. Инженер-шахтер, он часто вспоминал о соляных шахтах Krakowa: «I da odieše tamo, velieše Todor, ti se rasipieše umto. Ikonizmie od sol', i kampanarija od sol', i kampanarija od sol', mnogo, mnogo, mnogo dobar, mnogo grad veti»⁵.

Так же, как и Тодор, Андреа получил образование за рубежом – но не в Krakowie, а в Москве, там он за пять лет (1948–1954) выучился на инженера по машинам. После этого он один год проработал инженером в Черкасах. Там было много машинотракторных станций, и многие албанцы после учебы проходили там практику. Поскольку со временем Андреа стал заведующим албанским машиноимпортом, он посетил много стран Европы и Китай.

По словам Эльпи, «Rusija davieše bad'ava se Shqipëria, Albanie. Kad činieje martëdhënje soj zemie, Rusija i pušcieše, aj zemi tieje, žoš este siromasi. Bez pare, bez niš»⁶. В отличие от России, остальные страны, с которыми Андреа вел переговоры, преследовали свою выгоду. Впрочем, статус «бедного родственника» был неприятен, особенно учитывая менталитет албанцев. Эльпи вспоминает, что когда Андреа был в Чехии в албанском посольстве и увидел, что у них самые плохие и старые машины среди всех посольств, то сказал: «Албания не должна позориться в центре Европы, вот вам деньги, купите новые машины».

И Ильо Кунешка, и вслед за ним его младший брат Кристач пошли по стопам старшего брата и в 1946 г. отправились получать высшее образование за границей: Ильо в Прагу, а Кристач в Krakow (там он изучал металлургию). Заслуживает упоминания их дорога до университета и обратно. Ильо вспоминает, что до Черногории они ехали на автобусе, оттуда через Сараево до Белграда и затем до Праги (в каждом месте пересадки им приходилось довольно долго ждать возможности продолжить путь, иногда неделю). Албанские студенты, которые учились в Карловом университете

⁵ ‘И когда приходишь туда, говорил Тодор, у тебя голова идет кругом. Иконы из соли, и колокольня из соли, очень, очень, очень хороший, очень старый город’.

⁶ ‘Россия давала всё Албанию бесплатно. Когда эти страны вели переговоры, Россия давала: вот, возьми и это, потому что вы бедняки, не имеете ничего’.

(вместе с Ильо в первый год приехало 20 албанцев) жили в общежитии с другими студентами из Восточной Европы. За все время между студентами из разных стран или между студентами и чехами не возникало никаких серьезных конфликтов, которые Ильо смог бы вспомнить.

Во время обучения Ильо и Кристач ездили домой только один раз, после четвертого курса, по распоряжению правительства, для проверки благонадежности. К этому времени Албания уже разорвала экономические связи с Югославией (1 июля 1948 г.), а в ноябре 1948 г. Первый съезд Албанской партии труда объявил югославское руководство «предателями» и «троцкистами». Как говорит Ильо, «*okam Serbia ne se pominiäše, ot i nie rasipajme rabotite so Serbia <...> Ama nie ne imijeje toj vo um, toko ajde, šo da storime*⁷». Поэтому им пришлось ехать на поезде до Будапешта, оттуда до Бухареста и далее до Констанцы. Из Констанцы они добирались до Дуррэса на пароходе (через Стамбул и вокруг всей Греции). После этого им разрешили закончить обучение, и в 1951 г. они вернулись в Албанию окончательно.

Из Праги Ильо ездили к Кристачу в Краков, и тогда же он смог заехать еще к одному другу из Корчи, который учился во Вроцлаве. Албанское правительство платило им ежемесячную стипендию, так что студенты, хотя и жили небогато, но ни в чём не нуждались и могли себе позволить есть в ресторанах на бульварах.

Европейские города, которые ему удалось увидеть (прежде всего Прага, но также Краков и разрушенный во время войны Вроцлав), не очень его удивили, ни своей архитектурой, ни размерами, хотя он и приехал из дальнего горного села, где все дома были не выше двух этажей: «*Ne b'še nešto novo*⁸». И после этого Ильо перевел разговор на чехов. По его воспоминаниям, «*čehoslovacite ese dobrí l'udi. Ne se čuvi nikojpat da se kare, da se grize. <...> Po gazetité, po noviníte ne se ču šo se iskradi na kašta vo selo ili ne... nikojpat ne se čuvi. Poščani ese, dobrí ese*⁹». В то же время, за всё время обучения Ильо так и не подружился близко ни с кем из местных жителей. Ильо описывает чехов как людей вежливых, но немногословных и замкнутых. Когда мы через некоторое время вновь спросили Ильо о том, какое впечатление на него произвела Прага, то он вновь перевел разговор на людей — то, что он хорошие, вежливые и спокойные.

Так же лаконично он рассказывал и о других европейских городах, которые ему удалось посетить, — о Белграде, Берлине, Будапеште, Бухаресте, Вроцлаве, Констанце, Кракове и Сараеве. В его изложении города — это не

⁷ через Сербию нельзя было проехать, потому что мы разорвали отношения с Сербией. Они считали, что если мы поедем в Сербию, то как бы мы там не остались, мол, вдруг нам не нравится албанский коммунизм. У нас ничего подобного на уме не было, только что делать'.

⁸ 'Ничего нового'.

⁹ 'Чехословаки хорошие люди. Не услышать, чтобы кто-нибудь поссорился, поругался. В газетах <имеются в виду чехословацкие газеты — М.М.>, в новостях не слышно было, что-бы кто-нибудь обокрал дом в селе или... Никогда не было слышно. Вежливые, хорошие'.

«миры в себе», а пункты на географической карте, которые имеют ценность или потому, что там в какой-то момент жили близкие ему люди (Вроцлав, Краков), или в силу своих ресурсов (Берлин, Будапешт и отчасти Прага, куда он после окончания обучения ездил за деталями для машин), или как элементы транспортной сети¹⁰.

Иностранцы и иностранная культура в Бобошице

В послевоенное время страной, оказавшей наибольшее влияние на ход событий в Албании, был Советский Союз. Даже после разрыва отношений в 1961 г. именно Советский Союз сталинского времени был тем образцом, которым руководствовался Энвер Ходжа. Поэтому СССР (Россия) занимал важное место в картине мира албанцев до демократических изменений в конце 1980-х гг. Благодаря тому, что даже после разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом албанская система образования и основные программы сохраняли базу, заложенную за двадцать лет албанско-советской дружбы (если, конечно, исключить обличения «советско-югославского ревизионизма» и постулат об Албании как единственной в мире подлинной социалистической державе, верной идеям Ленина-Сталина), албанские школьники и студенты вплоть до демократических изменений в Албании учили русский язык и русскую литературу (подробнее см. статью А.А. Новика в настоящем сборнике).

Интервью с одним из носителей бобоштенского диалекта, с которым нам удалось поговорить, представляет «архетипический» образец албанского восприятия России. Рико Богданы (примерно одних лет с Эльпи Ман-

¹⁰ Это отличает его от многих других жителей Балкан, с которыми мы говорили о европейских или русских городах. Внимание к архитектурным особенностям, собраниям произведений искусства, культурной жизни – универсальная черта интеллигентного человека, и вряд ли здесь можно увидеть балканскую специфику, но есть вещи, которые прекрасно показывают особенности модели мира. Так, большинство из тех, с кем мы говорили, отмечало, что русские города производят на них впечатление своим простором и объемом: широкими улицами, высокими зданиями. Большие расстояния – характерная черта многих европейских городов, в том числе и русских. «В Скопье я успевала посетить по десять мест за день и сделать десять разных дел, а в Москве, пока я доеду из одного места в другое, уже проходит полдня», – рассказала нам одна македонка. Албанец, который пять лет проработал в Лондоне строителем, сказал, что город подавлял его своими размерами. Несмотря на то, что на автобусах дорога от места, где он жил, до работы, занимала три часа времени в один конец, он ни разу за все пять лет не пробовал проехать на метро, потому что боялся потеряться. Впечатление производит и иной рефлекс: «Здесь нам очень не хватает гор», неоднократно говорили мне друзья и коллеги из балканских стран (Болгария, Македония, Албания) в Варшаве, Лейпциге, Москве и Париже. В летнее время жителей Балкан удивляет продолжительность дня в городах Центральной и Северной Европы (то, что в Москве может быть светло в одиннадцать часов вечера – не говоря уже о белых ночах в Санкт-Петербурге). В зимнее время настоящий шок вызывает низкое положение солнца на горизонте. В декабре многие мои коллеги из Албании и Македонии, с которыми мы встретились в Торуни (Польша), говорили, что умом они осознают, что солнце «седва отрывается от горизонта», но понять и принять этого они не могут.

чо) родился в Бобошице в смешанной албанско-славянской семье: отец был албанец из Корчи, мать – славянка из Бобошицы. Работал учителем в начальной школе в селе, а также один год – в селе Пустец в Преспe. Кайнас он помнит фрагментарно, путает времена, вставляет много албанских слов. Начали мы разговор на кайнас, но потом перешли на албанский. Сейчас он на пенсии. Он узнал от соседей, что в селе приехал исследователь из России и сам пришел к нам знакомиться. Он сказал, что в селе его называют «русским», поскольку он очень любит русских, и в особенности Ленина. Читал наизусть «Широка страна моя родная» на русском языке. Впрочем, Сталина и Ходжу он не любит. Его дядя по матери был расстрелян без вины при Ходже. Он сказал: «Sporti në Rusi është shumë i zhvilluar dhe Ruset janë pjerëz shumë të mirë»¹¹. Для него, как и для многих албанцев, СССР/Россия ассоциируется с русским языком в школе, стихами и песнями, историческими деятелями советского периода российской истории и спортом.

Дополнительным элементом является «славянская идея». Как сказал нам Ильо Кунешка, «Jas bi sakal da odaj tienta vo Rusija da vida. Tazi e majka mi. Majkata naša Rusia esti. <...> Šćerkata od Rusija esti Bulgarija, i nie esme vnučite od Rusija»¹². Впрочем, это единственный такой пример, и не исключено, что такие взгляды сложились у Ильо во время обучения в послевоенной Праге.

Отношение к России и к русским у Эльпи Манчо гораздо сложнее, потому что семья Манчо – одна из многих албанских семей, в которых были русские жены. Еще во время обучения в СССР Андреа Манчо, второй брат Эльпи, познакомился с русской девушкой, Любой Шишкной. Они жили в одном общежитии, хотя и учились в разных институтах: он на инженер-техника, а она на метеоролога. В первый раз он приехал домой без нее и очень тосковал: сидел у стола и пел «Подмосковные вечера». Мать спросила его, почему он так грустит: если он оставил в Москве любимую девушку, то ему надо уехать туда и жениться на ней. И в следующий свой приезд он женился и привез ее в Бобошицу. Как рассказывает Эльпи, в СССР в одном и том же номере газеты появилось два сообщения: о приезде группы албанских инженеров во главе с Андреа Манчо и о том, что вышел указ, разрешающий гражданам Албании жениться на иностранках. И Люба пришла прямо в гостиницу к Андреа, с этой газетой в руке. Выход замуж за иностранца потребовал колоссальных жертв. Люба должна была отправиться в неизвестность, в страну, языка и культуры которой она совершенно не знала, причем пути назад практически не было.

На три года, когда Андреа стал атташе по внешней торговле в албанском посольстве в Советском Союзе, они с Любой вернулись в СССР – там же родились их дети, Спартак и Наташа. Имя их дочери – русское, но и имя

¹¹ ‘В России очень развитой спорт и русские очень хорошие люди’.

¹² ‘Когда-нибудь я бы хотел ненадолго поехать в Россию. Это моя мать. Россия – наша мать. Болгария – ее дочь, а мы – внуки России’.

сына было выбрано под влиянием впечатлений, полученных Андреа в Советском Союзе: будучи студентом, он занимался спортом на базе команды «Спартак» и позже болел за эту команду. Дети знали русский, но в их семье в основном говорили по-албански. Люба выучила албанский довольно быстро, хотя, по словам Эльпи, у нее были проблемы с ударением (албанск.: me theks). Она переводила на албанский с русского гидрометеорологические материалы.

28 марта 1965 г., накануне командировки в США, Андреа арестовывали по доносу. После ареста Андрея предал его друг – их посадили в одну камеру, и тот высказал у Андрея всю подходящую для обвинения информацию. Другу грозило 25 лет, но он вышел уже через три месяца, а Андрея расстреляли по обвинению в саботаже. На самом деле, как предполагает Эльпи, дело было в том, что незадолго до ареста Андрея отправил Энверу Ходже письмо с критикой отдельных сторон албанской действительности. Это вовсе не было чем-то из ряда вон выходящим: в Албании того времени официально поощрялась критика курса руководства как своего рода «голос народа», но всех, кто это делал, брали на особый контроль в органах государственной безопасности (*Sigurimi*). О том, что Андреа был расстрелян, семья узнала только в конце «нулевых» – до этого времени у них не было никакой информации. Эльпи так подводит черту под этим периодом албанской истории: «Telka budali ese sija našiti, telka budali ese, što i studjoje sija l'udi, ardžeje rafe, val'ute, i ubije kot se koti!»¹³. В большой комнате на первом этаже дома Эльпи висит фотография Андрея, сделанная в Москве, – на ней он широко улыбается, а на голове у него русская меховая шапка, которую он купил в Черкасах.

Любу вместе с детьми отправили в ссылку в небольшой населенный пункт Адриатик (*Adriatiku*), неподалеку от маленького городка Мамураз на юг от Влёры. Как рассказывала Эльпи Люба, при обыске полицейские забрали ее драгоценности и взломали стену квартиры в поисках ценностей. Счет в банке, на котором были приличные по тем временам деньги, был закрыт, а деньги переданы в пользу государства. Осталась только небольшая сумма, которую Андрея и Люба перевели на имя своих детей до ареста. Только после демократических изменений в Албании Любу выпустили из ссылки и предоставили ей квартиру в Тиране. У Любы была возможность съездить в Москву в начале девяностых, но она отказалась: «А что, если Андрея приедет, а меня здесь нет?». Она умерла несколько лет назад. В Москве остались русские родственники Любы, но с ними нет никакой связи, и Эльпи не знает, что с ними сейчас.

В селе были и другие русские жены: Мария и Зоя. Мария тоже была отправлена в ссылку. И только Зоя (ее, единственную из трех, в селе считали советским шпионом) смогла вовремя вернуться в Ленинград, избежав албанской репрессивной машины.

¹³ ‘Такие дураки эти наши, такие дураки, сколько учились эти люди, тратили деньги, валюту, и их всех убили безо всякого смысла!’

Как говорит Эльпи, «L'uba bie, i sviete žene slave <...> i ruskete, tvarde od karakter, žene tvarde. Neve i themi trime kêtej gra, gra trime. Dométhénë, L'uba gu imieše sobreno, sobrano što»¹⁴.

Знакомство с русской культурой не носило исключительно личностный характер. Эльпи вспоминала многие русские песни, которые знают и поют в селе: «Подмосковные вечера», «Очи черные», «Катюша», «Калинка». Эти песни вошли и в репертуар профессиональных певцов Корчанской долины, и они поют их на праздниках, торжествах и вечеринках. По ее словам, «ese piesne, mu velime nie, šo ti krenve, krene»¹⁵.

Афэрдита, племянница Эльпи (она владеет только албанским языком, хотя и немного понимает кайнас), рассказала, что очень любит Пушкина (хотя читает его в албанском переводе), и даже прочитала наизусть несколько стихотворений: «Цветок засохший, безуханный...», «Я вас любил, любовь еще быть может...» и еще несколько из наиболее известных. Из запомнившихся им русских произведений Афэрдита, и Эльпи в один голос называли «Войну и мир» и «Анну Каренину» (читали они их в албанском переводе). В Бобоштице, как и по всей Албании, известны и другие русские авторы. Когда автор этих строк представлялся: «Unë quhem Maksim edhe jam kërkues shkencor nga Rusia», бобоштенцы обычно продолжали: «Maksim Gorki?»¹⁶.

Родной язык и иностранные языки

Весьма «балканской» чертой представляется большое количество языков, на которых говорили и говорят бобоштенцы. Тодор Манчо говорил по-польски, по-русски, по-итальянски, по-французски. Во время итальянской оккупации он разговаривал с итальянцами, причем не на литературном языке, а на неаполитанском диалекте. Итальянский и французский он выучил во Французском лицее в Корче, а польский и русский – в Кракове.

Ильо Кунешку с самого раннего возраста отличала исключительная любовь к учению, в особенности к изучению иностранных языков. В детстве он выучил греческий язык, поскольку он родился в семье учителя в греческой школе. Во время Второй мировой войны, когда в селе были расквартированы итальянские солдаты, он продавал им ракию и понемногу выучил итальянский. Позднее специальные занятия и чтение литературы позволили ему выучить итальянский до такой степени, что он смогвести на нем деловые переговоры, когда был в ГДР. Во Французском лицее в Корче он выучил французский. Любовь к этому языку и ко французской культуре он пронес через всю жизнь, хотя у него не было возможности

¹⁴ «Люба была, как все славянки, тверда характером. Они тверды женщины. Мы таких женщин называем мужественными, мужественные женщины. То есть, у Любы был дисциплинированный ум».

¹⁵ «Это песни, которые, как мы говорим, трогают».

¹⁶ «Меня зовут Максим, я ученый из России» – «Максим Горький?».

поехать во Францию. До сих пор раз в месяц он ездит в Корчу во французскую библиотеку и берет на дом 3–4 книги на французском языке.

Примечательно, что у Ильо исключительно редко возникали проблемы с коммуникацией. «*<Znijete čekisť?> Ništo nie zniájme. <I kako zborviejte?> Pa taka... So poleka. <So poleka ama na koj jazik, na frenski?> Niä, niä, niä. Nie otidojme o pozno tamо vo skolje tamо. I čuvajme profesoro, malko razberovi, toko imiäše knigite, so erkoja maθήma, leçon <...>. I taka, čuvejme nešto, pišejme šo, šo soj da reče, toko vo teknikata nema mnogo zborovi, ese svi evropski imin'a, i taka, si počnajme. Prvata godina samo dve ečetášt. Ečetášt velime nie provim. Kështu që <...> me upitvi šta... sakam da znam kako ke stora... kako ke moža da qarosam toz eksetas, soj provim. Beše gjeometria deskriptive. Toko taz gjeometria ima poveke decenii od što zborovi!»¹⁷. Экзамен по начертательной геометрии Ильо сдал одним из лучших на курсе, при том, что в основном с ним учились чехи и словаки. Конечно, после возвращения в Албанию у Ильо не было возможности практиковаться в чешском – он вернулся в Чехословакию только один раз, после разрыва отношений с Советским Союзом, когда руководство трикотажной фабрики, на которой он работал, отправило его на закупки необходимого оборудования, а после этого до настоящего времени он не имел никакого контакта с чешскоговорящей средой.*

Во время обучения в Карловом университете у Ильо практически не было возможности говорить на родном языке, хотя он и писал письма домой довольно часто. Однако писать приходилось по-албански, а не на кайнас, потому что таково было требование цензуры: личная переписка в Албании перлюстрировалась.

По дороге в Чехословакию и обратно Ильо также не испытывал никаких проблем в коммуникации. В Югославии он мог легко объясняться с местными жителями – благодаря родному языку. В Румынии он говорил по-французски, а в Венгрии объяснялся, используя понемногу все языки, которые он знал.

Разрыв отношений с Советским Союзом в декабре 1961 г. нарушил систему экономических связей, в которой существовала послевоенная Албания. Ильо вспоминает, что как раз когда отношения между Албанией и СССР начали ухудшаться, в Корче открыли трикотажную фабрику, куда советская сторона прислала 40 000 деталей для сборки машин. После политического разрыва советская сторона отказалась участвовать в работе фабрики и отозвала своих специалистов. Во всей Корче не нашлось нико-

¹⁷ «Вы знали чешский?» Мы ничего не знали. «И как же Вы говорили?» Ну так... Потихоньку. «Потихоньку, только на каком языке, на французском?» Нет, нет, нет. Мы приехали туда, в университет, поздно. И слушали профессора. Мы понимали мало, но у нас были книги, с каждым маθήма [уроком], leçon. И вот, мы слушали, писали, что он говорил, только в технике не много слов, и это все общеевропейские слова, и так мы и начали. В первый год у нас было только два ečetášt. Ečetášt это экзамен. И вот, он меня спрашивает: как я сделаю... как я решу это задание. Это была начертательная геометрия. Только в начертательной геометрии больше формул, чем слов».

го, кто смог бы понять, как собрать машины из деталей и заставить их работать. Тогда руководство фабрики обратилось к Ильо, который работал на машино-тракторной станции. Используя руководства (на русском языке), он смог понять, как собираются и работают машины, и вместе с помощниками за короткий срок подготовил технологическую линию.

Однако части узлов все равно не хватало, и тогда руководство фабрики командировало Ильо для покупки недостающих элементов в Венгрию, Чехословакию и ГДР. Необходимое оборудование нашлось в ГДР, но здесь впервые он столкнулся с коммуникационной проблемой: «*Nemcite ne sakam, germancite ne sakam ič. “Pa, šo jazik znaete”, mi rekoje. “Pa, vie ščo znaete. E, pa rekoj ja, francuzki, ruski...” Tie sviä ščo bije od Iztok, rusite ne i sakaa. Ne ti francite ne sakat. <Češki? Šo češki ne zborvije?> Niä, niä, ne zborviäje češki. Ne sakat tie slavski jazici. Ne znat da učat!*¹⁸. Поэтому Ильо пришлось с ними разговаривать на итальянском. Интересно, что Ильо интерпретирует незнакомые языка как нежелание учить его.

Самая яркая особенность в восприятии Европы (соотв., России) у носителей славянского диалекта Бобоштицы – полное отсутствие мифологической основы. Города Европы – это точки на карте, которые получают свою индивидуальность за счет живущих или живших там друзей и родственников бобоштенцев, за счет своих ресурсов или в силу того, что они являются узловыми центрами маршрутов, но не в силу их принадлежности к области своего или чужого. Возможно, это связано с тем, что Бобоштица воспринимается в качестве своеобразного центра системы отсчета, а живущие в ней носители языка и традиций в качестве хранителей этого центра. Базовые оппозиции и модель мира никак не участвуют в формировании образа той или иной европейской страны или города. Представления бобоштенцев о России и Европе во многом совпадают с общеалбанскими, что связано с их образованием и воздействием албанских средств массовой информации. В то же время, парадоксальным образом некоторые бобоштенцы ощущают себя гораздо ближе к Европе, чем многие албанцы из городов, поскольку они и их родственники получали там образование и ездили туда в командировки, а также в силу родственных связей.

Литература

Спасов 2001 – Љ. Спасов. Говорот на Бобошт(шч)ица денес (врз основа на нов снимен материал) // XXVII Научна Конференција на XXXIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001. С. 227–231.

¹⁸ ‘Немцев я не люблю, германцев совсем не люблю. “Ну, какой язык вы знаете”, – говорят они мне. “А вы какой? Я-то, говорю, знаю французский, русский...” Они все – из Восточной Германии, русских не любили. И французов тоже <А чешский? Почему вы не говорили на чешском?> Нет, нет, они не говорили по-чешски. Они не любят этих славянских языков. Не умеют учить’.

- Courthiade 1993 – M. Courthiade. Un parler slave singulier: le “kajnas” d’Albanie orientale // *Balcanica Posnaniensia. Acta et studia*, VI. P. 237–326.
- Dhamko 2010 – S.Th. Dhamko. Boboshtica. Historie. (Një variant.) *Boboshtica*, 2010 (рукопись).
- Mazon 1936 – A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du Sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d’études Balkaniques – V.)
- Mazon 1965 – A. Mazon, M. Filipova-Bajrova. Documents slaves de l’Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d’études Balkaniques – VIII)
- Steinke, Ylli 2007 – Kl. Steinke, Xh. Ylli. Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. München, 2007.

* * *

Maksim Makartsev

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Image of Russia and Europe at the Slavic minority in Boboshtica (district of Korcha, Albania)

The article is based on the data (oral narratives and written memoria), collected in 2010 and 2011 in Boboshtica (Alb. *Boboshticë*, Slavic *Boboštica/Boboščica*), Rrethi i Korçës, Albania. The Slavic population of the village refer to themselves as Macedonian/Bulgarian and call their dialect kajnas ‘at/of ours’. We use the same term. This population has strongly declined during the second half of the XX century. Nowadays there are only 6 native speakers of Kajnas in the village, all of them older than 70 years old, bilingual (Kajnas and Albanian), and their knowledge of Kajnas can differ from very fluent to basic. The majority of the population in the village is Aromanian, and there are some Albanians as well.

The very specific thing about this village is that a significant number of its dwellers studied and/or made careers both in Albania and in other countries.

Our interviewees were Ilo Kuneshka and Elpi Manço. Ilo is an engineer, he has graduated from the French Lyceum and lived and worked in Chekhoslovakia for many years. Elpi’s elder brother Todor was also an engineer and he studied in Kraków, in Poland.

The acquaintance of the people of Boboshtica with Europe (including Russia) is based on their own experience and friends’ and family members’ stories. A brother of Elpi Manço’s was married to a Russian called L’uba Šiškina, which resulted (as it was used to happen at that time) in their imprisonment and later him being killed on a false accuse. Elpi describes their life together before the arrest and after L’uba was internated to a camp called Adriatiku.

Europe and Russia are very familiar to the people of Boboshtica and they tend to associate different countries and cities with their family members, neighbours and friends, who worked and lived there.

Отношение к русским в Сербии в XX веке

Считается, что из всех балканских народов сегодня именно сербы настроены наиболее русофильски. Причем, сами сербы свое традиционное русофильство не отрицают, и даже полагают, что на их искреннюю любовь русские не всегда отвечали взаимностью¹.

Отношения между двумя народами зависели, конечно, от официальных отношений, которые складывались между их государствами. Российско-сербские (советско-югославские, но тоже понимаемые преимущественно как русско-сербские) отношения не всегда были безоблачными: известны, например, проавстрийская ориентация последних Обреновичей в конце XIX и самом начале XX в. или неприятие большевизма королем Александром Карагеоргиевичем в межвоенный период, когда между Югославией и Советским Союзом не было даже дипломатических отношений. Не мог также не оказаться негативного влияния на восприятие России и русских в Сербии конфликт между Сталиным и Тито в 1948 г. Наконец, официальная политика России во время десятилетнего югославского кризиса (1991–2001 гг.) многими в Сербии воспринималась негативно и даже как предательство. Завышенные ожидания сербов от России и русских существовали всегда и никуда не исчезли.

Однако все эти моменты все-таки не меняли общего фона и не могли заслонить главного – искреннего русофильства сербского народа. На представления сербов о России огромное влияние оказывали не только конъюнктура межгосударственных отношений, но и более древние идеалистические предания, благодаря которым русофильство стало даже частью сербского национального самосознания. И если в простом народе, прежде всего в сербском крестьянстве, из поколения в поколение воспроизводилось русофильство, то среди части элиты, особенно обучавшейся на Западе, регулярно возникали прозападные настроения. В результате с внешнеполитической повестки дня Сербии никогда не сходил вопрос о ее пророссийской или прозападной ориентации. Эта дилемма актуальна и в наши дни².

¹ У сербов даже есть присказка о «балканском любовном треугольнике», при котором Сербия любит Россию, Россия – Болгарию, а Болгария – Германию.

² Обзор литературы по этой проблеме см., например: Калоева Е.Б. Сербия между Востоком и Западом // Современная Россия в оценках восточноевропейцев. М., 2009. С. 126–139. См. также: Мировић Д. Запад или Русија. Београд, 2004.

Сегодня в Сербии можно встретить как искреннее русофильство, так и, правда, гораздо в меньших размерах и преимущественно у части политической и интеллектуальной элиты, откровенное русофобство. Но в любом случае интерес к России не ослабевает. За последние десять лет о современной России опубликовано как минимум 30 книг, а общее количество статей, в том числе и в Интернете, даже трудно сосчитать. Ничего подобного не наблюдается в отношении США и других западных стран. Причем, по мнению сербского историка М. Йовановича, авторы этих книг, как правило, не только не имеют каких-либо специальных знаний о России и российской реальности, но часто не знают даже элементарных вещей. Интерес к России во многом замешан на мифотворчестве, а не на рациональном знании. Кроме того, большинство авторов, которые пишут о России, часто не видят разницы между Сербией и Россией: поучают ее, как надо было поступать в том или ином случае, в частности – более правильно проводить политику защиты Сербии³.

Не только в отношении к России, но и в отношении к русским в Сербии существуют твердые мифологические конструкции, связанные с симпатией или антипатией отдельных лиц, их семей, окружающей среды. «Отец посадил меня на колени и рассказал о России» или «Дедушка завещал держаться русских» – и теперь можно услышать в неофициальных обсуждениях из уст многих граждан Сербии⁴. Несколько лет назад автору этих строк белградский таксист, серб из Черногории, напевал любимую песню своего отца: «Плови патка, плови гуска, ова земља биће руска»⁵.

* * *

Первоначально знакомство сербов с русскими и Россией происходило через рассказы вернувшихся домой редких путешественников. Но, конечно, гораздо сильнее на формирование образа другого народа действовали не одиночные встречи, а массовые контакты. Один из первых массовых контактов сербов с русскими произошел в XVIII в. Тогда в Российскую империю переселилось несколько тысяч сербов, основавших на территории нынешних Кировоградской и Луганской областей Украины поселения, получившие названия Новая Сербия и Славяносербия⁶. Другой массовый контакт произошел через сто с лишним лет уже на территории Сербского княжества, куда для участия в сербско-турецкой войне 1876 г. прибыло около 3 тыс. русских добровольцев.

³ Jovanović M. Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka. Beograd, 2010. S. 13–14.

⁴ Timošević A. Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljnopoličkih odnosa na Zapadnom Balkanu // Ibidem. S. 20.

⁵ «Плынет утка, плывет гусыня, эта земля будет русской» – сербск.

⁶ Лешиловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. М., 2006. С. 259–260. Подробнее см.: Рудяков П. «В службу и вечное подданство...». Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764). Киев, 2001.

В ХХ в. таких контактов было несколько. Сначала русские солдаты и офицеры воевали вместе с сербами на балканских фронтах Первой мировой войны. Затем десятки тысяч русских бежали в Югославию после 1917 г., и около 40 тыс. осели в этой стране. Осенью 1944 г. к этим русским беженцам добавились воины Красной Армии (в большинстве своем этнические русские), которые участвовали в освобождении Белграда и северо-восточной Сербии.

Югославию затронула и так называемая «брачная волна» эмиграции. Она началась с конца 1950-х – начала 1960-х годов, когда после смерти Сталина произошла нормализация отношений между двумя странами, и были, в частности, разрешены браки между гражданами СССР и Югославии. Эта волна эмиграции затронула в основном женщин, вышедших замуж за учившихся и работавших в России сербов⁷.

Наконец, несколько сотен добровольцев (приблизительно около 300 человек) и тысячи миротворцев из России приезжали в бывшую Югославию в годы югославского кризиса (1991–2001 гг.).

По последним данным, на территории Сербии проживает более 2,5 тыс. жителей, считающих себя русскими. Однако русская диаспора весьма неоднородна – есть сохранившие русский язык немногочисленные потомки эмигрантов первой волны, есть недавние переселенцы из различных регионов России и СНГ⁸.

Массовые контакты русских с сербами происходили не только на сербской территории. Десятки тысяч сербов, главным образом строители, работали в 1990-е годы во время антисербских санкций в России. Это был пик сербского присутствия в России, сопоставимый по численности с межвоенной русской эмиграцией в Сербии. Работают сербы в России и сегодня.

* * *

Теперь посмотрим подробнее, как массовые контакты влияли на представления сербов о русских и России. Отношение к русским в годы Первой мировой войны было самым радушным. Образно это описал в «Слове о Сербии» русский писатель Леонид Андреев: «... в Сербии нас любят – горячей, искренней, почти нежной любовью. Попробуйте, кто бы вы ни был, проехаться сейчас по ее окровавленным полям и городам... и вам покажется, что вы владетельный князь, пророк, сам ангел Божий – такою любовью и почтением окружат вас эти измученные люди!»⁹.

И действительно, по воспоминаниям очевидца, сербская армия и большинство народа были настроены «удивительно русофильски». «”Без руса

⁷ Дрляча Д., Кашиба М.С., Мартынова М.Ю. Русские в Сербии как исторический и социально-культурный феномен // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 81–82, 107–109.

⁸ Там же.

⁹ Андреев Л. Слово о Сербии // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии. 1990–1993. Современная история Югославии в документах. Т. 2. М., 1993. С. 39.

мы бы пропали, без русского воиника мы бы давно были швабами; Россия – нам мать” – искренно и горячо раздается среди офицеров и солдат. На всякого русского смотрят приветливо и доброжелательно»¹⁰.

Такое отношение распространилось и на спасавшихся после октябрьского переворота 1917 г. русских беженцев. Их также ожидал в Сербии самый радушный прием. Кроме традиционного русофильства, сказывалась и благодарность за помощь России во время Первой мировой войны, в результате которой возникла Югославия и исчезла Российской империя. Особую симпатию к России и русским испытывал, как известно, воспитанник русского Пажеского корпуса король Югославии Александр Карагеоргиевич.

Радушный прием русских беженцев в Сербии бесспорен, это отмечают все – и очевидцы, и исследователи «первой волны» русской эмиграции. Так, например, русские беженцы сообщали своему уполномоченному в Белграде С.Н. Палеологу: «Прежде всего следует отметить необыкновенно теплое, даже восторженное отношение сербов ко всем русским без различия. Первым партиям русских беженцев, приехавшим из Одессы, устраивались триумфальные встречи по всему пути их следования с участием высших представителей военных и гражданских властей и множеством народа, радостно приветствовавшего русских»¹¹. Русские эмигранты из других европейских стран со стороны еще лучше видели разницу в размещении беженцев: «И хочется сказать несколько искренних слов русским людям в Югославии... Вы живете в стране, где так же любят Россию, как сами русские...»¹².

Появление русских беженцев вызвало понятное любопытство. Затем к ним стали присматриваться. «Бросалась в глаза неприспособленность пришельцев к повседневной жизни, их нежелание прочно устроиться... Удивляли и пренебрежение беженцев к быту, их нарочитая вежливость и изысканность манер»¹³. Русские «держали свой статус, соблюдали свои обычаи: завтракали поздно, обедали в пять, пили вечерний чай, затем следовало вечернее чтение или собирались за карточным столом... На Рождество украшали елку, на которой обязательно висел подарок для каждого приглашенного гостя. Этот обычай украшения елок сербы приняли именно от русских эмигрантов»¹⁴.

Удивляло даже отношение русских к домашним животным. Русские охотно заводили собак и кошек, «подбирали их во дворах или на улице,

¹⁰ Астровов Б. В тылу полей кровавых (Сербия и Болгария). Пг., 1916. С. 19–33 // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 599–600.

¹¹ Цит. по: Йованович М. «Русской песне тесно под южным небом. Ей нужно пространство, высокое небо...». Образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920–1940) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 258.

¹² Цит. по: Он же. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 204.

¹³ Арсеньев А.Б. У излучины Дуная. М., 1999. С. 154.

¹⁴ Цит по: Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Часть I. М., 2007. С. 26.

кормили бездомных котят, возбуждая насмешку или недовольство соседей»¹⁵. Многие сербы старшего поколения вспоминали, что привычку подкармливать бездомных собак и кошек они также восприняли от русских.

Особенно заметна разница в поведении русских и сербов была в провинции. Русские меняли даже сам облик мест, где они расквартировались. Разительные перемены произошли, например, в небольшом воеводинском городке Сремски-Карловцы, где была размещена основная часть Штаба главнокомандующего Русской армии генерала П.Н. Врангеля. По воспоминаниям, «щеголеватые офицеры … и балы навеивали дурман на все месечко, за ночь превратившееся в шумный военный табор. Первые долги господа погашали серебряными табакерками и фамильными драгоценностями. Русские их отдавали с аристократическим легкомыслием, кичливо и с некоторым пренебрежением к недоверчивым мещанам, перед таким богатством не способных скрыть свою ошеломленность и восторг»¹⁶.

И еще одно свидетельство жительницы Сремски-Карловцы: «Здешние русские не общались с местным населением. У них был свой “клуб”. … Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами… Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привезти эту уйму книг. … Необходимо подчеркнуть, что наш народ не был хорошего мнения о семейной жизни русских. Мужей они видели под башмаком своих жен, а тех – ленивыми. Говорили: «“те” отлеживаются, читают, командуют, а “эти” готовят обед, совершают покупки, занимаются уборкой»¹⁷.

В патриархальной, крестьянской Сербии русским женщинам доставалось особо. Местное население делало вывод, что приехавшие к ним русские – действительно, «славные люди, только женщины у них дрянь». По целым дням вылеживаются на кроватях и диванах, жалуясь на мигрень. … Однако мужья терпят и воркуют возле этих ипохондрических привередниц»¹⁸. «Русских женщин упрекали в лени и чтении книг, в чрезмерном внимании к уходу за собой и своему туалету, а их супругов – за ведение домашнего хозяйства (работы “чисто женской”)»¹⁹.

Исследователь жизни русской эмиграции на Балканах М. Йованович пишет: «Реальная жизнь приводила к контактам двух во многом различных культур, менталитетов и привычек. Это было и своеобразной встречей людей севера с природной средой Юго-Восточной Европы и связанным с ней бытом, который многим был незнаком и чужд, так же как и многие другие обычаи и культурные особенности новой среды. Со своей стороны

¹⁵ Арсеньев А.Б. У излучины Дуная. С. 161.

¹⁶ Он же. Русская эмиграция в Сремских Карловцах // Русские в Сербии. Взаимоотношения России и Сербии с конца ХII до начала ХХ века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии – последние 60 лет и сегодня. Белград, 2009. С. 156.

¹⁷ Он же. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. С. 158–159.

¹⁸ Там же. С. 156.

¹⁹ Арсеньев А.Б. У излучины Дуная. С. 154.

балканские народы столкнулись с людьми, у которых было другое восприятие пространства и времени, другое мировосприятие, иное отношение к детям, противоположному полу или собственному телу. Когда эмигранты и балканские общества оказались в реальном контакте, вскоре выяснилось, что у этих “других” почти все по-другому, от пространства и времени до привычек, миропонимания и культуры...»²⁰.

«Эта была встреча (а затем и совместное существование), – пишет далее М. Йованович, – двух совершенно различных миров. Русского – в основном городского, который был представителем буржуазной культуры и исключительно высокого, по стандартам того времени, образовательного уровня (12–15 % лиц имели высшее образование и 60–65 % – среднее), и сельского балканского (около 80 % населения проживало в деревнях) – в основном неграмотного (свыше 50 % населения), все еще находившегося под сильным влиянием патриархальных, сельских культурных образцов поведения и традиций... Русский городской элемент оказался в мире сельских патриархальных Балкан...»²¹.

Сербам пришлось привыкать к русским людям, «которые посреди патриархального балканского общества “купались в море посреди зимы”, иногда и “без соответствующих купальных костюмов”, которые даже “цеповали женщинам руки” и “дарили цветы”, которые постоянно “пили чай”»²².

Особенность межвоенной русской диаспоры в Сербии состояла в том, что она не стремилась к натурализации, веря в скорое возвращение домой, а затем – в особую миссию Зарубежной России. В этом было их отличие от сербских переселенцев в Российскую империю, которые в родственном окружении растворились чрезвычайно быстро. Русские в Сербии все же были изгнанники, а не добровольные переселенцы. Более того, русские принимали специальные меры для сохранения своей идентичности, искусственной «закрытости». Как упоминалось, интеграции мешал и совершенно различный культурный уровень – высокий у русских и низкий у местного окружения. Но с другой стороны, этот уровень культуры влиял «на само окружение, меняя, расширяя и развивая некоторые из местных доминантных культурных образцов и стандартов»²³.

Сербский этнолог Д.Дрляча видит причины некоторой обособленности русских эмигрантов от сербов в наличии в менталитете этих двух народов целого ряда несовпадений. К ним он причисляет, например, большую приверженность русских к религии; их тягу к литературе, живописи, музыке; преданность своему делу; большую эманципированность русской женщины в семье и обществе, различия в статусе мужчин у этих двух на-

²⁰ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. С. 211.

²¹ Там же. С. 194–195.

²² Там же. С. 217.

²³ Там же. С. 222.

родов и т.д.²⁴. Впрочем, эти ментальные отличия, возможно, кроме религии, вполне вписывались в отмеченную выше разность культурного уровня у представителей двух народов в момент их встречи.

Некоторые несовпадения в отношении русских и сербов к религии отмечали многие. По заключению одного из летописцев русской эмиграции в Югославию В. Маевского, «сербы не привыкли к длинным службам и храмы посещали не особенно усердно; монашество у них было в упадке и монастыри все больше пустели. Вообще сербское православие не богато мистикой; оно какое-то практическое и есть в нем что-то привычное и формальное... Служат сербы в большинстве не достаточно проникновенно; еще того хуже поют, – конечно, на русский избалованный вкус... Но простой народ, хотя и реже ходит в церковь, службу знает лучше русских». Во всяком случае, делал вывод Маевский, церковный быт русский и сербский разительно друг от друга разнятся²⁵. «Сербское православие, – по впечатлениям писательницы Зинаиды Гиппиус, – не совсем российское православие. Ниже или выше, хуже или лучше, – другой вопрос, но не такое: более бытовое и народное, более простое, а главное, – более веселое»²⁶.

И еще немного об упоминавшемся пристрастии русских людей к чтению. «Оказавшись на чужбине, русские много читали. Местные поражались, откуда у пришельцев столько книг, толстых журналов, газет. А их, вопреки трудностям, выписывали из Берлина, Парижа, Риги, Шанхая... В русских домах постепенно создавались личные библиотеки»²⁷. Тяга русских к литературе, литературной деятельности не прошла незамеченной для сербов. Более того, возможно, именно эта черта новых соседейоказала на сербский образ жизни самое глубокое влияние. Известный сербский литературовед О. Джурич отмечает, что русская интеллигенция своей деятельностью способствовала тому, чтобы литературно-культурная жизнь вошла в привычку у молодого, еще бедного кадрами сербского общества. «На сербских просторах, где ... книга только начинала стремиться к своей высокой духовной планке, русское преклонение перед письменным словом стало небесным даром. На домашнем культурном небе оно пронеслось как яркий след кометы...»²⁸.

Однако с течением времени идиллия в русско-сербских отношениях стала исчезать. Постепенно «в широких слоях сербского общества стали задумываться над вопросом о русских эмигрантах: правда, это были гости и братья, но все же неожиданные; к тому же их было много, и неизвестно, на сколько времени они прибыли». Сербы так и не поняли, «отчего русские

²⁴ Дряча Д., Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Указ. соч. С. 102–103.

²⁵ Маевский В. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 166–167.

²⁶ Цит. по: Йованович М. Указ. соч. С. 216.

²⁷ Арсеньев А.Б. У излучины Дуная. С. 159.

²⁸ Ђурић О. Руска литерарна Србија. 1920-1941. (Писци, кружоци и издања). Београд, 1990. С. 271.

люди с оружием в руках боролись с большевизмом и оставили свою богатую родину для великих испытаний на чужбине? ... они не желали слушать, что им говорили эмигранты, и потому последние просто казались им людьми несерьезными, по какому-то капризу ... покинувшими отчество». «По-существу ... между сербским обществом и русской эмиграцией оказалось мало точек соприкосновения, мало общего». Иллюзии уходили вместе со старшим поколением. «Сербы среднего и молодого поколения не знали русских и не интересовались ими, а русские не знали сербов».

«Русская эмиграция не давала себе труда спросить, что и как нужно делать и как вести себя в новой среде... При этом нужно отметить, что положение усугубляли представители русского беженского «бомонда»... Его представители, зачастую весьма неудачные, привезли воспоминания блестательного С.-Петербурга, немного ценных вещей и много высокомерия ... князья, графы и просто особы первых классов – слишком красочно рассказывали о своем богатом и привольном житье на родине, давая иногда довольно неделикатно понять, что делают большое одолжение сербам, пребывая в их обстановке. И сербы это приметили, позавидовали и обозлились, начав вскоре посмеиваться над русскими...».

Появились даже анекдоты, статьи в газетах и передачи по радио о русских, которых высмеивали под собирательными именами «Сережи» и «Ниночки». «Но беспечный русский «бомонд», ничего этого не замечая, продолжал свою жизнь эмигрантской богемы на барский лад. Правда, отсеялась и выделилась серьезная часть эмиграции, но она была очень занята и не бросалась в глаза»²⁹.

Отношение к русским в результате совместного проживания стало в лучшем случае нейтральным. Причем, старшее поколение по-прежнему относилось к русским лучше, чем молодое, и «даже с благосклонностью». Отличалось отношение к русским и в разных слоях сербского народа. По словам С.Н. Палеолога, «вне всякого упрека к нам относятся: высшее Правительство, духовенство, высшие классы интеллигенции и офицерства... Средний класс: городские жители и торговцы совершенно равнодушны к русским, смотрят на нас как на элемент, подлежащий эксплуатации, депутат с нас три шкуры (в особенности за комнаты)... Чувства симпатии ... явление почти исключительное. Селяки, с которыми нам мало приходится иметь дела, относятся к нам добродушно, но с искренним недоумением и постоянно спрашивают: «Зашто смо допутовали из России?»»³⁰.

Постепенно русские привыкали к устоям и традициям сербов. Югославия становилась для них «все более близкой и дорогой». У второго поколения эмигрантов уже достаточно часто отмечались смешанные браки³¹. В частности, в метрических книгах русского церковного прихода г. Нови-Сад отмечено, что в период между двумя мировыми войнами было зареги-

²⁹ Маевский В. Указ. соч. С. 12–14, 68–71.

³⁰ «Почему мы приехали из России?» – сербск. См: Йованович М. Указ. соч. С. 216.

³¹ Арсеньев А.Б. У излучины Дуная. С. 165.

стрировано 226 церковных браков, из них – 40 % смешанных³². Правда, смешанные браки у эмигрантов были обусловлены и ненормальным – 70 на 30 % – соотношением между мужчинами и женщинами. Поэтому в эмигрантской среде наблюдался также исключительно большой процент лиц, не состоявших в браке, – до 40 %³³.

И все же русские так и не стали до конца своими. Настороженность по отношению к ним осталась. Как уже отмечалось, отчасти в этом были повинны и сами русские – своим образом жизни и своим поведением. Они продолжали ощущать себя в Югославии инородным телом. «Парадоксально, что такое ощущение с течением времени усиливалось, вместо того, чтобы в процессе обживания постепенно ослабнуть и уменьшиться»³⁴.

Наконец, после начала Второй мировой войны и оккупации Сербии отношение местного населения к русским совсем испортилось. Многие эмигранты «стали объектами физических и вербальных нападений». По стране даже «прокатилась волна убийств русских эмигрантов». «Взаимопонимание между русскими эмигрантами и сербским населением становилось с каждым днем все более призрачным. “Батюшка Сталин” и “Красная Армия” вызывали полностью противоположную реакцию у значительных масс сербского населения и убежденных антисоветских из рядов русской эмиграции»³⁵.

Еще один массовый контакт сербов с совсем другими русскими – советскими гражданами – произошел при освобождении Сербии Красной Армией осенью 1944 г. Причем, как пишет автор подробного исследования о «русском факторе» в Югославии в годы Второй мировой войны А.Ю. Тимофеев, «поведение советского солдата в Сербии осенью 1944 г. и отношение к нему местного населения оказали в дальнейшем исключительное влияние на формирование стереотипов друг о друге»³⁶.

Вновь практически все участники освободительных боев запомнили радушное и гостеприимное отношение к себе сербского населения. В частности, как только советские солдаты появились в Белграде, их сразу бросились обнимать местные жители. Очевидец вспоминал: «В руках цветы, флаги. Обнимают солдат, зовут в гости, забыли, что освобождение города только началось. И так было везде: часто на одном конце улицы еще идет бой, а на другом конце, уже освобожденном, ... счастливые люди обнимают бойцов-освободителей»³⁷.

Теплыми и сердечными были встречи советских воинов во всех сербских селах на пути следования Красной Армии. Еще более дружеские чувства проявляли товарищи по оружию – титовские партизаны. Довольно

³² Он же. Русская колония в Нови-Саде // Русские в Сербии. С. 172.

³³ Йованович М. Указ. соч. С. 401.

³⁴ Белоемиграција у Југославији. 1918–1941. Том I. Београд, 2006. С. 111.

³⁵ Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010. С. 27–28.

³⁶ Там же. С. 246.

³⁷ Там же. С. 320.

быстро красноармейцы и партизаны сблизились еще теснее, «чему способствовало неофициальное общение в форме коллективных пьянок». Это стало вызывать даже острую реакцию полигорганов Красной Армии³⁸.

Сербы ожидали Красную Армию как свою освободительницу. Особое восхищение вызывала у них «многочисленная и мощная советская бронетехника». Вместе с тем «форма и сами красноармейцы выглядели достаточно бедно». И это разочаровывало сербское население. Очевидцы вспоминали, что красноармейцы «оставили печальное и крайне тяжелое впечатление. Ужасно плохо одеты и обуты». Сербы смотрели с сожалением и на неумеренно пьющих русских. Отдельные военнослужащие совершали криминальные и антисоциальные поступки. Горький привкус от всего этого не мог, однако, изменить общую «радость освобождения от немцев, принесенного бойцами Красной Армии»³⁹.

Еще один достаточно массовый и длительный контакт сербов с русскими произошел во времена югославского кризиса. Конечно, он не идет ни в какое сравнение с «первой волной» эмиграции, но все же и он не прошел бесследно.

Многие добровольцы в качестве самого сильного впечатления о Сербии вновь называли неисчезнувшее и даже граничащее с иррациональностью русофильство сербов. В частности, один из первых добровольцев, житель Самары Ю.М. Хамкин пишет, что не понимает, за что сербы «нас так уважают. Если мы их где-то поддерживаем, они говорят: “Нас с russami 300 миллионов!” Если предаем, как сейчас, они вздыхают: “Бог высоко, рус далеко. Бог не слышит, рус не чует”»⁴⁰.

О.В. Валецкий, проведший, наверное, на Балканах времени дольше других добровольцев, пишет о том, что среди сербов «встречал к себе весьма благожелательное отношение». И в то же время, по его мнению, «с сербами русским воевать было тяжело: слишком много было отличий во всем», кроме того они были склонны «с одной стороны к эйфории и самонадеянности, а с другой стороны – к потребительскому отношению даже к тем, кто стремится им помочь»⁴¹.

Полицейский наблюдатель в Республике Сербская Краина в Хорватии Б.К. Ракитин вспоминает первую встречу в сербском монастыре: «Встретили нас как родных людей, вернувшихся домой из дальнего путешествия». И далее: «На сербских территориях наша национальность была дополнительным пропуском и защитой»⁴².

³⁸ Тимофеев А.Ю. Военнослужащие Красной армии и население Сербии: опыт взаимовосприятия // Человек на Балканах глазами русских. С. 277, 293–294.

³⁹ Там же. С. 299–300, 305.

⁴⁰ Хамкин Ю.М. Поезжай и умри за Сербию. (Заметки добровольца). Самара, б. г. С. 196.

⁴¹ Цит. по: Энгельгардт Г.Н. «Местное общество», политики и военные в балканских войнах 1990-х гг., глазами русского наблюдателя // Человек на Балканах глазами русских. С. 327, 335–336.

⁴² Ракитин Б.К. Воспоминания о чужой войне // Наши миротворцы на Балканах. М., 2007. С. 71, 75.

Некоторые из русских добровольцев остались в Сербии, женившись на сербках и пополнив ряды русских или россиян, постоянно проживающих в этой стране. Впрочем, их было совсем немного, и они коренным образом отличались от других смешанных брачных пар, которые образовывались главным образом за счет русских женщин, выходивших замуж за сербов.

Таковой была, кстати, и «вторая волна» эмиграции, которую составили так называемые «ДР» или насильственно перемещенные. В данном случае это были угнанные на работу в Германию советские девушки, некоторые из которых сошлись в неволе с югославскими мужчинами и вернулись затем не в СССР, а в Югославию, ставшую для них новой родиной. По некоторым данным, их было не менее 200 человек⁴³.

Следующая волна эмигрантов, вернее – эмигранток, была связана с приездом в СССР югославских, в том числе и сербских, граждан – сначала на учебу, а затем и на работу. Возможно, эту волну следует разделить на две части. Первая – с конца 50-х и до конца 70-х годов, когда, особенно вначале, выход замуж за иностранца и отъезд в Югославию был сопряжен с рядом трудностей, неприятностями на работе или в вузе, беседами с предупреждениями и т.п. Однако «увенчанные ореолом романтических героев» югославские юноши привлекали внимание «таких же романтически настроенных россиянок, в основном студенток и интеллектуалок разных профессий». Более поздняя волна была обусловлена уже скорее социально-экономическими причинами⁴⁴. Но обе эти волны (третью и четвертую) можно условно назвать «брачными».

Представительница «романтического поколения» россиянок, на долю которых выпали все зигзаги в советско-югославских отношениях, В.П. Девич-Романова пишет, что «нас встретили очень доброжелательно и с готовностью помогали нам, особенно люди, не отягощенные политическими «линиями». Постепенно мы получили работу, добросовестно трудились, несмотря на трудности материального и морального характера, и порою в какой-то степени ощущимую подозрительность»⁴⁵. По ее же подсчетам, таких россиянок, как она, было не менее трехсот человек⁴⁶.

О самой последней «брачной» волне эмиграции, обусловленной во многом экономическими причинами, привлекательностью Югославии по сравнению с «застойным» Советским Союзом, известно совсем мало. Больше известно о русских, вышедших замуж за сербов в последние два десятилетия, когда и экономический фактор во многом остался в прошлом. Однако в силу заметно выросшей сербской diáspory в России браки между двумя народами продолжились, и вновь обнаружились отмеченные ранее проблемы. Вновь в русско-сербских отношениях оказывалась разница в менталитетах, тем более что городские русские девушки часто выходили

⁴³ Девич-Романова В.П. Третья волна россиян в Югославии – Сербии (конец 50-х – 70-е гг.) // Русские в Сербии. С. 316–317.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 318.

⁴⁶ Там же. С. 319.

замуж за обычных строителей, к тому же родом из сельской местности. Но и в городах сербский быт казался россиянкам более традиционным, они жаловались, что сербские мужчины часто воспринимали их как всего лишь кухарок, домохозяек, домработниц.

Делами в семье часто заправляла «авторитарная мамаша» мужа, которой все не так и не эдак и которой «сынуля боится сказать слово поперек, даже если она не права». И даже когда молодые селились отдельно, мамаши бегали к взрослым сыновьям с кастрюльками еды. В то же время среди сербов, по мнению россиянок, сложно было найти разноженного парня, скорее большая их часть – это немного грубоватые мужчины с жестким характером. Но при этом женщины весьма почтаемы и уважаемы. Русскую жену сына в доме принимали, как правило, очень радушно, оказывая ей всяческий почет и ожидая в ответ уважения и послушания к старшим. Одно из важнейших мест в жизни новоиспеченного члена семьи должны были занять семья мужа, а тем более его мать.

Попытки русских жен добиться более независимого положения подводили сербов к выводу о том, что русские девушки – необыкновенные, обретанные, хорошо воспитанные, красивые, но, к сожалению, у них «тяжелый характер», они часто ищут только тех, кто бы их обеспечивал. Кроме того, у них есть еще один недостаток – они требуют много внимания и времени.

Отношения между людьми в Сербии казались русским женам более открытыми, простыми, даже грубоватыми – с обращением на «ты» даже к незнакомым, с обилем мата в разговоре, что воспринимается как норма. Но, с другой стороны, люди – доброжелательные, меньше хамства, даже незнакомые люди на улице или в магазине приветливы друг к другу. И, наоборот, в России сербы поражались, насколько неприветливыми были посторонние люди, в транспорте, в магазине, в кафе и насколько люди – теплые, душевые и радушные, когда ты входишь в круг их общения. «Чужие – замкнутые и заносчивые, а свои – добрые и отзывчивые»⁴⁷.

* * *

Классик современной сербской историографии академик С. Чиркович пишет, что «русское влияние на сербскую культуру, самосознание и понимание сербами своего места в мире было непрерывным на протяжении всего XIX в. Россия для Сербии и сербов являлась непересыхающим источником идей самого широкого спектра – от крайне консервативных до открыто революционных. ... И на протяжении всего XX в. и в сложной ситуации начала нынешнего столетия тесные связи, плодотворное взаимодействие русской и сербской культуры являются важнейшим фактором развития сербского народа»⁴⁸.

⁴⁷ См., например: www.balkantravel.ru/forum/5/2219.html; www.datingadvice.ru/marriageser.html.

⁴⁸ Чиркович С.М. История Сербов. М., 2009. С. XIII.

Но и на бытовом уровне Россия и русские постоянно присутствуют в сербской ментальности. Многие сербы и сегодня с удовольствием вспоминают своего русского учителя гимназии или какого-нибудь русского, знакомого родителей, или другого русского, встреченного где-нибудь на жизненном пути. Д. Дрляча пишет, что «по праву можно утверждать, что у каждого серба был или есть какой-нибудь «свой» русский, что большинство сербов знакомо хотя бы с несколькими русскими. Русские были и остаются неотъемлемой частью нашей жизни, воспоминаний, обязательной темой разговоров. Они оставили глубокий след в сербской среде, может быть, как раз потому, что они (несмотря на родство с нами) все-таки – иные, и так близки и так далеки»⁴⁹.

Несмотря на все перипетии последних десятилетий, сербское русофильство никуда не делось. Опросы общественного мнения в Сербии в 2010 г. показали, что сербы из народов «большой восьмерки» лучше всего относятся именно к русским. По шкале от -5 до +5 только русские имеют в сербском представлении значительный плюс. (Хуже всего сербы относятся к американцам и англичанам. Чуть лучше – к французам, но и они оцениваются со знаком минус. В то же время итальянцы и японцы имеют небольшой плюс)⁵⁰.

* * *

Konstantin Nikiforov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Attitude to the Russians in Serbia in the 20th century

On the formation of the image of another most strongly affects the mass contacts. In the twentieth century the Serbs and the Russians have contacted several times. About 40 thousand Russian refugees went to Yugoslavia after 1917. In the autumn of 1944 the Red Army soldiers who participated in the liberation of the north-eastern Serbia joined these emigrants. Yugoslavia has been also affected by the so-called «marriage wave» of emigration. This wave of migration has to do mostly with the Russian women married to the Serbs working in Russia. Finally, several hundred volunteers and thousands of peacekeepers from Russia arrived in the former Yugoslavia during the Yugoslav crisis. According to recent reports in Serbia today live more than 2,5 thousand Russians.

Russians have been always met in Serbia very warmly. But then a meeting of two completely different cultures occurred: the Russians were mainly urban citizens while the Serb came from the countryside, the Balkans. There was also a fruitful interaction between the Russian and Serbian cultures. At the household level, Russia and the Russians are constantly present in the Serbian mentality. Russians remain an integral part of Serbian life, a mandatory topic of conversation and memories.

⁴⁹ Дрляча Д., Кашиба М.С., Мартынова М.Ю. Указ. соч. С. 109.

⁵⁰ Vesti B 92. 05.10.10.

Иоаннис Николопулос

Фонд греческих исследований, Афины-Москва

Россия в сознании греков (анализ двух посвящений 1812 г. и 1896 г.)¹

В процессе возникновения греческого национального самосознания есть один аспект, который до сих пор недостаточно изучен. Это те особые отношения, которые установились между греками и Россией. Надо сказать, что как для греков, которые жили на территории Османской империи, так и для греков, живших за ее пределами, было естественным принять – в качестве законного продолжения Византии – империю «Третьего Рима», которая в своем длительном, тянувшемся несколько столетий единоборстве с Османской империей постоянно напоминала им о возможности восстановления греческой государственности под российской протекцией².

Так и произошло. Первым современным греческим государством была Республика Семи Ионических островов, созданная адмиралом Ушаковым после захвата Венеции Наполеоном в 1797 г. И хотя Ионические острова очень скоро попали под власть Великобритании, они, тем не менее, сохранили формы своей государственности как образец для остальных греков и в конечном счете дали миру Иоанна Каподистрию, который стал ее первым президентом после войны за независимость от Османской империи в 1827 г.³

Несомненно, Иоанн Каподистрия, который начал свою политическую карьеру в Ионической республике, но впоследствии перешел на русскую дипломатическую службу, где достиг положения статс-секретаря и главного советника императора Александра I по иностранным делам, является самой яркой фигурой в истории развития греческого национального самосознания и греческих политических институтов⁴.

¹ Публикуется по изданию: *Николопулос И. Греки и Россия. XVII–XX вв.* М., 2007. С. 74–93.

² См.: *Nicolopoulos J. From Agathangelos to the Megale Idea: Russia and the Emergence of Modern Greek Nationalism // Balkan Studies. Vol. 26. N 1 (1985). P. 41–56.* Для общей картины процесса возникновения греческого самосознания см.: *Πασχάλης Μ. Κιτρομηλός, Νεοελληνικός Διαφωτισμός. Αθήνα, 1999.*

³ По этому периоду лучшим ориентиром, основывающимся на данных российских архивов, являются многочисленные работы Г.Л. Арша, в том числе его фундаментальные монографии «Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX веков» (М., 1963) и «Этеристское движение в России» (М., 1970).

⁴ См. *Арш Г.Л. Иоаннис Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 годов.* М., 1976 (Новое издание кн.: *Арш Г.Л. Иоаннис Каподистрия в России (1829–1822).* СПб., 2002). Последняя западная монография о Каподистрии – *Woodhouse C.M. Capodistria: The Founder of Greek Independence.* London, 1973.

Причина недооценки – или умолчания – этой пророссийской ориентации новых греков проста: начиная со второй половины XVIII столетия усилилась борьба между крупными европейскими державами за влияние в Восточном Средиземноморье и за контроль над процессом ослабления и, в конечном итоге, полного распада Османской империи.

Великобритания, которая имела перевес в этой борьбе, предприняла все возможное для того, чтобы включить Грецию в свою сферу влияния, нарушить все прежние греко-российские связи и содействовать возникновению в Греции проанглийских настроений. О том, до какой степени это ей удалось, свидетельствует поведение Сталина на Ялтинской конференции, когда он безропотно отдал Грецию Черчиллю, а также та последовательность, с которой Москва воплотила в жизнь это распоряжение, вопреки присутствию крупных греческих пророссийски настроенных вооруженных сил Сопротивления, в период немецкой оккупации и последовавшей за ней гражданской войны. Stalin не сделал ровным счетом ничего для того, чтобы помочь греческим коммунистам (если не считать разрешение беженцам, остаткам так называемой Греческой Демократической Армии, поселиться в Ташкенте в 1949 г.). Тем не менее, греки, в большинстве своем, не утратили традиционной убежденности в том, что православная Россия – даже в своих парадоксальных большевистских одеждах – остается их надежным ориентиром⁵.

В связи с этим интересно рассмотреть два малоизвестных стихотворения, которые достаточно полно отражают глубину и постоянство греческих чувств в период от наполеоновских войн и до самого конца XIX столетия. Одно из них было написано накануне самого иррационального и неудачного греческого выступления против Османской империи – греко-турецкой войны 1897 г., когда из-за греческого ложного убеждения в том, что «Россия поможет», турки едва не захватили столицу греческого государства – Афины.

Первое по времени написания стихотворение представляет собой триумфальную оду, посвященную русской победе над Наполеоном в 1812 г. По тому, как подробно изложены события этой великой кампании, и по степени эмоциональной близости русским видно, что неизвестный нам автор этого стихотворения принадлежал к греческой diáspore в России. Существуют две рукописи этого стихотворения, открытые и изданные греческим историком Леандросом Вранусисом⁶.

⁵ См. любопытнейший документ того времени, выпущенный из-под пера крупного американского историка профессора У. Г. Макнила, который служил в Греции в качестве американского военного разведчика с ноября 1944 г. по июнь 1946 г. // McNeill W.H. *The Greek Ditemme*. New York, 1947.

⁶ *Βρανούση Λ. Ωδὴ επινίκιος τῶν Ρωσσῶν.*» Ελληνικό στιχουργήμα του 1812 // Byzantinisch – Neugriechische Jahrbücher. Athen. Bd. XXI (1971–74). S. 287–329. Я выражаю благодарность коллективу переводчиков Фонда греческих исследований: Ирине Пролыгиной, Вере Кузичевой и Марине Бауэр, замечательно выполнивших непростую работу по переводу на русский язык обоих стихотворений.

Обращает на себя внимание один интересный штрих: автор стихотворения представляет нашествие Наполеона в Россию в 1812 г. не просто как конфликт, связанный с политическими амбициями великих держав этого времени, но и как наступление католического Запада на православный Восток. В своих комментариях этот неизвестный нам автор пишет, что Запад – это не просто географическое определение Европы, «но, говоря церковным языком, это значит, что Запад верит в бессолнечные долматы папской церкви и распространяет их»⁷. А что касается России, уже в самом стихотворении автор пишет, что «Бог спасает Россию ради Православия» (строфа 48) и что об этом нельзя забывать; тех же, кто держится неправильной веры (которую автор сравнивает с богохульством), Он карает Своим гневом и молниями. Следы длительной исторической памяти о четвертом Крестовом походе и взятии Константинополя западными крестоносцами налицо...

Второе стихотворение написано видным греческим литератором Христосом Христовасилисом на коронацию российского императора Николая II 14 мая 1896 г.; оно написано на греческом языке с французским переводом. Христовасилис, в качестве представителя греческой прессы, участвовал в празднествах в Москве и подал стихотворение императору. Рукопись была найдена случайно в императорской библиотеке в Петербурге (Российская национальная библиотека) также Леандросом Вранусисом и впоследствии опубликована им в исследовании «Христос Христовасилис в России»⁸.

Письма Христовасилиса, написанные им из России его друзьям в Греции (эти письма включаются Вранусисом в ту же публикацию), объясняют этот не совсем обычновенный поступок – написание подобного стихотворения – и подтверждают его ценность для исследователя развития греческого самосознания в этот период. По-видимому, мотивом к написанию стихотворения послужило скрытое желание Христовасилиса получить от русского царя российское подданство, которое дало бы ему возможность передвигаться более свободно и безопасно в пределах Османской империи как представителю великой России. Это было традиционное средство всех греков, которые жили под османским игом, – средство не только противостоять произволу османских властей, но и чувствовать себя чуть ли не опекунами Османской империи.

Желание Христовасилиса было столь сильно, что, когда из этого ничего не вышло, он нашел иной весьма оригинальный путь к осуществлению своего намерения: он получил от черногорского князя Николая, с которым познакомился во время московских коронационных празднеств, обещание сделать Христовасилиса и его друга Гагариса гражданами Черногории; это распространило бы на них русскую протекцию, которой пользовалась Черногория. Характерно, что Христовасилис написал новое стихотворение, уже посвященное Николаю Черногорскому, когда тот был провозглашен

⁷ Ibid. S. 322.

⁸ Χρ. Χρηστοβασιλης στη Ρωσία // Ηπειρωτικό Ημερολόγιο, 1983. Ιωάννινα, 1983.

королем Черногории в 1910 г. Это стихотворение начинается строкой «Ты достоин быть королем...»⁹.

Этот поступок Христовасилиса подчеркивает общее для греков желание создать некую систему перехода в российское подданство, которая дала бы им возможность существовать и действовать как свободным личностям на территории Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья. Таким надежным инструментом самозащиты было прежде гражданство Римской империи (для греков, разумеется, особенно в ее восточном, православном варианте).

Таким образом, видно, что оба стихотворения (которые в русском переводе прилагаются к тексту) вполне вписываются в традиции греческого народного творчества. Это обстоятельство, конечно, не могло не оказать глубокого влияния на национальное самосознание греков. Греческий народ никогда не обращал внимания на споры, которые велись вокруг позднейшей доктрины панславизма и ее связей с виднейшими деятелями русского славянофильства. Все отражения доктрины немецкого романтического национализма остались на поверхности национального самосознания греков, которое воспринимает Россию как естественное продолжение Византии и игнорирует языковые связи русских с другими славянскими народами, игравшими подчиненные роли в Российской, Австро-Венгерской и Османской империях. Шумиха по поводу панславизма для греков казалась еще одной уловкой западной пропаганды, которая всегда преследовала единственную цель: разъединить греко-русский фронт православия...¹⁰.

Приложение 1

Неизвестный автор «Триумфальная ода 1812 года»

Золотом блестят сандалий,
на Олимп восходит дальний
Дева, мудрости полна.
Зрит Ареса шлем пернатый,
бог идет, сияют латы –
видно, близится война!

Бросив взгляд на мира тропы,
видит, что уж вся Европа
двинулась Аресу вслед.
Лишь Россия православна,
в гордости самодержавной
противостоит в ответ.

⁹ Ibid. P. 315, 330, 336–337.

¹⁰ См.: Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1994; Idem. Pan-Slavism: the History and Ideology (2nd ed.). New York, 1960.

Тут Афина вниз слетает,
шаг свой быстрый направляет
в Петербург – державный град.
К россиянину взывает,
в сердце доблесть возглашает,
гневом пенит кровь солдат.

Восклицание:
О, Росы! Двинемся! За меч возьмемся мы
и у задир трофея мы выхватим!

Бонапарт – умов властитель,
Европейских толп водитель,
соплеменников тиран.
В странах древней крови бриттов,
кельтов, римлян, галлов, скифов
бьет военный барабан!

Корсиканец – в жажде власти,
африканец – в жаркой страсти
ищет северного льда,
чтоб от края и до края
простиралась воля злая –
войн кровавая страда!

Словно новый Ксеркс – границы
стер беспрепятственной десницей:
венгр, поляк, голландец, прусс
в армию его стремится.
Европейский мир дивится,
не дивится лишь француз:

«С нами кто дерзнет сражаться?!»
И ликуют, веселятся,
что француз непобедим.
Короли, цари, сенаты,
и торговые палаты –
все любезничают с ним!

К Бонапарту всяк стремится:
кто трофеями разжиться,
кто кумиру послужить.
Вот он Рейн пересекает,
Неман; вот уж попирает
он России рубежи!

Вильно взят. На Борисфене
переправы. Стремя в стремя
на Смоленск – и город пал.
Святотатство – грабят церкви!
Небеса в огне померкли –
погибают стар и мал!

О, Росы! Двинемся! За меч возьмемся мы!
У кельто-галлов мы победу выхватим!

Все предвидела Паллада.
Мчит скорей в Россию,
надо чтобы Дума и Сенат,
вняли мудрому решенью –
для скорейшего спасенья,
пусть на подвиг вдохновят
Мужа, чей военный гений
не изведал поражений, –
И Кутузов власть берет.
Быстро войско собирает,
ни мгновенья не теряет
и в поход солдат ведет.

Словно Фабий, воин смелый,
Ганнибалов меч умелый,
князь Кутузов рать ведет.
И Афина наставляет –
Зевса щит в руках сияет.
За Отечество – вперед!

Русские в Можайск вступают,
где французы ожидают
войско русское разбить.
Но Кутузов так дерется,
что победа не дается –
трудно русских победить!

А Кутузов, отступая,
натиск вражий отражая,
заманил врага в Москву.
Бонапарт вошел в столицу:
дымя над крышами клубится,
непел вьется на мосту.

«Пусто. Варварский обычай!
Где победа? Где добыча?
Почему Москва в огне?!»
А зима крадется следом,
скуп фураж и мало хлеба,
и мундиры не к зиме...

Снег надежды заметает,
провиант не поступает,
грабить некого – беда!
И французы, так страдая,
о спасенье помышляя,
мира просят у царя.

«Нет, Вертье, пути другого,
чем просить о мире. Слово
можно разно понимать:
как со многими иными,
с русскими поступим ныне
так же точно – будем лгать.

И сейчас довольно мне
в этой выжженной стране
перемирия искать.

Остальное – как спасемся
и во Францию вернемся,
будем мудро завершать.

Ни мгновенья не теряясь
и ничуть не удивляясь,
подпишу договора,
заверенья, соглашенья.
Спорю: головокруженья
Франции придет пора!

А из Вильно мы министра
ждать не станем. Друг мой, быстро
ты к врагу проложишь след –
представитель полномочный,
все, Вертье, исполнишь точно...»
Что же русские в ответ:

«Э, Наполеон, нам мира
не звенит отмщенья лира!
Будешь знать закон войны:
прежде – голову склоняешь,
все, что взял ты – возвращаешь,
лишь тогда о мире мы

всех победных русских войн:
потолкуем. Вот закон
не в своей земле солдат,
о победном мире спорит».
Это все услышав вскоре,
взволновался супостат!

В Малоярославец мчится,
чтоб в Калуге поживиться
и припасы раздобыть.
А ему Кутузов: «Стой-ка!
Снова вышла неустойка!»
Как теперь французам быть?..

О, Росы! Двинемся! За меч возьмемся мы!
Отдать разбойников награбленное вынудим!

Конница казачья с боем
войск французских пред собою
разношерстную толпу
шашкой, пикой погоняет.
И французы удирают,
все теряя на бегу.

Все: церковные одежды,
утварь – то что взято прежде
грабежом, разбоем. В плен
беспощадные казаки
всех, не спасшихся атаки,
забирают. Нет ли стен,

за которыми укрыться
коннице, пехоте? Скрыться
канцелярским? Целиком
багажи, обоз – немало
драгоценностей пропало.
Артиллерия? – разгром!

О, Росы! Двинемся! Возьмем оружье мы!
У кельто-галлов честь и славу выхватим.

Что тут предпринять не зная,
в отступленье все теряя,
мсье Наполеон, беглец,
с горсткою людей голодных
посреди равнин холодных
восклицает, наконец:

«О, судьба! Как я жестоко
обманулся! Как высоко
мнил воздвигнутым себя!
Не соизмеряя силу,
обезумевши, в Россию
вторгся, время не сведя!

О, Гефест, кузнец, спустись!
Всею мощью навались
на Россию, Кремль. В огне
все предай ты разрушенью –
стены, церкви. Все – отмщенью
нашему! В трофеи мне

остаются снег колючий,
жажда, голод, холод жгучий.
Боже мой! Неужто мне
не отбиться от погони,
что меня в сугробы гонит
в этой варварской стране?!

Ах, какое пораженье,
всех надежд моих крушенье!
Катастрофа – я разбит.
Так куда бежать? Что будет?
Пусть судьба теперь рассудит
что дальнейшее сулит...».

О, Росы! Двинемся! Возьмем оружье мы!
В Аид бежать врага мы вынудим!

Виктор, Убино, другие,
о беде узнав в России,
тайно уберечь спешат
Бонапарта от пленинья
и живым на посрамленье
русским выдать не хотят.

Вот под Вязьмою сраженье
у Даву и -- пораженье!
Генерала, что быка,
гонят острыми штыками,
как бичами и кнутами
пастухи свои стада.

Маршал Ней из-под Красного
выбит с арьергардом. Снова
и разбит, и сокрушен!
С горсткою солдат остался
и как мог, так и спасался --
из земли российской вон!

На реке Березине переправа.
И войне окончательный итог:
войска Франции не стало --
все погибло, все пропало.
Да и кто б спастись тут мог?...

Неба и земли стихии,
с неприятелями злые,
и оружье россиян.
против все -- леса, дороги,
супротивник в гневе строгий,
снега целый океан!..

О, Росы! Двинемся! За меч возьмемся мы!
И у отчаявшихся жизнь мы выхватим!

Перед натиском казаков,
яростных в кровавых драках,
отступил Наполеон.
Страхом плена принужденный
и отчаяньем плененный,
низко поступает он:

от солдат, доселе верных,
замерзающих и пленных,
от обоза и знамен,
от оружья, генералов
мертвых, раненых, усталых
убегает тайно он.

С головою непокрытой
и один, без всякой свиты,
под фамилией чужой,
он в Париж бежит из Вильно,
Знать, предстать он хочет сильно
перед Францией родной!

О, Росы! Двинемся! За меч возьмемся мы!
У нечестивца честь и славу выхватим!

Даже муга, та что миру
принесла Гомера лиру, –
даже та бы не смогла,
с величайшей Илиадой,
петь о скорби беспощадной,
что на Францию легла!

И четыреста с полтиной
тысяч воинов, лавиной
хлынувших Россию взять
по-хозяйски, как владельцы, –
гибель, горе-новосельцы,
здесь смогли лишь отыскать!

От захватчиков французских
сабли, ружья, пушки русских
так сумели отсчитать,
что осталась только горстка
взятого за Неман войска –
тысяч ровно двадцать пять.

В траур Франция одета.
На востоке снежном где-то
сгинули ее сыны.
Кто погиб, а кто в плenу
тяжком. Плач на всю страну
раздается. И слышны

всюду слезы и стенанья:
над отцом – детей рыданья;
причитания жены
над погибшим мужем;
стоны стариков над сыном; звоны
с колокольной вышины...

Как ужасно! Сколько горя...
 Каждый, с горестью не споря,
 страшную войну клянет.
 Старой гвардии не стало.
 И в волнении немалом
 ныне каждый патриот:

Бонапарт войска другие
 собирает. Молодые,
 как вам, бедным, воевать,
 коли ветеран французский,
 баловень побед, пред русским
 был не в силах устоять?

О, Росы! Двинемся! За меч возьмемся мы!
 У новой армии победу выхватим!

Как вы, галлы, скудоумны,
 безрассудны и безумны,
 коль не можете понять,
 что Господь наш вас карает,
 милости своей лишает –
 вам победы не видать!

Богохульникам неверным
 и тиранам иноверным
 небо гневное воздаст.
 Православную Россию
 Бог хранит своею силой
 и погибнуть ей не даст.

Да и кто бы сомневался,
 что француз так и остался
 прирожденным петухом, –
 всех, разбойник, задирает!
 Да никто не сострадает
 нынче «птице» – поделом!

Россияне побеждают
 и разгромом награждают
 всех, кто против них на бой
 вышел. Пруссов же в объятья
 принимают, точно братьев,
 и ведут их за собой.

О, Росы! Двинемся! За меч возьмемся мы!
И у безумцев мы трофеи выхватим!

О, поляки, легковерность,
планов ваших эфемерность,
пустословие вождей –
ваш французский покровитель
все использовал.

Примите ныне плод затеи всей:

рекрутский набор, по слову
Франции. Поход суровый
по Италии чужой.
Гнет налогообложения.
По Испании хожденья.
Кто из вас дошел домой?

Паутинкой тонкой рвется,
воплощенью не дается
ваша главная мечта
и наживка: королевство
католическое. Вместо –
обещаний пустота.

Так возьмите же кумира,
обманувшего полмира,
сладких послов плоды:
и позор, и разоренье,
войск своих уничтоженье,
страшный призрак нищеты.

О, Росы! Двинемся! Возьмем оружье мы!
Полякам и предателям – отмщение!

А Саксонии трусливой
предложил приманкой лживой
корсиканский ваш купец
всю Полонию! Зачем же,
уходя, ваш герцог прежний
так трясется, как скопец?!

А Вестфалия? Священным королевством вдохновенна?
О, Германия моя!
Все – французская уловка,
так она Европой ловко
торговала, прибыль чтя!

Даст Россия справедливость,
древнего закона милость
и привычные права:
что от предков по наследству
получил, – владей же средством
и преумножай блага!

Где ж достоинства сознанье,
Австрия? Ведь обещанья
и угрозы – только ложь!
Так давай вооружайся,
с честью присоединяйся –
войско мстителей умножь!

Ныне ты друзей имеешь,
как же ты бояться смеешь
этих вздорных петухов?
Ты, потомок Фредерика,
неужель тебе не дико
так страдать среди рабов

Бонапарта? Не пора ли
подниматься, чтоб узнали
звон разорванных цепей
твои недруги французы?
Мир избавь-ка от обузы –
оскорбителя церквей!

Дания, мать англов, что же
ты бездействуешь? Похоже,
что твоим потомкам быть
повелителями моря!
И тебе хотят, не споря,
все потери возместить!

Так же – Швеция, мать готов,
власть на принца Бернадотта
возложив, мила богам!
Принц, на бога уповая,
северный порядок зная,
мудро действует, и сам

в северном союзе страны
собирает, чтобы Ваны
с Асами объединясь
и возвысившись, подняли
королевства, как держали
предки, славою гордясь!

Англичане – коммерсанты,
всех дорог негоцианты;
португалец, друг морей,
и Испания – вы вместе
долг отдать священной мести
собрались. Так поскорей

приступайте ближе к делу!
Поглядите, что наделал
ваш французский лиходей:
там – святыни оскверненье,
веры вашей поношенье.
Тут – унизил королей...

О, Италия! Напрасно
ты раздроблена. Ведь ясно
чай в том умысел и след.
Под пятою Корсиканца –
пострадавшие голландцы,
оскудевшие от бед.

Так, Паллада, воскликая,
на Олимп родной взлетая,
встав на Оссы гордый пик,
шаг свой к Зевсу направляет,
радость в сердце не скрывает,
видя гордый отчий лик.

«О, отец, тучегонитель,
толп небесных повелитель!» –
молвит, – «Русская страна
лиха пусть не знает больше. И
пускай как можно дольше
не войдет в нее война.

Ей пришлось с врагом сразиться
и за всю Европу биться,
чтоб свободу возвратить.
Пусть, Аресу в униженье,
враг о мире и прощенье
будет жалостно молить.

Мир нам нужен верный, прочный,
и законный, и бессрочный,
на основе твердых прав
и обязанностей, чтобы
и границы, и свободы
всякий чтил, едва узнав.

О, отец, богов водитель –
равновесия хранитель,
справедливости оплот,
о, взгляни на мир подвластный –
столь немирный и опасный,
где один другого бьет;

где, коль скоро ты слабейший,
то гнетет тебя сильнейший.
Где ж защитника искать,
чтоб на страже прав законных,
днесь тобой установленных,
мог он твердо устоять?

А Кутузова – восславить
и на все века прославить!
Он, как родины Отец,
как Герой и мудрый воин,
он амвросии достоин –
вот бессмертия венец!»

Зевса лик светло сияет.
Он встает и возглашает
славу русским, говоря:
«Только пусть высокомерность
и тщеславная надменность
в сердце русского царя

никогда не закрадется.
Пусть Россия остается
стражем мира на века –
угнетенных защищает
и закон распространяет
повсеместно навсегда».

Праздничный торжественный хор:

Здравствуй, император в славе!
Ты добыл успех державе,
честью Господу служил!
Слава! Слава, князь Кутузов! –
разгромил войска французов
и союзников разбил!

Платов атаман наш – браво!
Дохтуров отважный – слава!
И да здравствуют они!
А калмыки?! а казаки?!

А лихие сибиряки?! –
Слава, родины сыны!

Витгенштейн, Чичагов – славьтесь,
мир избавив от напасти!
Бенингсен – отец солдат!..
Тем, кто мир оберегает
и победою венчает, –
всем пускай провозгласят:

Слава офицерам нашим –
чином старшим или младшим!
Слава доблестным войскам!
Триумфальными полками
вы прошли полмира,
вами все грозят своим врагам!

Слава русскому Сенату!
Слава каждому солдату!

Слава гражданам страны:
простолюдинам, дворянам
и купечеству, крестьянам!
И да здравствует все мы!

О, Росы! Двинемся! Возьмем оружье мы!
В крови врагов купать мечи свои!

Приложение 2

Х. Христовасилис**«На коронацию российского императора Николая II»
(14 мая 1896 г.)**

О, праздник великий во славе, и небо ликует;
народы России в молитве возвышенной славят,
торжественный миг, когда Ты принимаешь корону,
главу преклоняешь, священное действие свершая.
Бесчисленны ангелов сонмы, крылами звенящих,
несущих благую небесную весть. О, помазанный мирром,
Тебя осеняет небесное благословение, промысел Божий,
и бремя святое возложено Отчим намереньем свыше.

Ты Бога наместник, Ты выше, Ты недосягаем,
и Ты недоступен для низкого, и неподкупен.
И только лишь смертною жизнью Ты прочим подобен,
которою каждый живущий одарен Владыкою Сущим,
причинаю всех сотворенных Вселенских созданий,
что славят и ниц припадают к стопам Самодержца.

И Ты с высоты, что немыслима, не представима,
куда возведен Ты по крови и Божьему Слову,
взгляни на своих подопечных, в тени своей Славы.
Мы яко без солнца -- отверзи свое состраданье
и в сердце прими, как детей, и повинных, и жалких.
Иные -- воспомни -- добились, как тот корсиканец,
что, став ненавистным, скончался на острове диком
в пустынном углу океана, а как похвалялся,
кроил произвольно Европу, и в церквях конюшни устроил.
Безбожник, он мнил себя сам божеством, воплощением Ареса.
Другие бесчинствуют также, другие иначе, но мира, покоя
нигде не отыщешь сейчас Ты. Помилуй! Десницей Христовой,
Ты как Православный Владыка, и благословен, и поддержан.

И Ты справедлив, неподкупен, и милостив, и милосерден --
так внемли: Твое правосудие ищут народы. Заступник
Ты нам, христианам, -- на Крите злодейство! Там женщин,
детей, стариков убивают и мучают зверски.
А Малая Азия -- сгинет, утонет в крови православной!
Спаси! Защити! Только Ты, Государь, нам поможешь,
Агарова сына, безумца, лишь Ты остановишь,
что меч свой без устали и без пощады вонзает
в сердца православных, и нет им числа, всем погибшим!

И Запад, Восток, Новый Свет, острова, все народы посланников, вестников выслали, лично поздравить. Олимп и Афон, Пинд-гора и прекрасная Ида Святая София, мечети – позор наш и горе, и наш Парфенон – наща гордость и слава искусству, мы славим Тебя, и премного хвалы возглашаем, и той, что рожден был и взращен, и пестован мудро. Из нашей печальной и дальней страны Парфенон приветствие с юными принцами крови любезно вручает и смеет надеяться также, что радостью будет отмечена встреча, и Ты благосклонно одаришь любезностью нашу владычицу и королеву, красу Парфенона: одною вы крови по родству, по вере и духу. Ведь нет расстояний для связи духовной.

Во браке со Славой, во блеске ведешь ты народы, и пестуешь, им господин, и, ведомые твердой рукою, блаженствуют те, кто сподвигся быть рядом с тобою. Дыханье твое растворяет препядды, и взгляда достаточно, чтоб повалились короны и царства. А сила любви всенародной подъемлет, толкает наверх в поднебесье духа, и веры.

И в час этот как бы хотелось мне малою, малой частицей в груди исполина великой побыть, чтоб услышать биение сердца и радость почувствовать, радость святую – священную силу. Как жаль, что язык мой и беден, и сир, и ничтожен! О, если б великий Гомер, мой пррапрадед, увидел венчанье на царство своим вдохновеньем – он создал б поэму, творенье бессмертное, чтобы и миг обессмертить, и имя Твое. Я ж бессилен. Богатство и слава, почет и держава, и юность – Ты всем наделен. Разделяешь с богами могущество. Вот под пятою экватор – и голова Твоя Арктики льды озаряет.

Но как ни высоко Ты, сколько бы вверх ни поднялся, пожалуйста, помни ты зов несчастливой Эллады, ведь то – колыбель и культуры, и света науки. Славяне б не знали без греков плоды христианства, и солнце Иисуса не так бы над миром сияло!

Ioannis Nikolopoulos

Foundation for Greek Studies, Athens – Moscow

Russia In the Greek mentality (analysis of two dedications of 1812 and 1896)

The article sheds light on the unknown pages in the history of the Greek self-identification, in which Russia plays an important role. A short overview of the Greeks' perception of the Russians and Russia is illustrated by two poetic dedications. One poem is anonymous and is dedicated to the Triumphal victory in 1812. The second poem is written by H. Hristovasilis on the occasion of the coronation of the Emperor Nicholas (May, 14, 1896). These poems have not been translated into Russian and published before, and since they give an idea of the expressive attitudes to the Russians and Russian history they are a valuable source for academic studies.

А.А. Новик

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург

Образ России в Албании: от И.С. Ястребова до Косовского кризиса

В данном исследовании анализируется образ России и этапы его формирования в албанских землях на протяжении двух с половиной столетий. В статье приводятся данные архивов Албании, Косово и России, а также обобщается опубликованный материал по изучаемой теме. Автор в значительной мере использует собственные полевые материалы, собиравшиеся с 1990 г. по настоящее время в различных балканских странах, где проживает албанское население: это Албания, Косово, Македония, Черногория. К сожалению, в самой Албании исследования образа России не проводились (во всяком случае, они не были опубликованы). Работа призвана осветить имагологические аспекты представления о России и россиянах у албанцев, живущих на западе Балканского полуострова.

К истории вопроса

Запад Балканского полуострова довольно долгое время не был включен в сферу внимания российского государства. В силу географической удаленности албанские земли не испытывали столь значительного влияния, как, скажем, восточные или центральные области Балкан. Однако начиная с конца XVIII в., со времени начала структурного кризиса Османской империи, интерес России к западу Балкан стал очевиден. Во многом этот интерес подогревался политикой – собственной и зарубежных держав – в Черногории и Сербии. То, что происходило в албанских землях, не могло не интересовать царские власти. Поэтому в Призрене и других турецких городах с преобладающим албанским населением стали работать российские дипломатические миссии.

Отношение к России в албанских землях не было однозначным и постоянным – оно в большой степени зависело от региональной, конфессиональной и социальной принадлежности групп албанского населения, а также зачастую было подвержено влияниям складывающейся политической и экономической конъюнктуры. С большой долей уверенности можно утверждать, что российский фактор не был значимым в албанских землях до XVII–XVIII вв. Затем, с активным выходом Российской империи на арену международной жизни и политики, ситуация стала резко меняться.

XVIII столетие стало временем «популярности» России на Балканах. Понятно, что такая «популярность» диктовалась военными успехами в борьбе с Портой за утверждение в Северном Причерноморье, Приазовье и дунайских землях. Православное население Балкан видело в России освободителя, способного вывести его силой оружия из-под многовекового османского гнета. Усиление мощи России вызывало прилив надежд на освобождение, а вместе с ним и веру в исключительную роль России в мировой политике. Такие настроения сопровождались большой степенью интереса к русской культуре, истории страны, церковной жизни, религиозным практикам, а также и к русскому языку. Схожие процессы наблюдались и у албанцев, и у их соседей – черногорцев, сербов, греков, болгар и др.

Во многих албанских городах и селах стали возводить и украшать православные храмы на манер русских церквей¹. Значительным стало влияние Московского патриархата в православном мире. Понятно, что эти процессы проецировались военной и политической мощью и экономическим потенциалом огромной Российской империи. Однако влияние России распространялось главным образом на православное население албанских земель. Мусульмане и католики оставались, по крайней мере официально (или внешне), в стороне от этих процессов.

В XVIII столетии албанцы, наравне с греками и влахами, стали служить в качестве наемников в российской армии². Царские власти использовали выходцев с Балканского полуострова в качестве надежной военной силы, знавшей по опыту совместного проживания и службы повадки и установки турецкой армии и администрации. Тогда же, на рубеже XVIII–XIX вв., к примеру, в Одессе возникли Большая Арнаутская³ и Малая Арнаутская улицы – очевидный факт значительного числа албанских служивых людей, прибывших в Россию для несения воинской службы и поселившихся в черноморском *porto franco* вместе с семьями.

В 1777 г. в Санкт-Петербурге для детей арнаутов, находившихся на царской службе, вводится преподавание арнаутского языка в школе при гимназии. В дальнейшем мы можем проследить следы поселенцев из албанских земель на территории Крыма (с. Арнаутка, совр. Гончарное), Буджака (с. Каракурт, совр. Жовтневое; с. Новый Каракурт) и Приазовья (с. Джандран, совр. Гаммовка; с. Таз, совр. Девнинское; с. Тюшки, совр. Георгиевка). У всех перечисленных населенных пунктов была своя сложная история, в некоторых местах албанцы переходили на русский язык и со

¹ Примером может послужить церковь св. Николая в с. Верница (алб. Vërpica, мак. диал. Vortpnica) (Голуборда, Восточная Албания). Этот храм расписан изнутри фресками на фоне голубого фона стен так, как диктовала «мода», пришедшая на Балканы из России. Изображения святых, их одежда, декор клейм, организация самого живописного пространства свидетельствуют о сильном русском влиянии [АМАЭ: Новик 2008а, 2008б].

² Данная тема многогранна и требует рассмотрения в отдельном исследовании.

³ Арнаут (из тур. *arnauit*) – экзотичный албанцев, использовавшийся частью албанского населения, проживающего вне албанских земель, в качестве этнонима.

временем ассимилировались. Устойчиво албанский язык и албанское самосознание продолжают бытовать в четырех селах: в Жовтневом, Гаммовке, Девнинском и Георгиевке. Однако информация о соплеменниках в Российской империи была практически не известна в албанских землях.

И.С. Ястребов и русские миссии в албанских городах

Новый этап в познании России наступил в XIX в., когда к дипломатической службе на западе Балканского полуострова приступили русские консулы. Их миссии стали не только источником информации для российского правительства, но и важным транслятором «русской идеи» на Балканах (В «шпоровом погребе Европы» 2003). Из плэяды российских дипломатов особо выделяется Иван Степанович Ястребов (1839–1894), сумевший не только наладить тесные экономические и, главное, политические связи с местной элитой, но и оставить важные сведения о балканских народах и их традициях. И.С. Ястребов состоял на консульской службе в Стамбуле, Призрене, Шкодре (сербск. Скадар), Салониках. Все годы своего служения отечеству Иван Степанович пропагандировал идеи славянских комитетов, создававшихся в различных губерниях России и направлявших помочь единоверным славянским народам на Балканах. Статьи И.С. Ястребова печатались как в российских, так и в сербских изданиях. В 1886 г. в Санкт-Петербурге вышла книга русского консула «Обычаи и песни турецких сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре» (Ястребов 1886), переизданная со значительными дополнениями в 1889 г. (Ястребов 1889).

С 1870 по 1886 гг. И.С. Ястребов был русским консулом в Сербии. Благодаря его помощи и поддержке в Призрене была открыта школа и библиотека для сербских детей. Ястребов был исключительно популярен среди славянского населения региона. Как сообщали современники, сербские матери пели колыбельные песни о мужественном русском дипломате. Однако прославянская деятельность русской миссии не находила поддержки у албанского населения, составлявшего большинство, в Призрене и Шкодре, где выполнял долг российский дипломат. Однобокость подхода России и ее сановников к своим интересам на Балканах (ср.: Bartl 1995: 92–93) часто вызывала противодействие со стороны местных людей (ср.: Виноградов 2003: 263).

Забегая вперед изложения материала, хочется отметить, что по прошествии времени И.С. Ястребову был установлен памятник в г. Призрене (Косово), который был разрушен в ходе Косовского кризиса 1999 г. (памятник был взорван албанскими радикалами).

Работа царских чиновников, религиозных деятелей и представителей культурной элиты способствовала сложению положительного имиджа России и ее роли в мире у многих албанцев. Однако, позволю себе повторить, симпатии и заинтересованность в сотрудничестве высказывали, в первую очередь, именно единоверцы – албанцы, исповедовавшие православие.

Совершенно другим было отношение к России у мусульман (ясно, что не у всех). Чаще мусульмане выступали в поддержку османской администрации, а следовательно, степень оценок и суждений по поводу российской политики и активности в регионе была практически всегда негативной. Тем не менее, нужно четко представлять, что многие албанские патриоты, вне зависимости от вероисповедания, твердо стояли на позициях самоопределения албанского народа, выхода албанских земель из состава Османской империи. Многие из них отстаивали свои убеждения с оружием в руках. Но и в этом случае в России чаще видели врага, чем союзника, так как Россия a priori воспринималась как апологет идеи православия и поборник прав православных христиан на Балканах.

Россия и католическая Албания

Очень сложным было отношение албанцев-католиков к России. Исторически Ватикан управлял деятельностью своих приходов на севере современной Албании, а также на территории Косово⁴. Албанские католические священники не только не приветствовали усиление роли России на Балканах, но и активно противостояли ему. Так, деятельность католического клира была направлена практически всегда против российского влияния на Балканах. У этих непростых отношений были давние корни.

Успехи России на балканском направлении не радовали католический клир. Особенно ярыми противниками России в Албании были монахи-францисканцы. Орден святого Франциска имел широкую сеть на севере страны, пустив там глубокие корни. Центром католицизма в албанских землях был город Шкодра. В Шкодре располагался основной центр ордена францисканцев. Здесь находилась францисканская обитель, работали храмы, в которых служили францисканцы. Здесь была создана богатейшая библиотека, принадлежавшая ордену, работала типография, а также выходили периодические издания и публиковались книги.

Два ярких представителя католической церкви, Прэнг Дочи (Preng Doçi) и Гъергь Фишта (Gjergj Fishta), организовывали на рубеже XIX–XX вв. в Шкодре общество “Bashkimi” («Союз»), ставившее перед собой цель объединить албанцев вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Прэнг Дочи был аббатом области Мирдита, а Гъергь Фишта был настоятелем часовни в Гомсике (Gomsiqe). В 1902 г. стараниями Г. Фишты впервые албанский язык вводится в программу обучения в Школе францисканцев (Shkolla Françeskane). А в 1913 г. благодаря стараниям все того же Г. Фишты в Шкодре начинает печататься журнал “Hylli i dritës” («Звезда света»).

Как видно из изложенного материала, знаковой фигурой в среде францисканцев был Гъергь Фишта (1871–1940). Г. Фишта оставил яркий след

⁴ К примеру, аббатство Орош в Мирдите (Северная Албания) до настоящего времени находится под прямым управлением Папы Римского Бенедикта XVI.

в истории албанской литературы, фольклористики, этнографии. Католический священник, член ордена францисканцев, албанец из области Задрима по происхождению, Фишта писал на гегском диалекте албанского языка проникновенные стихи, в которых воспевал храбрость и мужество, преданность родной земле и почитание традиций албанского народа. В истории албанской литературы Фишта остался одной из ключевых фигур, равной которой по силе слова и образности языка, пожалуй, больше нет в поэтическом жанре. Однако великому поэту не было равных в деле антиславянской и антирусской пропаганды. Всю силу и мощь своего таланта поэт применял для обличения русской политики на Балканах. Видя в России верного союзника и друга славянских народов Балкан, Фишта обличал и высмеивал попытки Москвы распространить через своих ставленников влияние на западе Балкан. Эпическое произведение Г. Фишты «Ляхута Мальсии» (*“Lahuta e Malcise”*)⁵ стало главным произведением албанской литературы, в котором острой критике подвергались идеи панславизма, славянского братства и роль России в движении славянских народов и в мире в целом.

Это произведение Фишты стало настольной книгой целого поколения албанцев. Очень многие в Албании разделяли его взгляды. Зачастую на признание или неприятие его идей совсем не влияла конфессиональная принадлежность читателей.

Идея шкиптаризма – «албанскости», т.е. признания в качестве приоритетного фактора самоотнесения именно этнической составляющей, – была и остается основной для албанского этноса, оставляя другим важным факторам, таким как конфессия, локальная принадлежность и проч., вторые, третьи и т.д. позиции. К сожалению, большинство исследователей албанской истории, культуры, традиций и др. не учитывали и не учитывают этот важный факт, что приводит к глубоким ошибкам при анализе различных процессов и явлений в албанском обществе на протяжении многих веков его существования.

Ярким примером такой идеи шкиптаризма стал поступок Г. Фишты, который в 1913 г., когда Шкодра была под оккупацией международных военных сил, поднял знамя и объединил с помощью светящихся огней церковь Гъухадоля (*Gjuhadol*) с мечетью Фуша-э-Челес (*Fusha e Çelës*), демонстрируя тем самым единство албанцев независимо от вероисповедания.

В многостраничной поэме «Ляхута Мальсии» Г. Фишта выставил в качестве заклятых врагов албанского народа черногорцев, сербов и других славян, за спиной которых, по мнению автора, всегда стояла Москва и «русский царь».

Такой однозначный подход к истории непростых албанско-славянских отношений вызывал и вызывает законную критику значительной части албанских читателей. К чести многих интеллектуалов (например, известнейшего литератора, поэта, переводчика Йорго Блаци (1938–2001)), позиции

⁵ Впервые *“Lahuta e Malcise”* вышла в 1905 г. в Задаре (Хорватия). Последующие издания *“Lahuta e Malsisë”*, *“Lahuta e Malësisë”* включали большее количество песен (Fishta p/v).

Г. Фишты неоднократно вызывали дискуссии в албанской прессе [ПМА 1996: Блаци]. Реакция многих читателей (и даже поклонников Фишты) ре-зюмировалась следующими выводами: истинно великий поэт не может быть ярым националистом и шовинистом, и христианский священник не может брызгать слюной в припадке гнева и ненависти к ближним (пусть даже и к «заклятым врагам албанцев – славянам»).

Однако настоящие гонения на Г. Фишту и его творчество устроили свои же – албанцы. Пришедший к власти в 1944 г. коммунистический ре-жим жестоко расправился с католическим клиром. Репрессии коснулись представителей духовенства всех конфессий. Однако самым суровым го-нениям подверглись именно католические священники и монахи. В 1945 г. в Шкодре были устроены уголовные процессы по делу францисканцев. Практически все, проходившие по этим делам, были расстреляны. Во мно-гом это была месть коммунистов католическим духовным лицам, которые, по мнению нового режима, сотрудничали с итальянскими фашистами и немецкими нацистами в годы оккупации Албании в 1939–1944 гг. В дей-ствительности эти репрессии были вызваны страхом новой власти перед авторитетом и влиянием католического духовенства в стране и его под-держкой за рубежом. Несмотря на протесты Ватикана, судилища в стране продолжались практически весь период монизма. Преследовалось даже исполнение религиозных обрядов. Так, широкую известность получил факт казни католического священника, крестившего в Шкодре в домашних условиях ребенка (Смирнова 2003: 331). Следуя своим планам, Энвер Ход-жа объявил в 1967 г. Албанию единственной в мире атеистической страной.

Г. Фишту обвиняли в фашизме, пособничестве иностранным интересам, пропаганде национализма. Книги и стихи Фишты были на много лет изъяты из библиотек и школьных программ, его имя было под строжай-шим запретом. Хранить дома книги поэта-францисканца было по-настоя-щему опасно. Случайное обнаружение его сочинений в домашней библио-теке при обыске грозило немедленным арестом и тюремным заключением. Однако, несмотря на все репрессии и запреты, многие смельчаки сумели сохранить издания его произведений. Книги Г. Фишты передавались из рук в руки, а его стихи многие учили наизусть.

Падение коммунистического режима в Албании в 1991 г. способство-вало быстрой реабилитации имени Гьергя Фишты и публикации его сочи-нений многотысячными тиражами. Стихи поэта были включены в про-граммы школьных учебников и университетских антологий. Десятилетия запрета способствовали чрезвычайной популярности Фишты в народе. Его фигура стала знаковой, а идеи поэта были подхвачены многими албанца-ми. Отмечая узкую национальную направленность Г. Фишты, большин-ство поклонников его таланта видят в его произведениях в первую очередь творческую силу его поэтического слова. После вспышки интереса и ново-го открытия поэта албанским обществом в начале 1990-х гг. шумиха во-круг личности и творчества Фишты улеглась. Однако с началом Косовско-

го кризиса в 1999 г. имя Фишты зазвучало вновь, а его творчество получило новое прочтение. Все это говорит о безусловном таланте поэта и силе его дара. Г. Фишта – великий национальный поэт Албании, творчество которого, к сожалению, не способствовало формированию не только тесных уз с ближайшими народами, но и добрососедских отношений на Балканском полуострове.

Образ России в XX в.: знакомство – эйфория – «суровая зима» – прагматика

Новым этапом в развитии связей между Албанией и Россией стали 1920-е гг., когда благодаря контактам Фана Ноли⁶ с Советской Россией (Смирнова 2003: 108–110, 119–123) в албанских землях возникли устойчивые группы симпатизировавших Стране Советов, строившей новую жизнь. Тогда же в албанском обществе возник интерес к русской культуре: литературе, поэзии, живописи и т.д. Фана Ноли часто на родине и за рубежом называли «красным епископом».

Широкое партизанское движение 1939–1944 гг., освобождение страны от итalo-фашистских и германско-нацистских оккупантов, с последующим приходом к власти коммунистического режима, сопровождались развитием разносторонних отношений с Советским Союзом. Образ России/Советского Союза в период до 1961–1962 гг. был исключительно мифологизирован. Во многом это происходило не только из-за массированной официальной пропаганды успехов «большого брата», но и вследствие реальной симпатии албанцев к русским, возникавшей в силу контактов, проходивших в те годы. Советский Союз воспринимался как великая держава, способная противостоять всему миру и способная защитить от любой агрессии.

Освободительное движение 1939–1944 гг. дало дорогу к приходу к власти сторонников левых радикальных взглядов. Установление диктатуры Энвера Ходжи (1908–1985), получившее в Албании после 1991 г. название «эпоха монизма», привело к широчайшим репрессиям и гибели многих албанцев. Тюрьмы, концентрационные лагеря, ссылки и проч. стали неотъемлемой частью жизни социалистической Албании.

Вместе с тем строительство новой жизни сопровождалось колосальными успехами в образовании, медицине, промышленности и т.д. Огромную роль в этом играл Советский Союз. Несколько тысяч албанских молодых людей получило образование в институтах, университетах и военных училищах в Москве, Ленинграде, Риге и др. городах огромной страны. Тысячи албанцев, получавших образование в вузах Советского Союза,

⁶ Фан Ноли (Fan Noli, полное имя Theofan Stilian Noli (1882–1965)) – албанский религиозный, политический и литературный деятель, премьер-министр Албании в 1924 г., основатель автокефальной Албанской Православной Церкви. Произведения Фана Ноли считаются классикой албанской литературы (Эйтнейр 1995: 586).

привозили не только восторженные воспоминания, но зачастую и русских (украинских и т.д.) жен. Все это способствовало узнаванию культуры друг друга на бытовом уровне.

Албанские юноши вернулись на родину с советскими женами, многие албанки вышли замуж за советских ребят и остались в Советском Союзе. (Как правило, советские мужья не переезжали к албанским женам, а строили семейные очаги на своей родине.) Эти личные контакты способствовали сложению мифологемы: Советский Союз – мощное и сильное государство, на которое следует равняться не только в политике, но и в плане устройства жизни.

Понятно, что официальная идеологическая машина «народной» Албании лила воду на мельницу пропаганды успехов Советского Союза – в области военного строительства, индустриализации, международных отношений, образования, культуры и т.д. Средства массовой информации, школа, политическая система, интеллигентская элита (получившая образование в СССР) всячески продвигали в «сознание масс» идею правильности и непрерывности советской модели. Действия центра находили поддержку «на местах». Приезжавшие в Албанию советские граждане (не только политики, дипломаты, но и специалисты – строители, ученые, педагоги и проч.) встречали неподдельную доброжелательность и симпатию со стороны местных жителей. Так, в воспоминаниях А.В. Десницкой (1912–1992), Ю.В. Ивановой (1929–2006) и др. специалистов по Албании неоднократно звучало, что, попадая в албанскую глубинку еще в 1940-е гг., они к своему большому удивлению сталкивались с «восторженным обожанием» Советского Союза среди местных жителей. На собирающихся стихийно народных митингах, на которые в первые годы многие приходили добровольно, аплодисментами и одобрительными возгласами приветствовали гостей из Советского Союза.

Тогда, в 1940–1950-е гг., формировался образ великой державы победившего социализма, на которую следовало равняться. Обожание и навязывание стереотипов приводили зачастую к созданию комических ситуаций. Так, по воспоминаниям, профессора Эмиля Ляфе (Emil Lafe), даже в повседневной жизни люди к месту и не к месту приводили в пример Советский Союз – однажды на его памяти в деревне копали колодец, и местные люди, без всякого, разумеется, давления сверху, говорили: «Выкопаем такой колодец, как в Советском Союзе» (“... si nё Bashkimin Sovjetik!”) [ПМА 1994: Ляфе]. Эта фраза “... si nё Bashkimin Sovjetik!” стала за годы албанско-советской дружбы такой идеологизированной и при этом потерявшей всякий смысл, что со временем превратилась в синоним сомнительных достоинств при сравнении. Ироничное звучание данной фразы приобрела не в силу изменения курса албанского руководства (разрыв с СССР и дружба с Китаем), а именно в силу формализованности официальной пропаганды.

Безусловно, любовь к Стране Советов испытывали далеко не все представители албанского народа. Большое количество людей, попавших под

пресс карательной системы властей «народной» Албании, враждебно относились к новому режиму и к Советскому Союзу как его апологету. Вместе с тем, далеко не все репрессированные, потерявшие в правах и т.п., отождествляли творимый в Албании произвол и советский строй СССР. Скорее даже удивительно, что люди, отбывшие немало лет в заключении, сохранили симпатию и любовь к Советскому Союзу (такие данные фиксируются в ходе нашей полевой работы в Албании в 1992–2010 гг., а также в воспоминаниях А.В. Десницкой, Ю.В. Ивановой, Г.И. Эйтнтрей, И.И. Ворониной, А.В. Жугры и многих других). Так, из уст бывших заключенных (например Гьергя Титани)⁷ часто звучит сожаление о том, что Албания покинула с Советским Союзом, затем с Китаем и погрузилась в строительство государства «с опорой на собственные силы».

На этом фоне совершенно очевидно, что многие представители социальной верхушки албанского общества эпохи правления короля Ахмета Зогу и периода, ему предшествовавшего, враждебно относились к новой власти и ко всему, связанному с социализмом на советский манер. Люди, получавшие образование в Австрии, Италии, Франции и др. странах и возвращавшиеся на родину, оказались при новом режиме изгоями. Очень немногие (прежде всего представители научной и творческой интеллигенции) смогли сохранить свободу и возможность трудиться по специальности (примером может послужить судьба Александра Джувани, Эчрема Чабея и др.). В основном власти пытались избавиться от «старых кадров», делая ставку на молодежь, принявшую новую идеологию. Понятно, что в среде «бывших» Страна Советов была непопулярной. Ценностные ориентиры людей складывались с учетом идей свободы и культуры народов Франции, Италии, Австрии, Германии, США. Тогда же в албанской среде возникали круги германофилов, галлофилов и т.д. Тем не менее, чтобы быть объективным, необходимо отметить, что часть «бывшей» интеллигенции (т.е. представителей высших слоев албанского общества) приняла русскую и советскую культуру, активно сотрудничала с советскими коллегами, стремилась приехать по научному или культурному обмену в Советский Союз, изучала русский язык.

Основная же масса «бывших» была репрессирована – посажена в тюрьмы и концентрационные лагеря, расстреляна, сослана и т.д.

Постепенно в стране сложилась новая элита, которая была обучена в Советском Союзе или на советских учебниках в местных вузах, которая читала русскую и советскую литературу, смотрела советское кино, читала советскую прессу и, в конечном итоге, была ориентирована на СССР. Советский Союз был престижным центром, на который равнялись в сфере образования и науки, медицины и социальной защиты, экономики и всего уклада жизни.

⁷ Гьергъ Титани (Gjergj Titani) (род. 1937) – боевой генерал, учившийся в Советском Союзе, на долгие годы попавший в албанские лагеря как пособник и шпион «ревизионистов» идей Маркса – Ленина – Сталина». Перевел вместе с Вангьюшем Гамбетой (Vangjush Gambeta) в 1995 г. «Воспоминания и размышления» маршала Г.К. Жукова (Zhukov 1995).

В этих условиях, безусловно, большая часть албанского общества испытывала симпатию к советским людям, Стране Советов. Негатив по отношению к трудностям жизни в собственной стране связывался с местным руководством. Тем не менее, в обществе иногда раздавалось недовольство всем советским даже в среде обычных граждан, крестьян и рабочих. Строившая социализм Албания постоянно сталкивалась с трудностями – отсутствием продуктов, товаров, невозможностью получения услуг и т.п. Многие товары отпускались по карточкам, в части магазинов в открытой продаже были товары, не доступные большинству населения страны. У советских же специалистов, работавших в большом количестве в различных албанских городах, были и карточки, и деньги. Такая ситуация создавала напряжение в обществе. Еще более ее накаляло поведение некоторых жен советских специалистов, скупавших всевозможные товары в огромных количествах. Так, по воспоминаниям Ю.В. Ивановой, ей неоднократно приходилось слышать в 40-50-е гг. в очередях местных магазинов возмущенные реплики албанских покупательниц: «Мы не можем это купить, а у этих советских деньги всегда есть!» (*“Nuk mund të blejmë. Për këta sovjetikë gjithmonë kanë lekë!”*).

Многие сотни молодых албанцев не успели закончить обучение в советских вузах и вынуждены были вернуться в Албанию накануне разрыва отношений между двумя странами в 1961 г. Переориентация в скором времени на Китай привела к кардинальным изменениям во внешне- и внутриполитической жизни Албании (Смирнова 2003: 319–321, 323). На смену советским специалистам приехали китайские. Китайская сторона оказывала максимально возможную помощь небольшой балканской стране. Так, за годы албанско-китайской дружбы китайцы вложили в экономику Албании средства, в девять раз превышающие советскую помощь. Однако это не повлияло на отношение албанцев к русскому/советскому: культуре, литературе, искусству, стереотипам, суждениям и т.д. Издававшаяся большими тиражами переводная китайская литература не вытеснила с полок магазинов и домашних библиотек русскую и советскую классику. Бесконечные трансляции по албанскому радио и телевидению концертов пекинской оперы не изменили предпочтения албанских меломанов, продолжавших слушать Чайковского и Глинку. В народе часто любили пошутить над всем китайским. И это несмотря на то, что официальные власти пытались всячески насадить «достижения китайской культурной революции».

В ходе экспедиций 2008–2010 гг. в Голуборду (Восточная Албания) автору совместно с коллегой А.Н. Соболевым удалось зафиксировать в с. Требишт у местного населения, македонцев-мусульман, воспоминания о митингах, на которые сельские власти сгоняли людей во времена албанско-китайской дружбы. «Нас всех заставляли выходить после работы с факелами на улицу. В ночи с зажженными факелами мы ходили по селу и кричали по-албански: “Enver, Mao Cedun! Ne Hrushovin nuk e dëm!” [Энвер, Мао Дзэ-дун! Мы Хрущева не любим (не хотим)!] Так нам велели. Им, видно, из района приказывали!» [АМАЭ 2008а].

Влияние русское и советское оставалось очень сильным буквально до начала 1990-х гг. – времени коренных общественных трансформаций. А.В. Десницкая вспоминала, что в конце 1950-х гг. многие жены высокопоставленных албанских чиновников еще не успели побывать в Советском Союзе, но уже делились впечатлениями после посещения Китая. Это были верные косвенные свидетельства крена курса албанского руководства в сторону Пекина. XX съезд КПСС с его разоблачениями сталинского режима стал поворотным пунктом в советско-албанских отношениях. Опасаясь за свой собственный режим, Энвер Ходжа стал искать новых союзников. Разрыв, готовившийся задолго в умах албанских партийных бонз, произошел в 1961 г. Однако этот официальный разрыв политических, экономических, научных, культурных связей (были разорваны даже дипломатические отношения!)⁸ не привел к изгнанию русского и советского из Албании. В школах, техникумах, вузах Албании в качестве обязательных предметов сохранялись русский язык и русская литература. В технических, медицинских, военных, сельскохозяйственных вузах преподавание велось по советским учебникам. Большинство албанцев продолжало читать русскую и советскую классику, которая не исчезала (с некоторым исключением) с полок албанских книжных магазинов и библиотек.

С начала 1960-х гг. в Албании стала ухудшаться жизнь людей. В кулуарах, в тесном кругу родных и друзей люди обсуждали политические новости, положение в стране, экономику. Многие увязывали бурный послевоенный рост и улучшение жизни в 1940 – начале 1960-х гг. с помощью Советского Союза (что в действительности таковым и являлось). Часто выдвигались предположения, что с восстановлением отношений с СССР жизнь в Албании наладится и станет лучше. Понятно, подобными мыслями делились с самыми близкими людьми (угроза быть арестованными спецслужбами по доносу за пропаганду вражеских идей была всегда исключительно высокой).

Советский Союз, называвшийся официальными властями не иначе, как империя ревизионизма, был объявлен злейшим врагом албанского народа (на другом полюсе зла албанская пропаганда поместила США). Однако в народе две сверхдержавы всегда вызывали уважение (ПМА 1992: Мучи).

В Албании с начала 1960-х гг. до 1991 г. сменилось несколько курсов и векторов развития и внешней политики (Смирнова 2003: 327–369). Албания дружила с Китаем. Затем сделала ставку на развитие с опорой на собственные силы. Неизменным оставался вектор строительства социализма

⁸ Событиям этого периода посвящен роман известного албанского писателя Исмаили Кадаре (род. 1936) «Суровая зима» («Dimri i madh». Tiranë, 1977), в первом издании «Зима сурового одиночества» («Dimri i vetmisë së madhe». Tiranë, 1973)). Это произведение стало чрезвычайно популярным в албанском обществе. По названию этого художественного произведения многие историки называют сам период разрыва албанско-советских отношений. В романе, в значительной степени конъюнктурном, весьма негативно представлены и советское руководство, и амбиции советской империи.

с коллективной собственностью на средства производства, орудия труда и т.д. В албанской деревне в кооперативы попало даже все поголовье домашней птицы, а у албанских крестьян зачастую в подворье не было лопат – их также коллективизировали. Стагнация экономики, обнищание населения, репрессии, заидеологизированность культуры и общественной жизни вызывали недовольство. Однако это недовольство, вопреки возможным ожиданиям, не было направлено против Советского Союза, который изначально способствовал установлению авторитарного режима в Албании. Провал курса строительства социализма с опорой на собственные силы связывался людьми с неумелым и преступным местным руководством, а не с центром мирового коммунистического движения.

Даже албанская элита, клеймившая позором советских ревизионистов, продолжала читать книги на русском языке, слушать русскую музыку, учиться по советским учебникам. Официально в стране разграничивали великую русскую культуру и «отщепенцев-ревизионистов».

Восстановление связей и дипломатических отношений не привело, однако, к росту роли России в общественной, экономической и культурной жизни Албании. За годы развития рыночной экономики в албанском обществе очевидными стали иные ценности и приоритеты. Ориентация на западный путь развития стала основным вектором общественных устремлений. Позиция России в Балканском кризисе 1990-х гг. уменьшила кардинальным образом симпатии к России в албанском обществе (как в самой Албании, так и в Косово). Однако престиж знания русского языка, русской культуры, возможности развития торговых связей среди албанского общества (и, что очень важно, в молодежной среде) сохранился, вопреки прогнозам скептиков. Но новый уровень отношений предполагает экономическую заинтересованность двух сторон.

Современная ситуация

В наши дни в албанском обществе фиксируются разные взгляды и подходы к отношениям с Россией. Оценка исторических событий, настоящего и прогнозов на будущее зависит от вектора идеологических, экономических и культурных устремлений. Так, в пестром и многообразном албанском обществе (учитывая конфессиональные, региональные и проч. различия) можно условно выделить два главных типа отношения к России, русским, русской культуре и возможностям развития двухсторонних отношений.

К первому типу надо отнести доброжелательное отношение и надежды на укрепление связей между Албанией и Россией. Таких взглядов придерживаются, в основном, представители старшего поколения – т.е. те, кто вырос в годы албанско-советской «нерушимой» дружбы.

Второй подход к отношениям Албании и России имеет откровенно прозападную ориентацию. Когда в 1991 г. режим монизма в Албании рух-

нул под натиском революционных выступлений, страна оказалась на пороге колоссальных изменений. Все замерли в ожидании, каким путем пойдет страна дальше. Многие ожидали возвращения России. Однако события стали развиваться другим путем. Многие тысячи албанцев стали беженцами: корабли с албанскими *рефуджатами*⁹ держали курс на Италию и Грецию, другие европейские страны, многие уходили горными тропами в сопредельные государства – Грецию и Югославию (Bartl 1995: 176). Массовая эмиграция, вызванная, прежде всего экономическими причинами, была направлена в богатые западные страны. Советский Союз в это время сам находился в процессе дезинтеграции и глобальной перестройки экономики. Ожидания многих албанцев, что Россия поможет, не оправдались. В начале 1990-х гг. любой шаг поддержки со стороны новой независимой России был бы оценен на западе Балкан как знак возвращения России. Однако Российская Федерация, правопреемница Советского Союза, преодолевая внутренние проблемы и неурядицы, совершенно не могла и не хотела тянуть бремя помочи другим странам. Албания целиком стала зависимой от западной помощи как в сфере экономики, так и политики и т.д.

Автор в начале 1990-х гг. неоднократно становился участником диспутов в Албании по поводу дальнейшего пути развития страны. Не только представители старшего поколения, но и многие молодые люди надеялись, что именно Россия поможет Албании встать на ноги после десятилетий созидания доморощенного социализма. Вера в Россию была очень сильной. «Россия может противостоять всем странам мира. Она – сильнее всех!» – часто звучало в стране в те годы. Однако бездействие и полное отсутствие инициативы российской элиты, которая могла повлиять на ситуацию на западе Балкан, привели к тому, что эта территория практически полностью перестала быть сферой интересов и какого-либо влияния России.

Курс Албании как государства был полностью переориентирован на Запад. Именно западные страны являются притягательными для албанских граждан в плане примера экономического развития, политического устройства, социального и культурного строительства.

Современная албанская молодежь стремится получить образование в США, Великобритании, Франции, Италии, Германии и др. странах. Знание европейских языков – английского, итальянского, немецкого, французского, испанского и др. – считается необходимым условием для успешной карьеры. Престижным стал стиль западной жизни: устройство быта, одежда, досуг, культура отдыха и проч. Большинство людей молодого и среднего возраста стремятся следовать именно этим шаблонам. Западный образ жизни стал основным в формировании также и жизненных, и моральных ценностных ориентиров.

⁹ *Рефуджат* – беженец, беглец. Так называют покинувших страну в ходе массового бегства – в отличие от эмигрантов, выезжающих официально, в силу различных квот, на работу или для воссоединения с семьей.

Русский язык больше не преподается в школах и техникумах Албании. За годы, последовавшие после падения режима монизма, он был вытеснен английским, итальянским и другими иностранными языками. В Тиранском университете на факультете иностранных языков существует кафедра славистики, на которой ведется преподавание русского языка. Ежегодно на отделение русского языка и литературы поступает более 30 студентов. К сожалению, русский не пользуется такой популярностью, как, скажем, английский или немецкий. Выпускники школ не видят перспектив в труноустройстве с русским. Знание русского языка не повышает возможности получить высокооплачиваемую работу в самой Албании или за рубежом.

В 1990-е гг. между двумя министерствами образования – России и Албании – было подписано соглашение о сотрудничестве. В рамках этого соглашения ежегодно в Россию приезжает на обучение несколько десятков албанских студентов. Сейчас эта квота выглядит следующим образом. 20 стипендий на полное обучение албанцев в российских вузах выделяет Министерство образования и науки Российской Федерации, 5 стипендий выделяется дополнительно вузами страны и еще 5 стипендий предоставляет Российский университет дружбы народов. Албанские студенты обучаются в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Ростове-на-Дону, других городах. За годы действия соглашения образование в России получила не одна сотня албанских студентов. К сожалению, не все они нашли рабочие места в Албании и далеко не всем нужен русский язык для дальнейшей карьеры в профессиональной сфере. Вместе с тем Посольство Российской Федерации в Республике Албания пытается создать круг друзей России, создано специальное общество, куда приглашаются выпускники российских вузов. Однако работа данного общества практически не заметна в стране, его деятельность ограничивается ежегодными собраниями с декларацией дальнейших планов и возможных совместных проектов.

Еще меньший интерес вызывает возможность обучения в Албании у российских студентов. За годы работы соглашения лишь несколько российских студентов воспользовались возможностью учиться в албанских вузах, и то их обучение длилось определенные семестры, а не было полным курсом обучения.

Наиболее востребованным для россиян является возможность учить албанский язык в рамках летней школы албанского языка в Тиранском университете. Ежегодно в работе данной школы принимает участие более десяти студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников Санкт-Петербургского государственного университета, Московского университета международных отношений (МГИМО), институтов Российской Академии наук.

В Албании работает ряд обществ, вносящих вклад в развитие отношений между двумя странами. Особенно активным было общество «Друзья Пушкина в Албании», созданное в середине 1990-х гг. известным албан-

ским поэтом, публицистом, переводчиком и дипломатом Йорго Блаци. Данное общество имело подразделения во всех значимых городах Албании, в него входили любители русской словесности и культуры. Общество объединяло людей самых разных возрастов. Автору приходилось бывать на заседаниях филиалов данного общества в Тиране, Поградце. «Друзья Пушкина в Албании» издавали многополосную газету, где публиковались стихи, проза русских авторов в переводе на албанский. За огромный вклад в дело популяризации русской поэзии в Албании в 1996 г. Президент Российской Федерации Борис Ельцин наградил Йорго Блаци Орденом Дружбы. Данный факт способствовал всплеску интереса в албанском обществе к русской культуре. Проникновенные переводы поэзии Сергея Есенина, Александра Сергеевича Пушкина, поэтов Серебряного века, выполненные Й. Блаци, вышли многотысячными тиражами.

В Тиране работает Общество дружбы «Албания – Россия», куда входят как ветераны, так и представители молодого поколения. Общество имеет филиалы в различных городах страны.

Однако в целом, современная албанская молодежь очень мало знает о России. О возможности получить образование в российских вузах знает ограниченный круг. Молодежь не знает русского языка – в отличие от представителей старшего поколения, которые практически все без исключения умеют читать или хоть в какой-то степени понимают по-русски.

В этих условиях очень слабой видится работа Центра русского языка, который ограничился лишь отправкой значительного количества литературы (по сравнению, скажем, с Китаем, который в 2009 г. подарил албанским учебным заведениям 10 тыс. компьютеров, такая помошь вряд ли может считаться значимой в плане пропаганды русской культуры и России за рубежом).

Важный момент – русская музыка. Практически каждый албанец знает русские песни. Их здесь очень любят, ценят и поют. Русское исполнительское искусство оказало большое влияние на музыкальную культуру Албании. В годы «большой дружбы» многие албанские музыканты, исполнители, композиторы получили образование в СССР. Именно они стали в дальнейшем задавать тон всей музыкальной культуре в горной балканской стране. Русские песни, русские мелодии очень любят в Албании. Даже в такой специфической сфере, как ресторанное исполнительское искусство, русские мелодии звучат очень часто. Практически в каждом ресторане или клубе с живой музыкой можно услышать «Очи черные», «Катюшу» или «Подмосковные вечера». Однако в магазинах страны практически невозможно найти диск или аудиокассету с русской музыкой. Часто приходится слышать от албанцев просьбу привезти в подарок именно диск с русской музыкой, а также сетования на то, что российская сторона не заботится о пропаганде собственной культуры, как это делают, например, французы или итальянцы (о международном размахе пропаганды американской культуры здесь даже не стоит говорить).

Косовский кризис и имидж России

Дезинтеграция бывшей Югославии, сопровождавшаяся кровавыми войнами и вмешательством международных сил, значительным образом повлияла на расклад сил на Балканском полуострове. Позиция России особенно остро была обозначена во время конфликта в Косово. Это, безусловно, отразилось на албанско-российских отношениях в силу исключительно болезненного реагирования в обеих странах на происходившие там события 1999 г. (а также предшествующих и последующих лет). В процессе конфликта поддержка российской стороной Сербии и сербского руководства вызывала протесты в Албании. Имея возможность наблюдать внутри страны происходившее, автор мог видеть не только охлаждение со стороны бывших друзей, но и прямые высказывания недовольства. Вместе с тем, значительная часть албанских граждан высоко оценивала позицию России, отмечая устойчивость и верность российской поддержки Сербии в условиях практически полного осуждения и карательных санкций со стороны западного блока. Такое же отношение фиксировалось и в самом Косово, где местные албанцы отмечали крепость российско-сербской дружбы.

Однако в целом участие России в переговорах по Косово, отстаивание интересов Сербии в данном вопросе, неприятие западного решения дальнейшего статуса Косово – все это вкупе подогревало антироссийские настроения как в самом Косово и Албании, так и в частях Македонии и Черногории с компактно проживающим албанским населением.

Негативная позиция албанцев Черногории была выражена в меньшей степени, так как доходы страны напрямую зависят от туризма, а русские составляют подавляющее большинство приезжающих на отдых. Более того, много российских граждан приобрело недвижимость на побережье и в глубинке Черногории. Это массовое явление «прихода русских» (Радойичич 2011: 23–25) привело к небывалому росту цен на черногорскую недвижимость и в целом повысило стандарты жизни большого числа черногорских граждан.

В этом отношении юг Черногории, где проживает значительное число албанцев, в меньшей степени был затронут притоком русских туристов и собственников недвижимого имущества. Долгое время русские (так условно называют здесь всех гостей из Российской Федерации) не осваивали для отдыха и приобретений территории южнее г. Бара. Этому было несколько причин. Во-первых, многие русские и ргори имеют предубеждения по отношению к албанцам-мусульманам. Следовательно, предпочитают отдыхать и жить среди «своих» – православных черногорцев. Во-вторых, малому «освоению» юга Черногории способствует языковой барьер. Русские, в основном не имеющие больших проблем в коммуникации с черногорцами и сербами, совсем не понимают албанский. Незнание языка, непонимание ведет также к отчуждению. В-третьих, необъективная работа СМИ,

раздувавших часто к месту и не к месту антиалбанскую истерию во время Косовского кризиса, создала некоторый стереотип албанца, которого нужно опасаться¹⁰.

Так или иначе, юг Черногории с албанским населением оставался долгое время без массового российского туриста. Но отношение к россиянам здесь формировалось за счет образа, рисуемого албаноязычными СМИ (Албания, Косово и Македонии). Ситуация коренным образом изменилась, когда значительные приобретения в районе г. Улцинь (алб. Ульчин) были сделаны российским олигархом Романом Абрамовичем. За ним недвижимость в южной части Черногории, рядом с албанской границей, стали покупать другие российские бизнесмены. С 2004–2005 гг. местные жители стали рассказывать истории, обраставшие легендами, о покупке земель у них русскими. В русских стали видеть толстосумов, соряющих деньгами и способных к серьезным инвестициям в экономику региона. Политические разногласия и неприязнь стали уходить на второй план перед возможностью заработать и изменить качество жизни.

В самой Албании также стали ожидать российских инвестиций. Однако к настоящему времени российский туризм и интерес к прибрежной недвижимости не приобрели таких же широких размахов, как в соседней Черногории.

Особые отношения складываются у представителей научной общественности двух стран. С одной стороны, элита науки и образования в Албании сформировалась в еще эпоху албанско-советской дружбы. Большинство профессоров читают и говорят по-русски, участвуют в совместных конференциях с коллегами из России, обмениваются публикациями и идеями. С другой стороны, большинство работ, издающихся в России по Албании, Косово и проблемам балканстики, имеют очевидно просербскую ориентацию. Даже специальные работы, посвященные Косово, к примеру, пишут люди, которые не знают албанского языка, не имеют возможности работать в албанских архивах и даже не бывали в Албании или Косово (!). Все это вызывает удивление не только у коллег-албанцев, но и западных ученых. Более того, принимая во внимание тот факт, что в албанском интеллектуальном мире все большую роль начинают играть молодые специалисты (ученые, преподаватели и т.д.), которые не учились, по причине возраста, в Советском Союзе, а получали образование или проходили стажировки уже в западных университетах, то и эта ниша, скорее всего, будет потеряна для трансляции российской культуры и достижений в сфере науки и образования на западе Балканского полуострова.

Подытоживая сказанное, важно выделить три основных момента в складывании образа России в Албании в период XVIII – начала XXI вв.

¹⁰ Здесь можно вспомнить и массовую культуру, к примеру, многосерийный фильм «Албанец», шедший несколько раз по отечественным каналам телевидения. Прокат этого фильма способствовал негативному отношению к албанцам в российском обществе (несмотря на то, что прозвище главного героя было условным).

Во-первых, Россия была и остается важной мировой державой, влияние которой остается весьма сильным на западе Балкан на протяжении всего анализируемого периода. В эти столетия степень значимости российского фактора колеблется от незначительного в конце XVIII – начале XIX вв. до весьма ощутимого на рубеже XIX–XX столетий, когда перекраивается политическая карта Балканского полуострова. Затем следует период изоляции – когда Советская Россия практически не влияла на процессы, происходившие в албанских землях. Этот недолгий период сменяется «советской эпохой» в Албании 1944–1961 гг., когда СССР диктует буквально все во внешней и внутренней политике балканской страны. Период «великой дружбы» завершается разрывом политических, экономических, культурных и дипломатических контактов между странами (1961–1991). Однако в это время роль русской/советской школы, науки, образования остается ключевой в Албании – при общей критике политического курса советского государства со стороны официальных албанских властей. Падение тоталитарного режима в Албании, коренная перестройка политической и экономической жизни в бывшем СССР приводят к восстановлению дипломатических отношений между двумя странами. Однако степень российско-албанских политических, экономических, культурных и научных связей оказывается очень слабой.

Во-вторых, за анализируемый период, насчитывающий более двух столетий, на первый план в отношениях между странами выходят экономические интересы. Время политических деклараций и национальных симпатий и устремлений сменяется периодом прагматики и прямых выгод и целесообразностей. Недостаточные связи в сфере экономики и торговли, обмена товарами, капиталами, услугами, а также развития различных частных областей в перечисленной шкале (к примеру, развитие туризма)¹¹ делают образ России малопривлекательным для значительной части албанского общества.

В-третьих, последние годы отмечены попытками элит двух стран установить более прочные связи между странами, оставляя в стороне политические разногласия по проблеме Косово. Так, в 2009–2011 гг. Албанией в одностороннем порядке был принят режим безвизового въезда на территорию страны российских граждан в период туристического сезона (с мая–июня по 31 октября). Это дало возможность большому количеству российских туристов (в основном, отдыхающих в соседней Черногории) посетить с однодневным туром Албанию. Албанскому бюджету эти нововведения гарантировали немалый доход (который, конечно, не может сравняться с доходом от российских туристов турииндустрии Черногории и Хорватии).

¹¹ По данной теме в Албании также не проводилось опросов населения, во всяком случае, они не были опубликованы. Поэтому данные выводы строятся на материалах полевых исследований в Албании, Косово, Македонии и Черногории, полученных в ходе интервью, а также опираясь на данные архивов и печатных материалов, имеющих прямое или косвенное отношение к теме.

Российская же сторона имеет немалый интерес в Албании в перспективе развития транзита нефти и газа в регион.

Как видно из изложенного, лишь взаимовыгодное сотрудничество может способствовать новому подъему отношений между двумя странами, а заодно и сложению нового образа России – не как, в первую очередь, мощной в военном отношении державы, способной противостоять всему миру, а как выгодного партнера и инвестора. Культурные, образовательные и научные программы в свете таких перспектив будут решаться, предположительно, быстро и охотно. При грамотном подходе со стороны государственных и общественных организаций, культурных центров и проч. имидж России на западе Балкан может быть выстроен очень привлекательным, с учетом имеющегося положительного исторического опыта двухсторонних связей.

Литература и источники

- АМАЭ 2008а – Новик А.А. Македонцы-мусульмане в Албании. Полевые записи. Ксерокопия с автографа. 2008. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1863. 33 л.
- АМАЭ 2008б – Новик А.А. Отчет об экспедиции в Голуборду (Северо-восточная Албания). Принтерный вывод. 2008. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. № 1864. 25 л.
- ПМА 1992 – Полевые материалы автора. Новик А.А. Албания. 1992. Полевая тетрадь. Вальбона Мучи.
- ПМА 1994 – Полевые материалы автора. Новик А.А. Албания. Македония. Болгария. 1994. Полевая тетрадь. Эмиль Ляфе.
- ПМА 1996 – Полевые материалы автора. Новик А.А. Албания. 1996. Полевая тетрадь. Йорго Блаци.
- Виноградов В.Н. Двадцатый век. Россия: Возвращение в Европу // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / Отв. редакторы: В.Н. Виноградов, В.И. Коcик. – М.: Индрик, 2003. 252–264.
- В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / Отв. редакторы: В.Н. Виноградов, В.И. Коcик. М.: Индрик, 2003. 537 с., илл.
- Радойичич Д. Социально-культурная сцена Черногории в контексте русских переселений // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / Редкол.: В.А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 23–25.
- Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке / Н.Д. Смирнова; Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2003. 431 с.
- Эйтней Г.И. Литература Албании // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. 1945–1960 гг. / Отв. редактор В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995. С. 582–610.
- Ястребов И.С. Обычаи и песни турецких сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибрье. СПб., 1886. VII + 498 с.
- Ястребов И.С. Обычаи и песни турецких сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибрье. СПб., 1889. XXIV + 626 с.

Bartl, Peter. Albanien: vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Peter Bartl. -- Regensburg: Pustet, 1995. 304 S.

Fishta Gj. Lahuta e Malsisë. Botim i katërtë. p/v. 520 f.

Kadare I. Dimri i vëtmisë së madhe. Tiranë, 1973.

Kadare I. Dimri i madh. Tiranë, 1977.

Zhukov G.K. Kuftime dhe meditime. 2 vëllime / Përktheu: Vangjush Gambeta, Gjergj Titani. Tiranë: Shtëpia Botuese e Ushtrisë, 1995.

*
* * *

Alexander Novik

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS,
St. Petersburg

The image of Russia in Albania: from Ivan Jastrebov till the crisis in Kosovo

For a considerably long time the Western Balkans have been included to the outlook of Russia. It goes without saying that the Russian impact on the Albanian lands due to their geographical position has not been so intense as on the Central or Eastern Balkans. However, starting from the late 1700-s, with the structural crisis of the Ottoman Empire, Russia's interest to the Western Balkans has become prominent. To a large extent, this was the matter of politics in Serbia and Montenegro: both Russia's and of foreign states. That what was happening in the Albanian lands could but be of great interest to the Tsar. That is why in Prizren and other Ottoman cities with the overwhelming Albanian population the Russian diplomatic missions were organized.

The next step in Albanian-Russian relationships was held in the 1920-s, when, owing to Fan Noli's contacts with Soviet Russia, in Albania there appeared the stable groups of people tuned to the young "Soviets", building the new life. It was the very time when the interest to Russian culture, literature, poetry and pictorial art occurred in the Albanian society.

The wide partisan movement of 1939–1944, liberation of Albania from Italian and German fascist occupants, establishment of the Communist regime contributed to many-sided relations between Albania and the SU. Till 1961–1962 the image of the Soviet Union was hugely mythologized. It was not only because of the official bombarding propaganda of Elder Brother's successes, but also due to the real affection for Russians, appeared as a result of contacts of the time. Thousands of Albanians, having obtained higher education in the SU, returned home not only with enthusiastic recollections but also sometimes with Russian (Ukrainian and etc.) wives. The Soviet Union was perceived as the great power that was able to stand against the whole world and defend from any aggression.

The breaking up of diplomatic intercourse and any relations between the two countries, occurred in the early 1960-s, was lasting till 1991. However during all those years, regardless of the official propaganda, the majority of Albanian population kept affection and fellow feelings to the Soviet Union. The Russian language and literature were still taught at school, Russian manuals were used in teaching sciences and engineering.

The restoration of relations and diplomatic intercourse has not resulted in growing of Russia's role in social, economical and cultural life in Albania. The development of free market economy has brought new values and priorities in the Albanian society, and now they are considered to be evident. The focus on the Western way of evolution is now the main vector of people's aspiration. The Russian political course in the Balkan crisis of the 1990-s has fully diminished affection to Russia on the part of Albanians (both in Albania and Kosovo). Still, the command of Russian, knowledge of the Russian culture and development of business opportunities are prestigious among Albanians (even young). With the help of state and public organizations, cultural centers, etc. the image of Russia in the Western Balkans can be constructed in a very attractive way, taking into account the positive historical background of the two-sided relations.

Ранние славяне и Русь на Балканах (VI–X вв.): войны и жертвы¹

Один из ранних византийских авторов, повествующих о славянах, Феофилакт Симокатта, рассказал о походе греков против аваров в конце VI в.: те заключили мир с Византией, но «натравили» на греков союзное племя славян, которое подступило к Длинным стенам; византийскому стратигу удалось рассеять «полчища» славян. Характерен странный пассаж о встрече императора Маврикия со славянами, приводимый в связи с этой военной кампанией. К императору доставили трех славянских пленников, «не имевших при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношней были кифары»; император учил допрос – «какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях». Те «отвечали, что по племени они славяне ($\Sigma \kappa λαυγοί$), живут у оконечности Западного океана» (Балтийском море – Венедском заливе Океана античных авторов); аварский хаган отправил их как послов собрать славянские войска, прислав старейшинам славян богатые дары. Вожди славян отказались идти в поход, сославшись на дальность предприятия (пятнадцать месяцев пути). Хаган же, вопреки закону, задержал послов, так что те попытались пробраться на родину через Фракию и Византию. Они показывали императору свои кифары, демонстрируя приверженность к мирным «музыкальным упражнениям», но не к войне. Маврикий «восхитился их племенем» и оказал гостеприимство, подивившись, впрочем, размерами их тел и огромности членов» (Свод II: 15–17).

Смысль этого пассажа вызвал оживленную полемику: Ф. Курта настаивает на том, что пассаж представляет собой образец историографической конструкции, ориентированной на античные образцы (начиная с Геродота, писавшего о мудрых варварах), и не может использоваться напрямую как источник информации о славянской идентичности (Курта 2008: 161–162). Еще Нидерле в «Руководстве славянских древностей»² указывал на этот нарративный стереотип – образ миролюбивого и «благородного дикаря», не имеющий отношения к славянскому быту.

¹ Статья написана в рамках работы над проектом ««Народное христианство» и библейская космогония: к происхождению славянских дуалистических легенд» (Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН, 2009–2011).

² См. рус. издание: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 418–419.

Мотив «кифаредов» заставляет вспомнить о славянских «древностях»³, ссылки на которые остаются популярными, в основном, благодаря авторитету И. Вернера⁴. Это находки 21 фигурки (бронза и белый металл) из Велестино, Фессалия (в северной Греции), передающих антропоморфные и териоморфные образы. Археологический контекст находки неизвестен, и «на первый взгляд», по признанию Вернера, они выглядят как фальсификаты. Однако отсутствие яркой иконографической традиции в ранней славянской культуре (ее «аниконичность») заставляло искать евразийские аналогии для уникальных «находок», которые позволили бы определить их место в славянской культуре: прежде всего исследователи ссылались на древности типа Мартыновки, в которых присутствовали зоантропоморфные образы (Седов 2002: 417). Для интерпретации «культового значения» фигурок из Велестина стали привлекаться параллели едва ли не со всего света (Чаусидис 1994). Вернер указывал на браслеты и гривну одного из персонажей как на характерные атрибуты славянского костюма VII в. и т.п. Специфика иконографии велестинских фигурок при этом не исследовалась – между тем антропоморфные образы строились с учетом перспективы (рис. 1. 5–6), что было исключено для средневекового искусства. Для нашей темы существенна фигура, которая держит в руках струнный инструмент: правда, это женский персонаж, демонстрирующий свои атрибуты «роженицы» и младенца, тянувшегося к груди (так что Н. Чаусидис распознал в ней мифологический образ «родительницы» – Чаусидис 1994: 158–160).

Среди мотивов, связанных с послами-кифаредами, следует все же выделить один, который не связан с античными топосами и носит явно не праздный характер: это вопрос о «роде-племени», который в изложении того же Феофилакта Симокагты повторяли византийцы при столкновениях с варварами (Свод, Т. II: 23). Это был один из центральных вопросов политики империи: нужно было знать происхождение варваров, чтобы разделять и властвовать. Этой политике посвящен трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством», но ближайшую параллель сюжету кифаредов представляет рассказ о появлении послов другого народа при дворе другого императора, уже в 839 г.

Это знаменитый рассказ Бергинских анналов под 839 г. о первом появлении «народа Рос» на Рейне при дворе франкского императора Людовика Благочестивого. Послы «Рос» появляются без кифар, но «ради дружбы», ссылаясь на власть своего (или хазарского) правителя кагана: обратную дорогу им заступили дикие племена, и они просят Людовика пропустить их через землю франков. Император спрашивает, какого они рода, и те отвечают – от «рода свеонов». Распознав в них викингов, Людовик велит задержать послов как шпионов.

³ Со времен Ф.И. Буслаева мотив кифаредов порождал романтические ассоциации с характерной для славян (вплоть до казаков-бандуристов) певческой культурой (ср. Пряжков 2008: 191–192).

⁴ Ср. Werner 1953; Седов 2002: 417–418.

О месте, откуда пришли эти послы народа РОС, споров в историографии не меньше, чем о прародине славян⁵. И в этом случае Балтика (Средняя Швеция) может считаться исходным пунктом, откуда через восточноевропейские реки, контролируемые Хазарией, отправилось посольство, ссылавшееся на авторитет кагана.

Маврикий оказывается более гостеприимным, но вопрос о происхождении и «обретение имени» носят и в VI, и в IX веке непраздный характер. Существенно, при этом, что византийское иноназвание (экзоним) руси *Ros* и имя страны *Rosia/Rossia* отличались от самоназваний *русь*, *русские*, *Русская земля*, как греческое имя *склавены/склавины* и позднейшее книжное наименование *славяне* отличались от самоназвания *словене*. Эти разные варианты наименования одних и тех же народов имели длительную самостоятельную историю, как и наименования немцев, болгар, венгров и др.

Принципиально иной образ славян содержит фрагмент антиастрологического трактата «Диалоги» («Ответы на вопросы») византийского автора – монаха середины VI в. Псевдо-Кесария. Он посвящен обычаям варварского населения Дуная, в том числе обычаям славян, и содержит эпаториующие подробности, заслуживающие детального обсуждения в современных комментариях. Приведем этот фрагмент, помещенный в Своде древнейших письменных известий о славянах в переводе и с комментариями С.А. Иванова (Свод, Т. I: 251–259):

А как же [могло случиться, что] находящиеся в другом поясе (климатической зоне – В.П.) склавины и фисониты (обитатели Фисона – Дуная), называемые также данувиями, – первые с удовольствием поедают женские груди, когда [оны] наполнены молоком, а грудные младенца [при этом] разбиваются о камни, подобно мышам, в то время как вторые воздерживаются даже от общепринятого и безупречного мясоедения? Первые живут в строптивости и своенравии, беззначалии, сплошь и рядом убивая, [будь то] за совместной трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника, питаясь лисами, и ленными кошками, и кабанами, перекликаясь же волчьим воем. Вторые же воздерживаются от обжорства, а подчиняются и повинуются всякому (Свод, Т. I: 254).

Рассказ (вопрошение) направлен против распространенного астрологического предубеждения, что живущие под одними звездами и в одном «климате» народы обладают одним характером и обычаями. Славяне, в отличие от соседей фисонитов (романизированного населения Дуная? – ср. Свод, Т. I: 255), изображаются дикарями. В таком случае перед нами – распространенный стереотип описания варваров, которым приписывается дикий нрав, противоположный всем известным общественным нормам. Для вящей убедительности такой конструкции в цитируемом фрагменте создается образ гипертрофированно добродетельных фисонитов, отказывающихся от обжорства и беззначалия. Усматривать в риторике, обличающей варваров, некие реалии варварского быта было бы рискованно.

⁵ Ср.: Назаренко 2010: 17–21; Shepard 1995.

Текст Псевдо-Кесария провоцирует, однако, на поиски таких реалий, что и естественно: наука не располагает данными собственно славянского «фольклора», самоописания обычаев⁶, приходится руководствоваться данными «извне», опираясь на опыты праславянских реконструкций. Данным Псевдо-Кесария посвящены специальные работы Ф. Малингудиса (Малингудис 1990) и С. Йорданова (Йорданов 1998), соотносящие эти данные с феноменами славянского быта. Самый «дикий» фрагмент Псевдо-Кесария находит, казалось бы, объяснение в распространенных славянских верованиях. «Поедание грудей» сводится к общеславянским представлениям о порче – отнятии молока у кормящих матерей ведьмами (Малингудис 1990)⁷. Можно допустить, что до греческого монаха дошли известия о таких славянских суевериях, но контекст его вопрошания не соответствует мотиву порчи: порчу наводят, как правило, ведьмы и другие мифологические персонажи – их зловредные функции подробно проанализированы Л.Н. Виноградовой (Виноградова 2000:35–39, 58–60). Существенно, что подобные персонажи сохранялись и в собственно византийских суевериях: народ верил в некую Гиллу/Гилу – старуху с огненными глазами и железными руками: она губила новорожденных, вселяясь в их тела и поглощая высасываемое ими молоко (Скабалович 2004: 250). У нашего древнего автора речь все же идет о каннибализме – уничтожении кормящих матерей, а также младенцев, которых разбивают о камни; скорее, это напоминает стереотипное описание военного разгрома – расправы завоевателей над покоренным населением и его «генофондом». Неслучайно комментаторы Псевдо-Кесария приводят рассказ византийского историка конца X в. Льва Диакона (История 9.6: 78) о войне с росами и жертвоприношении, совершенном росами (русью) при кремации павших в битве с ромеями – они закололи «множество пленных мужчин и женщин», задушили несколько грудных младенцев и петухов, которых утопили в водах Дуная. Не менее выразителен рассказ патриарха Фотия о первом походе руси на Константинополь в 860 г.: «Можно было видеть младенцев, отторгаемых ими (росами. – В.П.), а заодно и от жизни [...], матерей, рыдающих от горя и закалываемых рядом с новорожденными» и т.д. (Кузенков 2003: 58).

Военный контекст представляется очевидным и в рассказе Псевдо-Кесария: быт славян сопровождают убийства – даже предводителя⁸, пере-

⁶ С появлением собственно славянской традиции мотивы приписывания варварам («языкам») неправильного (с христианской точки зрения) поведения, сохраняются; см. об обычаях живущих «звериньскимъ образомъ» плесен, «живуще скотъски: убиваху друг друга, яляху вся нечисто» и т.д. (ПВЛ:10–11).

⁷ Греческий автор сетует на ограниченность доступного фольклорного материала; ныне с изданием этнолингвистического словаря «Славянские древности» (СД) возможности праславянских реконструкций значительно расширились – см., в частности, статьи *Грудь* (СД, 1:563–566), *Отбиранье молока* (СД, 3:584–588).

⁸ И этот мотив вызывает исторические ассоциации, отсылающие к сюжету «золотой ветви», ритуализованному убийству вождя (Свод, Т.1: 258, прим.11), хотя сам сюжет носит скорее мифоэпический характер, чем восходит к неким ритуальным действиям (ср. Petrukhin 2004).

кликаются же они волчьим воем. Объединение славян напоминает «мужской союз» (ср. Галямичев, Михайлин 2003; Йорданов 1998). Мотив волчьего воя, возможно, отсылает к первому «каннибальскому», ибо в нем усматривают свидетельство оборотничества – ликантропии, общеславянского верования в волколаков, волков-оборотней (ср. Йорданов 1998; СД, 1:418–420). В славянской традиции боевая перекличка волчий вой приписывается обычаям степняков (ср. об утрах в Житии Константина – БЛДР, 2: 36; о половцах – ПВЛ:115). Однако вера в волков-оборотней – общеевразийский сюжет, упоминаний же о каннибальском пожирании грудей на Балканах распространено в книжности не только в отношении славян – Стефан Византийский приписывает этот обычай хабаренам, а Иероним – аттикам (Свод, Т. I: 257, прим. 5).

Впрочем «архетипически» этот мотив можно возвести к античным истокам (заметим, что Лев Диакон именовал языческие обычаи росов «эллинскими»): ср. миф о Ликаоне – царь Аркадии пожелал испытать божественный статус явившегося к нему в облике странника Зевса и подал к его столу мясо некоего юноши; спасаясь от молний разгневанного громовержца, Ликаон превратился в волка; обряд умерщвления младенца и каннибальской трапезы по легенде сохранился, однако, у аркадских пастухов – вкусивший человечины должен был выть по-волчьи и на несколько лет превращался в волка (Аполлодор III, 8,1; Грейвс 1992: 102–104). Переходный статус волка-оборотня (в том числе пресловутых берсерков – см. о формировании их образа: Либерман 2005) возвращает нас к военному контексту упоминания славянских обычаем Псевдо-Кесарием: война в архаической картине мира воспринималась как «переходный обряд», подобный жертвоприношению (см. в индоевропейской ретроспективе – Lincoln 1991: 131 ff.). Этот контекст едва ли позволяет усматривать в Псевдо-Кесарии первого славянского фольклориста, скорее, он использовал не славянский фольклор, а собственные стереотипы при описании вторгшихся на Балканы варваров.

Современная фольклористика подтверждает эту доминанту – приписывание «варварам» диких обычаем с использованием для их интерпретации собственных архаических суеверий. Уже в новое время немецкий путешественник барон Август Гакстгаузен, побывавший в России в 1843 г., составил описание кровавого причастия русской мистической секты (хлыстов), которые якобы предаются при радениях свальному греху. В недавней монографии А.А. Панченко (2002) приводит это описание в характерной главке «“Чужая вера” и “кровавый навет”»: на пасхальном богослужении в честь Божьей Матери радеющие укладывают в ванну соблазненную ложными послами и связанную пятнадцатилетнюю девицу, которой отрезают левую грудь (быстро останавливаая кровь), которую нарезают для причастия. Девушку сажают на престол (как Богородицу) и начинают оргию: дети, рожденные от свального греха, считаются зачатыми по наитию святого духа, искалеченные девицы почитались «святыми».

Согласно иным «свидетельствам», полученным от хлыстовской «богини Авдотьи» уже в 1864 г., после избрания «богородицы» и рождения «христосика» от свального греха, младенца приносили в жертву, имитируя крестную смерть Христа – пронзали левый бок «копием», сжекивая кровь в причастную чашу. Дальнейшее описание имеет, как представляется, непосредственное отношение к сказочному фольклору – тельце младенца на противне помещают в печь, затем толкнут пестом в ступе для причастия – Гилу здесь явно сменяет Баба Яга, пожирательница детей. Впрочем, такие же ритуалы в средние века приписывались еретикам богомилам (евхатам) византийским автором М. Пселлом (XI в.: см. Оболенски 1998:130). Естественным представляется сопоставление этого «фольклора» с распространенным в средние века (а в России и в новое время) «кровавым наветом» против евреев, конструированным на основе собственного религиозного опыта (евхаристии) и инвертированного образа чужой веры (ср. Панченко 2002: 154–170; Кацис 2006: 360–375) и т.п.⁹. Тот же культурный механизм породил текст Псевдо-Кесария: нет оснований возводить хлыстовские рационации, даже в качестве пережитка¹⁰, к обычаям праславян.

Литература

- Аполлодор – *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Издание подготовил В.Г. Борухович. Л., 1972.
- БЛДР, 2 – Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1999.
- Велецкая 1978/2003 – *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978/2003.
- Виноградова 2000 – *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
- Галымичев, Михайлин 2003 – *Галымичев А.Н., Михайлин В.Ю.* Государственная власть и традиции воинских мужских союзов в славянском мире (к постановке проблем) // Логос 4–5, 2003. С. 234–242.

⁹ Щадящим» религиозным наветом, связанным с «реалиями» этой заметки, можно считать донесенный до папы Иннокентия III рассказ, что на Пасху евреи заставляли кормилиц-христианок сжекивать молоко в отхожее место (Стой 2007: 317–318).

¹⁰ Энтузиаст кровавого навета В.В. Розанов возводил обряды сектантов к античным мистериям, а еврейский кровавый ритуал – к культу Баала и Астраты (см. Кацис 2006: 306, 341–344). Реликты эволюционистских конструкций XIX в. имеют некоторое распространение в современной отечественной историографии, преимущественно среди адептов т.н. исторической школы, на прямую возводящей фольклорные (эпические) сюжеты к древним историческим реалиям. К этим реликтам относятся переиздаваемые книги Н.Н. Велецкой (Велецкая 1978/2003), интерпретирующей обычай уничтожения карнавальных чучел типа Костромы и Купалы как пережитки обряда убийства стариков у славян, или книга И.П. Рusanовой и Б.А. Тимошука (Рusanova, Timoshuk 1993/2007), где человеческие останки, обнаруженные на разоренных древнерусских поселениях, интерпретируются как свидетельства человеческих жертвоприношений, сохранившиеся в юго-западной Руси и в христианскую эпоху. Ср. об этнографических конструкциях, усматривающих реальные основы под «религиозными наветами»: Данцес 2003: 204–230; Панченко 2002: 159 и сл.

- Грейвс 1992 – Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992.
- Дандес 2003 – Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М., 2003.
- Йорданов 1998 – Йорданов С. Славини и фесонити от «Диалози» на Псевдо-Кесарий и феноменът на ликантропията в славянското общество от времето на Великото преселение на народите// Славистични проучвания. Сборник в чест на XII международен славистичен конгрес. Велико Търново, 1998. С. 73–78.
- Кацис 2006 – Кацис Л.Ф. Кровавый навет и русская мысль: историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М. – Иерусалим, 2006.
- Кузенков 2003 – Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003.
- Курта 2008 – Курта Ф. Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.)// Studia Slavica et Balcanica Petropolitana № 2 (4). 2008.
- Лев Диакон – Лев Диакон. История. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.
- Либерман 2005 – Либерман А.С. Германисты в атаке на берсерков // Древнейшие государства Восточной Европы 2003. М., 2005.
- Малингудис 1990 – Малингудис Ф. К вопросу о раннеславянском язычестве: свидетельства Псевдо-Кесария // Византийский Временник. Том 51. М., 1990. С. 86–91.
- Назаренко 2010 – // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники / Составление, перевод и комментарий А.В. Назаренко. М., 2010.
- Нидерле 1956 – Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
- Оболенски 1998 – Оболенски Д. Богомилите: студия върху балканското новоманихейство. София, 1998.
- Панченко 2002 – Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- ПВЛ – Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.
- Прыжов 2008 – Прыжов И. Двадцать шесть московских дур и дураков. М., 2008.
- Русанова, Тимошук 1993/2007 – Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святыни древних славян. М., 1993/2007.
- СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь // Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1–4. М., 1999–2009.
- Свод – Свод древнейших письменных известий о славянах. Под ред. Л.А. Гиндина и Г.Г. Литаврина. Т. I–II. М., 1991–1995.
- Седов 2002 – Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Скабаланович 2004 – Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в. Книга II. СПб., 2004.
- Стой 2007 – Стой К. Отчужденное меньшинство: Евреи в средневековой латинской Европе. М., 2007.
- Чаусидис 1994 – Чаусидис Н. Митските слики на јужните словенци. Скопје, 1994.

- Lincoln 1991 – *Lincoln B.* Death, War, and Sacrifice. Studies in ideology and practice. Chicago, 1991.
- Petrushin 2004 – *Petrushin V.* A note on the Sacral Status of the Khazarian Khagan: tradition and reality // Monotheistic kingship: the medieval variants / ed. by Aziz Al-Azmeh, Janos M. Bak. – Budapest ; New York, 2004. P. 269–275.
- Shepard 1995 – *Shepard J.* The Rhos guests of Louis the Pious: whence and wherefore? // Early Medieval Europe. 1995. 4(1).
- Werner 1953 – *Werner J.* Slawische Bronzfiguren aus Nordgriechenland. Berlin, 1953.

*
* * *

Vladimir Petrukhin

Institute for Slavic Studies Russian Academy of Sciences, Moscow

Early Slavs and Rus' in the Balkans (VI–Xth centuries): wars and sacrifices

Theophylact Simocatta, the last historian of classical antiquity, informed in his "History" (VI.2) about the first appearance of the Slavic embassy at the court of Emperor Maurice (582–602). The Slavs had no weapons except kitharas, because they preferred music, but not war. The Emperor asked them about their origin, and they said that they were from Slavic ethnos ($\Sigma \kappa \lambda \alpha \nu \eta \nu \iota \omega \iota$) from the Western ocean. Maurice was admired by their peace-loving and let them go.

The similar situation was repeated when the first embassy of Rus' appeared at the court of the Frankish Emperor Louis the Pious in Ingelheim in 839 (*Annales Bertiniani*). The Russians came from Constantinople with the letter of Emperor Teophilos who wrote that the Rhos embassy came with peace searching for undangerous way back for their country. But when Louis asked Rhos about their origin and recognized that they "were of the people of the Swedes" (*eos gentis esse Sueonum*), he suspected them as the Viking spies and arrested them.

These topics with common motifs demonstrate the importance of the "name-giving" ("making of nations") theme during the first contacts for both sides: for empires as well as for "nations".

Different image of the Slavs was presented in Pseudo-Kaisarios treatise (middle of the VIth century): they were furious barbarians who were killing babies in arms and devouring breasts of nursing mothers. This image was connected with traditional stereotypes presenting the barbarian invaders (including Rus' in Leo the Deacon description).

И.А. Седакова
Институт славяноведения РАН. Москва

Образ русского языка в Болгарии (в свете языковых и других союзов)¹

В культурной, политической и экономической истории Болгарии Россия всегда играла важную роль, и русскому языку в болгарско-российских отношениях отводилось не последнее место. Это обусловлено отчасти многогранными функциями языка, который, являясь важнейшим средством коммуникации, не только передает прямую информацию, но и аккумулирует в себе все символико-коннотативное богатство экстралингвистической реальности. Поэтому, изучая образ языка в иноязычной среде, можно говорить и о собственно лингвистических аспектах, и о языке как мифологеме и культурном концепте².

В этой статье мы сосредоточимся на восприятии русского языка болгарами с учетом вхождения этих двух языков в языковые союзы, а самих стран, где говорят на этих языках, в союзы иного рода – идеологические, геополитические, экономические и пр. Язык в статье будет пониматься широко – и как лингвистическое понятие, и как средоточие культурных, политических и др. смыслов.

Основные исторические этапы русско-болгарских отношений, в том числе и языковых, уже хорошо освещены в науке (Бабов 1978; Венедиков 2004 и др.). Немало работ написано об изменениях болгарского языка в годы социализма, начиная с первых признаков советского влияния (Андрейчин 1952; Андрейчин 1957; Георгиев 1969; Леков 1953; Леков 1959; Москов 1964; Мутафчиев, Анкова 1949–1950). Известны работы по постперестроечной трансформации болгарского языка, характеризующие отход от клише советского «новояза» и дискурса социалистических времен (Беновска-Събкова 2001; Иванова 2004; Михайловска 1999; Парзулова 1999; Стоянова 2003); есть сопоставительные исследования некоторых сходных процессов в современном развитии болгарского и русского языков (Стоянова 2006). Однако в целом восприятие русского языка в Болгарии постсоциалистического периода, который, как теперь видно, состоит из несколь-

¹ Статья написана в рамках проекта программы Президиума РАН «Базовые социокультурные ценности и их метаморфозы в языках, литературах и фольклоре народов России: история и современность».

² Языковая близость является одним из факторов выбора страны для эмиграции (Анастасова 2005).

ких подпериодов – от полного отрицания русского до ностальгических чувств и прагматических решений, – исследован недостаточно, как нет и всестороннего рассмотрения проблемы (по крайней мере, в доступной мне литературе).

Я остановлюсь на том историческом отрезке отношения к русскому языку в Болгарии, свидетелем и участником которого я как лингвист-болгарист являюсь (с середины 1970-х годов до наших дней). Здесь сразу же надо сделать важную оговорку: в последние годы научные исследования развивают несколько иную стилистику по сравнению с той, что была до коренных изменений во всех областях, которые принесла перестройка и наступление эры Глобальной сети. Если в первые перестроечные годы изменилась тематика исследований и стало возможным изучать ранее запрещенные и нежелательные области знаний (религию, диссидентство, эмиграцию и пр.), а оценки исследователя кардинально поменялись с положительной на отрицательную (исследователи соцреализма занялись изучением «лагерной» литературы или литературы эмиграции и пр.), то теперь, когда уже привыкли к новой проблематике, значительно меняется методология. Личное восприятие становится очень важным; цennыми являются и наши свидетельства – поскольку это память, это фрагменты истории, это своего рода документы, которыми нельзя пренебрегать. Таким образом, собственные наблюдения составляют основу этого небольшого исследования. Встречи в Болгарии как с русофобами, так и с русофилами за эти десятилетия позволяют составить картину восприятия русского языка. Важнейшим источником послужил также Интернет, многие сайты которого дают не только официальную информацию, но и содержат живые отклики и комментарии на события, связанные (в нашем случае) с имиджем России в Болгарии.

Анализируя отношение к русскому языку в последние тридцать с лишним лет, мы сразу же сталкиваемся с невероятной сложностью основных понятий, которые не могут определить и разграничить в России сами носители этого языка и этой культуры. Что есть русское (российское) и советское? Может ли быть одно явление и русским, и советским? Что значит человек советский и человек русский? Огромная литература по советологии и изменениям в языке постепенно проясняет положение дел, но четкого разделения нет и явно быть не может (Вайс 2000; Данн 2008; КараМурза 2007; Клушина 1996; Костомаров, Бурвикова 2001; Купина 1995; 2009; Скляревская 1998 и др.). Для уточнения некоторых положений этой статьи, особенно в попытках разграничения русского и советского в Болгарии, мы прибегли к блиц-опросу коллег-болгар. В ответ на просьбу обозначить тремя ключевыми словами «русское» и «советское» были получены данные, которые показали, что молодое поколение почти не различает эти два понятия, и русским языком оно в основном не владеет. Для старших поколений «советское» несет в себе идеологический заряд (упоминаются советские достижения и герои – Гагарин, реалии – Мавзолей и пр.), в том числе и осмыслиенные в постсоциалистическое время анти-ценности

и анти-герои (ГУЛАГ, Сталин и пр.). «Русское» же связано преимущественно с культурой России – это писатели (Достоевский, Толстой), музеи (Эрмитаж) и сам русский язык.

Положение о размытости понятий Россия – СССР, советский – русский необходимо учитывать при изучении восприятия русского за рубежом. Длительный период отказа от этнонима «русский» и доминирование определения «советский» уменьшили число русофилов, поскольку «русский» стало синонимом идеологизированного «советский» (см. ниже). Кроме того, под «советскими» стали подразумеваться люди, относящиеся к разным этносам, но говорящие на русском языке, что автоматически перенесло на них этноним «русский» после перестройки. (Перепрыгивая в наше время, отметим, что до сих пор в Болгарии и других зарубежных странах нередко «русскими» называются выходцы из бывших советских республик, причем не только славяне.)

Социалистически ориентированная часть населения Болгарии (в основном партийные активисты и сельские жители) использовала новояз и переносила его в свой языковой идиом, появились группы «советофилов», представителей которых нам приходилось встречать и в полевой работе в болгарских селах (ностальгически вспоминаются марки тракторов, транзисторов ВЭФ, поездки по маршруту Москва-Киев-Одесса и пр.). Наоборот, интеллигенция противопоставляла себя советским реалиям и оставалась в лагере русофилов, стараясь не переходить на новояз и придерживаться классических образцов языка. Таким образом, в социалистической Болгарии через отношение к русскому языку проявлялось восприятие советского (или, наоборот, несоветского, антисоветского, диссидентского) как «своего», «близкого» или «чужого» (об отношениях русских к новоязу в семиотическом освещении см.: Николаева, Седакова 1994).

В нашей работе мы будем определять как «русское» нейтральное, не маркированное идеологией отношение к языку и культуре, а как «советское» – маркированное с точки зрения «деревянного» идеологизированного языка и с точки зрения культурно-политического содержания.

Образ русского языка в Болгарии нельзя интерпретировать без анализа вхождения болгарского языка в союзы. *Союз, объединение, интеграция* были и остаются ключевыми словами для болгарского государства и общества в разные исторические периоды. Идея соединения отражена в национальном гербе Болгарии, на котором красуется девиз «Съединение прави сила-та». Соединение противопоставляется прежде всего изоляции, но и разъединению. Вхождение в союз с однimi странами подразумевает отход, охлаждение отношений (вплоть до враждебности) с другими. Не будем останавливаться на историко-политических аспектах (концептах независимости, сохранения/возрождения идентичности) этих сложнейших процессов, а обратимся к лингвокультурным областям.

Спецификой болгарского языка является то, что он входит в несколько языковых союзов. В кругу генетически родственных славянских языков

болгарский по некоторым параметрам весьма близок русскому, по иным же – очень далек от него. Отсутствие падежей, наличие артиклей, множество турцизмов в болгарском сочетается с очень схожим звучанием корней и во многом идентичной морфологией болгарских и русских слов. Кажущаяся легкость болгарского языка для русских, не изучавших специально болгарский и не имевших прямых контактов с болгарами, не говорящими по-русски, создала особую мифологему: болгарское слово – это русское, к которому добавляется *-та: любовта, смената, историята* или *-то: селото* и пр. Из своего опыта преподавания болгарского языка могу сказать, что нередко студенты-русисты, выбирая славянский язык, записывались на курс болгарского как «на самый легкий язык из всех славянских». Знакомство с грамматикой, сложнейшей глагольной системой, артиклами и пр. такую иллюзию быстро развеевало. Сложность болгарского для русского человека подтверждается наблюдениями многих исследователей, изучавших степень владения болгарским языком у русских женщин, вышедших замуж в Болгарии. Почти никому из них, «русских жен», не удается полностью овладеть фонетикой, грамматикой и лексикой болгарского языка. Миф о «легкости» болгарского для русских дожил до наших дней, однако при первом контакте русского человека с болгарской устной речью возникает непонимание, и этот миф моментально разбивается³. Русский же язык никогда не воспринимался болгарами как легкий, несмотря на тот факт, что изучать его в школах в годы социализма должны были все. Пресловутые падежи (стереотипический образ сложности русской грамматики) всегда были и остаются камнем преткновения на пути овладения активным русским болгарами, в языке которых падежная система у существительных и прилагательных отсутствует.

Упомянутое выше непонимание русскими болгарского объясняется отчасти тем, что Болгария — одна из важнейших частей Балкан, а болгарский язык (в разных его ареалах) причисляется учеными к эталонным членам балканского языкового союза (Асенова 2002). Отметим особую восприимчивость болгарской народной культуры к укоренению и освоению заимствований и балканских. В зависимости от контекста «не свое» (турецкое, греческое) слово может становиться для болгар «своим», то есть полностью ассимилироваться и вытеснить славянские эквиваленты на периферию. Множество турцизмов, не имеющих славянских синонимов (ср. *юмрук* ‘кулак’, *чаршия* ‘торговая площадь’, *пердета* ‘ занавески’ и мн. др.), кулинарная баланская терминология и культура делают повседневный болгарский непонятным для русских. Не останавливаясь подробно на проблеме турецких заимствований в болгарском, отметим парадоксальный факт – после длительной «спячки» турцизмов и их ограниченного употребления

³ В июне 2011 года я летела в самолете, который, не набрав высоту, приземлился в аэропорту вылета. Пассажирам не сообщали о возникших проблемах, однако на выходе стояла стюардесса и всем говорила: *Едно птице попадна в мотора* («Птица попала в мотор»). Эту фразу не понял никто, и все русские недоумевали, что же случилось.

бления в жаргонной и экспрессивной сферах в годы социалистической Болгарии, теперь они превратились в полноценных участников официального, даже политического дискурса, а также СМИ и Интернета.

Особую сложность, как уже отмечалось, в картину отношений болгар к русскому языку добавляет тот факт, что болгарский язык в течение 40 лет входил в идеологический (политический) языковой союз (ИЯС) особого типа, особых размеров и особых законов создания/существования/исчезновения, где русский (советский) язык был *lingua franca* (подробнее: Седакова 2008). Речь идет о союзе языков, которые распространены на огромной территории, расположенной в Европе, Азии (в том числе Юго-Восточной) и Латинской Америке. Это те языки, которыми пользовались (пользуются) народы стран социализма и которые подверглись колоссальному идеологическому давлению⁴. Политическое влияние распространилось на все сферы жизни общества и, что особенно важно для нас, на язык в самых разных его проекциях.

Болгария, вошедшая в этот союз после Второй мировой войны, увидела версию русского языка уже в его «советской» форме, с готовыми идеологическими (лексическими, стилистическими, словообразовательными и др.) штампами и моделями, а также получила сложившуюся доктрину с ее атеизмом, этическими и эстетическими ценностями. Исследователи языковых союзов отмечают, что помимо общих языковых признаков, у народов, говорящих на этих языках, развиваются общие черты материальной и духовной культуры (Эдельман, Цивьян 2005: 16; Цивьян 1990; 2005). Это справедливо и для балканского языкового союза, и для идеологического, и особенно отчетливо проявлялось в отношении болгар к советским реалиям. Официально в социалистической Болгарии доминировала советская картина мира, для которой характерны: общность системы мышления и категорий оценок, культурно-эстетических и этических установок; специфическая трактовка исторических событий и создание героических пантеонов; сходство реалий и жизненного уклада в целом, а также экономики, политических приоритетов и т.д. Граждане Болгарии в годы социализма получили возможность описывать мир в одинаковых оценочных категориях (о ценностях в плане аксиологии, особенно о ряде «понятий, составляющих устойчивые “идеологические текстовые перечни”», см.: Бартминьский 2005: 115–130). К базовым идеологическим ценностным разделятельным категориям, имеющим эксплицитное и имплицитное выражение, относится прежде всего ошозия «свое=социалистическое» / «чужое=буржуазное», которая прочитывается в любой информации и обслуживается специальным «социальным» словарем. СССР и «советский» язык для СМИ и партийного дискурса были «своим», а дореволюционное «русское» нередко «чужим», буржуазным. Эксплицитная идеологизация, деление на «своих» и «чужих», «чуждых» применялись для всех отраслей знания, при

⁴ «Языковой союз СССР входит в более широкий языковой союз социалистических наций Европы...» (Степанов 1975: 207–210).

этом информация, связанная с зарубежьем, подавалась с позиции «нашего» и «их», «белого» и «черного».

Несмотря на то, что языки стран народной демократии, равно как и их история, были столь различны, постепенно сформировался набор признаков, который проявлялся в каждом из этих языков. Это относится к синтаксису (выработка канцелярского стиля, демагогические построения), лексике (общий фонд заимствованных лексем или калек), ономастике (принципы создания топонимов и антропонимов), к аббревиатурам и шире к словообразованию. Создавались специфические идеологические тексты – призывы, лозунги и речевики, особое развитие получил жанр политического выступления (см. о Болгарии: Македонска 1967). С точки зрения идеологии оценивались произведения искусства, нередко и гуманитарные исследования по подходу к объекту изучения, а также стилю изложения должны были соответствовать принятым в социалистическом обществе мировоззренческим устоям. Современные исследователи болгарского новояза и социалистических СМИ отмечают специфические черты журналистики, которые абсолютно повторяют советские: «Даже поверхностный анализ тоталитарной модели болгарской журналистики показывает, насколько она была деформирована в результате сверхидеологизации, насколько она манипулирована и превращена в элементарный инструмент партийной пропаганды, дезинформации или информационного занавеса. Как раз отдаление СМИ от их основных функций, их нагрузка агитационными и пропагандистскими задачами, то, что они были поставлены на служение управляющей коммунистической партии, уничтожило их сущность, помешало выполнять свои основные задачи – объективно отражать социальную жизнь, быть коррективом общества, способствовать его развитию, благоденствию населения на протяжении почти пятидесяти лет (1944–1989). Сверхидеологизация медий в тоталитарном государстве превращает их в анти-медиа, а журналистику – в антижурналистику, так как и медиа, и журналисты передают самих себя, выполняя контролированные заказы, обслуживающие только и единственно авторитарный режим и коммунистическую идеологию» (Стойков 2008).

С этой точки зрения официальная коммуникация между болгарами и русскими была облегчена, поскольку строилась на понятных для всех участников концептах и ценностях. Теперь же молодому поколению, которое совсем не знает реалий и языка социалистической эпохи, нужны толковые словари (Мокиенко, Никитина 1998; Сарнов 2002 и др.). Однако и в те годы, когда, казалось, на русском языке болгары и русские могут объясняться, происходили коммуникативные неудачи. Эти неудачи, к примеру, основывались на традиционных этностереотипах, отраженных в языковых клише. Так, одна из моих студенток собиралась выйти замуж за болгарина. Когда родители болгарского жениха присехали в Москву, родители невесты, желая сделать комплимент, сказали: «Ваш сын такой красивый – как цыган, кудрявый, смуглый... ». Свадьба не состоялась – отношение к цыганам

в Болгарии совсем иное, чем в России. И в СССР, что невероятно удивляло болгар, был цыганский театр, концерты цыганских романсов и пр. События сентября 2011 года в Катунице и крупнейших городах Болгарии подтверждают, что антицыганские настроения сохраняются до сих пор, тогда как в России конфликтные ситуации развиваются применительно к другим этносам.

Болгарский язык можно считать одним из эталонных членов языкового идеологического союза. Будучи близким по словарному составу и по морфологии русскому, болгарский язык усвоил в полной мере черты тоталитарного языка. Однако Болгария стала одной из первых стран, которая незаметно, «по-английски», вышла из соцлагеря и сразу же отказалась от русского языка и вообще связей с «братьским» русским народом. Русский язык, который до этого изучался начиная с раннего детства, был выведен из программ школ, курсы русской филологии сокращены в ВУЗах. Языковым ориентиром стал английский как ELF (European lingua franca), а русским языком спустя 15–20 лет после перестройки в Болгарии уже почти не владеют. Яркими примерами могут послужить следующие факты: подготовка выпуска журнала «Български фолклор» (№ 3–4, 2006), посвященного русской фольклористике, – все статьи и материалы пришлось переводить на болгарский, поскольку по-русски уже многие читатели не понимают; язык переписки с русскими коллегами у молодых болгар, не знающих русский, – английский; проведение славистических конференций на английском языке и пр.

Интересно, что многие канцелярские клише и социалистическая стилистика, пришедшие в болгарский язык вместе с «советским» языком, живы до сих пор. Они сразу же узнаются носителями языка, ср. полемику вокруг гимна партии ГЕРБ в Болгарии, где проводятся параллели с классическими произведениями болгарского соцреализма⁵.

Выход из языкового идеологического союза у всех входивших в него стран типологически одинаков, на примере Болгарии мы анализировали эту схему в статье (Седакова 2008). Дивергенция, основанная на духе сепаратизма (по терминологии Р. Якобсона (Якобсон 1985: 95)), после долгих лет унификации стиля идет неравномерно. Вероятно, здесь можно говорить о том, что, чем глубже идеология и ее терминология проникли в официальный язык, чем дольше существовало такое давление, тем сильнее стало отталкивание от советизма, но при этом труднее идет и отказ от них. Одним из первых социолингвистических действий по выходу из ИЯС стало переименование пространства. Ономастические процессы охватили

⁵ Дискуссии вокруг деятельности партии ГЕРБ («Граждани за Европейско Развитие на България») и особенно недавно появившийся ее гимн вызывает у некоторых болгар ассоциации с социалистическим прошлым (ср. комментарии на Фейсбуке, например, цитирование песни из патриотического фильма «На каждом километре»: *Нас червеното знаме роди ни* («Нас родило красное знамя»), предложение членам партии сделать своим символом звезду и т.п. <http://www.facebook.com/boris.loukanov/posts/185600284841669>).

в начале 90-х годов все языки стран пост тоталитаризма, и переименование городов, улиц, станций метро, предприятий и пр. символизировало перечеркивание общего прошлого – общих героев, ценностей и идеалов, атеистических убеждений и пр. Возврат к досоциалистической системе топонимов и отказ от пантеона советских героев имели место и в Болгарии.

Кроме пространства, важные изменения претерпела реструктуризация времени, особенно календаря и праздников. Поскольку праздники – это то, что объединяет и одновременно разъединяет людей (в зависимости от возраста, профессии, идеологических убеждений и пр.), конструирование годового цикла – важный момент политики, что находит отражение и в социолингвистических процессах. Религиозные и домашние праздники заняли свое законное место в годовом цикле, однако официальные праздники и их представление в речи политиков и в СМИ вызывают много дебатов. Анализируя «новые» политические даты в России и Болгарии, нельзя не заметить, что их выделение как памятных дней соотносится с теми процессами, которые происходят в языке и в обществе. Особенно важными представляются следующие: развитие национальной идентичности путем названия праздника и его «языкового образа», аккуратная замена идеологического торжества другим историческим памятным днем, не связанным с социалистической историей (хронологически эти знаковые даты не должны отстоять далеко друг от друга, ср. 4 ноября – День национального единения в России (введен в 2006 году) и 7 ноября – день Октябрьской революции; в Болгарии 9 сентября – День революции и 22 сентября – день Независимости (введен в 1998 году) и т.д.).

«Внутренняя» оценка синхронных срезов языка – русского языка 90-х, нулевых и пр. русскими, болгарского – болгарами тоже отличается. Время как важнейшая семиотическая категория существенна для развития языков и после их выхода из идеологического языкового союза. Яркое противопоставление советского и несоветского (постсоветского), например, наблюдается в русском языке, развившем на социолингвистической основе четкую оппозицию прошлое/настоящее (подробнее см.: Седакова 1995; 2005), которая проявляется не только в маркированности социалистической лексики и пр. как политически окрашенной, но и дает основания для постоянного сравнения временных пластов, для игры слов.

В наши дни идеологию заменила *коммерция*, и это особенно заметно на примере развивающейся быстрыми темпами рекламы, которая в советские годы практически отсутствовала. Растет численность коммерческой метафорической лексики и в русском, и в болгарском, а сам коммерческий дискурс отвоевывает все большее пространство. Реалии современной Болгарии приводят к тому, что русский язык оказывается востребованным в районах туризма. С возникновением целых «русских» городков и поселков на Черноморском побережье вырос интерес к русскому языку как незаменимому языку для общения.

Необходимо отметить и еще одно важнейшее языковое явление последних десятилетий – зарождение и быстрое развитие международного виртуального языка, поколенческого, который основывается на англизмах. Это вносит дополнительные возможности для взаимопонимания болгар и русских, которые уже прибегают к международному языку, иногда адаптируя его к славянским корням.

Сейчас, когда информационное поле расширилось в разы, и к традиционным СМИ добавились Интернет-ресурсы, появились возможности для свободного выражения своего мнения – в чатах, блогах и пр. Языковые, политические и социокультурные стереотипы срабатывают в Интернет-дискуссиях – обычно появляются клишированные фразы, нередко вспоминаются герои произведений искусства, деятели культуры и исторические лица. Отношение к России и аллюзии к русскому языку зачастую связаны с мемориалами, которые подвергаются нападкам в Болгарии и других странах. Так, долгое время в Интернете комментировалась акция по разукрашиванию памятника советским солдатам в Софии (июнь 2011). Исторические события 1944–1945 гг. интерпретировались и как оккупация советскими войсками Болгарии (в духе прибалтийских государств, где созданы музеи оккупации), и даже как геноцид, но и как освобождение страны. Среди множества злобных антисоветских и незначительного числа просоветских позиций встречаются вполне объективные, учитывающие сложность ситуации: *За сравнително добрите отношения между хората от двете страни не можем да спорим. Колкото се отнася до държавите⁶ ...* («Об относительно хороших отношениях между людьми двух стран мы спорить не можем. Но что касается государств...») http://www.webcafe.bg/id_930822382#Comments.

Широко обсуждалось в Интернете и открытие мемориала «Военно-морская слава России» на мысе Калиакра на Черном море в честь 220-летия победы Черноморского флота России под руководством Ф.Ушакова над Османской империей (август 2011). В 2006 году на мысе Калиакра уже был воздвигнут памятник самому адмиралу, и возведение еще одного мемориала встревожило болгар. Реакции, которые мы обнаруживаем в Интернет-дискуссии, очень показательны. В соответствии с общими законами Интернет-аксиологии доминирует озлобленный негатив, в данном случае по отношению к «старшему брату» (отстаивание «своего», болгарского), которому противостоят единичные русофильские и нейтральные объективные высказывания: *Стига са ни русифицирали* («Хватит нас русифицировать!»); *Ние герои си имаме, но многое общичаме да сложим на големия брат* («И у нас есть герои, но нам очень нравится служить страшему брату»); *Нямам нищо против паметника, но той трябва да е издигнат с руски пари* («Я не против памятника, но пусть его ставят на русские деньги»); *Браво! Руски те войници и св. Федор Ушаков заслужават това* («Браво! Русские солда-

⁶ Орфография и пунктуация источника при цитировании Интернет-материалов сохраняется.

ты и Федор Ушаков этого заслуживают» (http://www.dariknews.bg/view_article.php?article_id=780422).

В этой дискуссии упоминается еще один факт из почитания русской культуры и истории – установка памятника Ф.М. Достоевскому в Добриче на деньги городского бюджета, что вызывает возмущение горожан, поскольку, как многие уточняют, русский писатель не имеет никакого отношения к этому небольшому болгарскому городу. Однако даже небольшое Интернет-расследование позволяет узнать, что в Добриче много русофилов, что по инициативе граждан там изучается русский язык («как второй иностранный»), проводятся просмотры советских и российских кинофильмов и пр., так что установка памятника не случайна.

В заключение можно сказать, что русский язык и стоящий за ним огромный пласт русской культуры (включая и советский исторический период) вызывает разнообразные отклики у болгар – от раздражения и отрицания до глубокого почитания. Однако, кажется, все разногласия снимаются при первых звуках русских строк Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого – любимцев Болгарии⁷ и других бывших социалистических стран. Эти имена, безусловно, воспринимались и как диссидентские, но все же это авторы эпохи СССР, и их язык – это русский язык советского периода. Приведу лишь несколько комментариев к выложенным в YouTube песням этих авторов, свидетельствующих о том, что русский язык и культура России всех времен находятся на вершине в иерархии ценностей в болгарском обществе. Показательно, что пишут люди разных поколений, нередко явно из эмиграции (даже по-английски), по-русски с ошибками, но всегда только с высокими эмоциональными оценками.

Комментарии к песням Булата Окуджавы: *Wonderful! I had the fortune to see and hear Bulat Okudjava live concert in Sofia (Bulgaria) in the 1980s and even got his autograph. It meant a lot then and it means even more now!* («Прекрасно! Мне посчастливилось видеть и слышать Булата Окуджаву на его концерте в Софии (Болгария) в 1980-е годы, я даже получил его автограф. Это значило очень много в те времена, а сейчас – еще больше!»); *BRAVO! from Bulgaria* («Браво! Из Болгарии»); *Песен от която настъръхва!* («Песня, от которой мурашки бегут по телу»); *Я БЫЛА МАЛЕНЬКОЙ, НО ПОМНИЮ НАВЕРНОЕ ВСЕГО ОКУДЖАВУ, У НАС В ДОМЕ ДЕДУШКИ И БАБУШКИ ОН ЗВУЧАЛ ЧАСТО.* И вот комментарий к песне Булата Окуджавы «О Володе Высоцком»: «Как умел, так и Жил... Володя... здесь в Болгария тоже люди любят».

Поскольку эта статья публикуется к конференции, которая состоится в Польше, не могу не процитировать важнейшие по этой теме комментарии поляков: *Bulat Okudżawa I wszystko jest jasne. Super* («Булат Окуджава и все ясно. Супер»), и, наконец: *Окуджава был великим человеком. Я не слушаю политиков... Русские... Это наши друзья. Pozdrowienia z Polski.*

⁷ В Болгарии устраивались концерты Владимира Высоцкого, свободнее, чем в СССР, продавались его пластинки и сборники стихов и пр.

Литература

- Анастасова 2005 – Анастасова Е. Руснаци // Иммиграцията в България / Съст. и научна редакция А. Кръстева. София, 2005.
- Андрейчин 1952 – Андрейчин Л. Ролята на руския език в развитието на съвременния български книжовен език // Български език. София, 1952. № 3–4.
- Андрейчин 1957 – Андрейчин Л. По въпроса за ролята на руския език от съветската епоха за развой на съвременния български език // Български език. София, 1957. № 5.
- Асенова 2002 – Асенова П. Балканско езикознание. Велико Търново, 2002.
- Бабов 1978 – Бабов К. Руско-българските езикови контакти и въпросът за типологията на русизмите в българския език // Славянска филология. 15. Езикознание. София, 1978.
- Беновска-Събкова 2001 – Беновска-Събкова М. Политически преход и всекидневна култура. София, 2001.
- Вайс 2000 – Вайс Д. Новояз как историческое явление // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000.
- Венедиков 2004 – Венедиков Г.К. Из наблюдений над ранним русским влиянием на формирование болгарской канцелярско-административной лексики // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков иialectов: социокультурный аспект. М., 2004.
- Георгиев 1969 – Георгиев Ст. Към въпроса за лексикалното развитие на съвременния български език в периода на социалистическото строителство // Език и литература. София, 1969. № 5.
- Дани 2008 – Данн Дж. А. Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца // Политическая лингвистика. 3(26) 2008.
- Иванова 2004 – Иванова Р. Култура на кризата. Криза в културата. София, 2004.
- Кара-Мурза 2007 – Кара-Мурза В. Демонтаж народа. М., 2007.
- Клушина 1996 – Клушина Н.И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь. М., 1996. №5.
- Костомаров, Бурвикова 2001 – Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб., 2001.
- Купина 1995 – Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Купина 2009 – Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2009. №2 (28).
- Леков 1953 – Леков Ив. Новият производствен и обществено-политически живот и речникът на българския език // Език и литература. София, 1953. №5.
- Леков 1959 – Леков Ив. Отражението на новата материална и обществена действителност в българския език // Български език. София, 1959. № 4–5.

- Македонска 1967 – *Македонска Цв.* Политически лозунги в нашия печат след Октомврийската революция // Български език. София, 1967. №5.
- Михайловска 1999 – *Михайловска Е.* Памет и переход. София, 1999.
- Мокиенко, Никитина 1998 – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
- Москов 1964 – *Москов М.* Социалистическите преобразования у нас и речникът на българския език // Български език. София, 1964. № 4–5.
- Мутафчиев, Анкова 1949–1950 – *Мутафчиев Р., Анкова Н.* Промени в лексиката на българския език след 9 септември // Език и литература. София, 1949–1950. № 2.
- Николаева, Седакова 1994 – *Николаева Т.М., Седакова И.А.* Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи // Revue des Etudes Slaves. Paris, LXVI/3, 1994. Р. 607–625.
- Парзулова 1999 – *Парзулова М.* Влиянието на промените в пост- тоталитарното общество върху българския език. Велико Търново, 1999.
- Сарнов 2002 – *Сарнов Б.* Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002.
- Седакова 1995 – *Седакова И.А.* О советизмах в русском языке // Знакомый незнакомец. М., 1995.
- Седакова 2005 – *Седакова И.А.* Язык, который нас окружает. Прошлое в настоящем // Язык. Личность. Текст. Сборник в честь Т.М. Николаевой. М., 2005.
- Седакова 2008 – *Седакова И.А.* Распад «идеологических» языковых союзов: универсальное и специфическое // Сборник докладов российской делегации к XIV съезду славистов. М.: Индрик, 2008.
- Скляревская 1998 – *Скляревская Г.* (ред.). Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.
- Степанов 1975 – *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. Учебное пособие. М., 1975.
- Стойков 2008 – *Стойков Л.* Из истории средств массовой информации // Relga. Научно-культурологический журнал. № 17 (180). 15.12.2008. (www.relga.ru).
- Стоянова 2003 – *Стоянова Л.С.* Этнопсихология, культура, медия – съзвучия и дисонанси. Варна, 2003.
- Стоянова 2006 – *Стоянова Е.* Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Шумен, 2006.
- Цивьян 1990 – *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Цивьян 2005 – *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.
- Эдельман, Цивьян 2005 – Эдельман Д.И., Цивьян Т.В. Языковые союзы и ареалы языковой и этнокультурной конвергенции на территории Евразии // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие. М., 2004.
- Якобсон 1985 – *Якобсон Р.* О теории фонологических союзов между языками // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

Irina Sedakova

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

The image of the Russian language in Bulgaria in the light of linguistic and other unions

What stands behind Bulgarian-Russian language relations and what determines the mass medias' and people's attitudes to any foreign language in alien surroundings – these are the questions I will shed light on in my paper. Any language, apart from being the major means for communication, can serve as a concept itself, as a mythological notion, and the Russian language develops strong connotations in the Bulgarian socio-cultural surroundings for several reasons. The analysis of these facts is based on the authors' over 30 years experience of Bulgarian studies inside and outside the country.

The Bulgarian language shares with the Russian language its membership in the Slavic linguistic genealogical family. For a period of around 45 years it has been part of the ideological linguistic union, where the Russian (Soviet) language served as *lingua franca*. Bulgaria experienced enormous pressure at this time and appeared to be one of the most loyal countries, having accepted the very language (in its broad sense) of the governing ideology. This had significantly influenced the attitudes towards Russian language in Bulgaria a lot, but the trends in the attitudes were really diverse – from very positive through neutral to very negative.

Bulgaria was one of the first to leave the "socialist" ideological language union and to change its language policy. During the two last decades the Russian language in Bulgaria has gone through a total negation of the Soviet *lingua franca* towards a more peaceful and positive apprehension. The Slavic commonness of the vocabulary makes Russian very 'friendly' for Bulgarians and helps a lot to similarly interpret many historical and innovative facts in current situation (e.g. the evaluation of the Russian and Bulgarian holidays of the Day of Independence, toponymic changes, etc.) and feel 'close'.

Meanwhile the Bulgarian language is also a member of the Balkan Sprachbund while the Russian language is not; furthermore Bulgaria has become a member of the European Union, while Russia has not. This has also been reflected in the Bulgarian-Russian linguistic developments. Affiliation to different linguistic, ideological, regional, political and economic associations is one of the major factors for the Bulgarian society in shaping the system of values in which the Russian language is treated in terms of "my own / somebody else's", "useful/useless", etc.

The Internet discussions show that the Russian language and the culture of the country are accepted negatively quite often (this feature though is typical for any Internet-discussion). Still there are Russophiles' comments and serious objective views presented. The border between Soviet and Russian is very vague now. The younger generation does not speak and read Russian, but genetically accepts the best pieces of art in Russian. All the negative reactions disappear, for example, when the favorite Russian (Soviet!) singers and poets like Bulat Okudjava and Vladimir Vysotskij sing. The comments from Bulgaria and other former socialist countries on Youtube would go like "Bravo, Russia!"; "Forget about the governments, remember the people", etc.

Е.С. Узенёва

Институт славяноведения РАН, Москва

Образ России и русских в Болгарии: мифологизация и демифологизация¹

Россия и русские занимали особое место в истории и культуре болгарского народа в течение долгого времени, и особенно в XIX–XXI вв. Русское влияние и отношение болгар к России в разные периоды оценивались различно и не считались однозначно положительными. Известный болгарский писатель и публицист Антон Страшимиров в своей книге «Ние, българи те» писал о русском влиянии на болгарскую литературу, вернее, о его отсутствии, не отрицая в целом тот факт, что болгары после Освобождения являлись русскими воспитанниками, взращенными на русских учебниках, а многие писатели, например, Ив. Вазов, Ст. Михайловски и К. Величков были «ультратрусофилами»².

Болгарские историки подробно исследовали роль русских эмигрантов в Болгарии в конце XIX – начале XX вв., посвятив данной проблеме ряд серьезных трудов (Даскалов 1997; Кисьова 1999; Григорова 1999; Йованович 2001; БЕ 2001; Кисьова 2002 и др.). Интерес ученых привлекали также русские старообрядцы, компактно проживающие в двух селах на северо-востоке страны, причем не только их быт и нравы, но и их характер, идентичность и ментальность в сравнении с болгарским и другими народами, населяющими Болгию (Анастасова 1998; Съботинова 2009; Еролова 2010).

Российские исследователи также обращались к теме русской эмиграции в Болгарии, изучая письменные источники за рубежом, публикуя материалы отечественных архивов и мемуары русских эмигрантов в Болгарии, в частности И.В. Матвеевой (Матвеева 2004–2005; Горянинов 2011), анализируя их деятельность и творчество (Косик 2010). В последние годы учеными Института славяноведения РАН было подготовлено несколько сборников статей, освещающих разные аспекты взаимного познания народов Болгарии и России (Россия – Болгария 2010), отраженного в художественной литературе и других областях истории их культуры, и предлагающих

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект «Язык и культура старообрядцев Юго-Восточной Европы»).

² Цитируется по интернет-публикации: <http://www.znam.bg/com/action/showBook?bookID=1003&elementID=309205349&sectionID=5> последнее посещение 11.08.2011.

разные подходы к ним с современных позиций гуманитарных наук, а также исследующих представления и стереотипы восприятия болгар и русских на протяжении длительного периода времени и динамику этих процессов в контексте истории обеих стран и представляющих новые подходы к оценкам событий прошлого и их оригинальную интерпретацию (БиР).

Но место русских иммигрантов и отношение к ним со стороны болгар, особенно в переходный период 90-х годов XX в. в Болгарии, как нам кажется, еще недостаточно изучены и освещены в научной литературе. Исключение составляет обобщающая статья Е. Анастасовой в сборнике энциклопедического характера «Иммиграцията в България» (Анастасова 2005: 156–191).

Имидж России в Болгарии пережил различные трансформации: от полной идеализации (50–70-е гг. XX в.) до тотального отрицания (в 90-е), от отчуждения (в конце XX в.) до возрождения интереса к русской культуре, языку и России в целом в настоящее время.

Анализируя, например, язык болгарской прессы, можно проследить отношение к России в болгарском обществе, в его публицистической сфере. В частности, в период с начала 50-х гг. до конца 70-х гг. XX в. закономерным явлением было активное использование заимствований из русского языка в официальной болгарской печати. Это явление превращается в сознательную редакционную деятельность в процессе поиска общественного влияния публицистики. Именно благодаря функциональности процесса мы можем определить его как *языковую политику* нового послевоенного болгарского руководства. Цель этого процесса в его элементарном (видимом) материальном формате состояла в заимствовании «авторитетных» языковых средств для убедительного декларирования политических и экономических позиций. В более общей стратегической и государственной проекции целью проводимой языковой политики было не сближение «малого» и «большого» славянских языков, а следующее: при помощи языка овладеть и успешно осуществлять идеологическую программу, которая приобщала бы национальное (в данном случае болгарское) общественное сознание к наднациональному (советскому) сознанию, которое в тот момент было ведущим – по оценке его масштабов и перспективности социальных изменений.

Процесс влияния русского языка на болгарскую прессу был закономерным для того времени. Он находил выражение в многогранных проявлениях, часть из которых в 70-е годы становятся негативными тенденциями в развитии болгарского языка в публичной сфере, поскольку они приводят к его шаблонизации, а позднее – к отторжению всех проявлений «русского» в официальном языке. Однако, все это – предмет отдельного исследования.

Настоящая статья базируется на интервью, собранных нами в нескольких десятках болгарских городах и селах во время полевых экспедиций в разные годы (1998–2011). Количество респондентов насчитывает более

200, они принадлежат к различным социальным, профессиональным и возрастным группам. Во время бесед, при записи интервью, мы использовали метод свободных ассоциаций и метод выделения отличительных черт, часто используемые в психологии и этнографии (Михайлова 2007: 184). Согласно методу свободных ассоциаций, респондент должен сказать первое слово, которое приходит ему на ум, когда он слышит этноним «русский» или «русская». Метод определения характерных особенностей предполагает, что интервьюируемый должен назвать все черты, которые он считает типичными для русского человека. Для определения отдельной черты в качестве составной части этнического стереотипа в науке принята 60-ти процентная граница шкалы повторяемости. Однако, в наших материалах некоторые черты, характеризующие русских в Болгарии, нередко получали гораздо более высокую частотность, до 90 % (например, *лошата рускина, руснак-пияница*).

Интересно отметить, что в прямом Болгарском ассоциативном словаре среди основных слов-стимулов мы не нашли слова «русский (человек)», но в обратном словаре элементы «русского» все же присутствуют: *Русия – вуйчо; руска – дума, сила; руски – паметник; руско – семейство, слово* (БАР: 129). Следует отметить, что словарь создавался как часть общего проекта Славянского ассоциативного словаря, имел русский вариант слов-стимулов в качестве исходной базы и основан на ответах студентов в возрасте от 18 до 25 лет в 1998–1999 гг., т.е. в период существования своеобразной «дистанции» в отношении ко всему русскому.

В ответах наших информантов часто наблюдается отсутствие различий у отдельных социальных групп и слоев и обобщение выделяемых черт как характерных для всех русских в целом. В упрощении и генерализации явлений и состоит особенность стереотипа. Нередко стереотип основывается на отдельных наблюдениях, которые без особых для того оснований обобщаются и преувеличиваются. Кроме того, стереотипы часто характеризуют не столько чужой народ, сколько «собственный этнический менталитет» (Хорев 2002: 18).

В своем исследовании мы опирались на автобиографические рассказы информантов, представляющие особую ценность в свете культурно-антропологического подхода к изучаемой проблеме. Данные материалы кажутся нам важными не только потому, что при формировании стереотипа особую роль играет личный опыт говорящего, но и потому, что не все информанты давали однозначные ответы на вопросы в виде краткой формулы, многие предпочитали отвечать иносказательно, рассказывая случай из личной жизни.

Определенная часть стереотипных представлений о России связана с ее природой, ландшафтом, пространственными параметрами. Для каждого болгара Россия – это огромная, великая держава невероятных размеров, бескрайние степи, леса, широкие реки. Современная молодежь, по мнению взрослых респондентов, ничего не знает о России и считает, что

это дикая страна, где «разгуливают медведи». Основной маркер – это холод, мороз, долгая зима, предполагающая необходимость специальной теплой одежды, особенно головных уборов (так наз. *шапки-ушанки*), которые так не любят носить болгары. Отсутствие прямого солнечного света долгие месяцы в России вызывает у южан-болгар депрессию.

Наиболее часто вспоминаемым растительным символом России среди болгар является береза. Это дерево растет в Болгарии, но считается, как правило, специально посаженным и нередко называется русским.

Студенты-русисты, обучающиеся в Софийском университете, посадили в качестве русского символа рябину во внутреннем дворике *alma mater*, считая именно ее наиболее ярким представителем России.

Городское пространство ассоциируется с высокими зданиями, широкими улицами и бульварами, которые невозможно перейти за один раз. Город Москва часто сравнивается в количественном отношении с населением «двух Болгарий, собранных в одном месте», и внушиает трепет. Подавляющее действует на болгар большое количество народа, множество зданий, запредельные расстояния, которые необходимо преодолеть.

Многие болгары, впервые посещающие Москву, нередко несколько дней вынуждены были привыкать к новым урбанистическим реалиям и масштабам, отсиживаясь в отеле. Иногда ужас вызывало московское метро, глубоко уходящее под землю, где поезда слишком долго путешествуют, находясь в туннеле между станциями.

Религиозные стереотипные представления о русских чаще всего связаны с восхищением болгарина перед отношением русских к церкви, религиозным праздникам, обычаям и поведением в храме. Отмечается благоговение русского человека перед Богом и церковью и строгое соблюдение ее правил. Болгары считают всех русских очень религиозными. Самых же болгар отличает более практичный подход к религиозной жизни, связанный с необходимостью «церковного сопровождения» для ряда ритуалов (например, освящение *кургана*, новопостроенного дома и пр.). Приход на службу в церковь воспринимается как часть социального общения, нередко болгарские священники делают замечания прихожанам по поводу их «несерьезного» поведения в храме.

Образ русского человека претерпевал значительные изменения во времени. Миры о русских создавались и разрушались: «дядо Ивана» периода болгарского Возрождения сменили «братушки», «братьята освободители», затем «советските другари» эпохи социализма, а позднее «виноватые во всех бедах русские» 90-х гг. XX в. и «новобогаташите» наших дней. Имидж русского человека, создаваемый на основе наших интервью, касается отдельных аспектов образа, связанных с представлениями и личным опытом наших информантов и представляет собой своеобразный срез болгарского общественного мнения.

Поведенческие стереотипы, связанные с русскими, у наших респондентов, как правило, очень однозначны. Русский мужчина оценивается

в своем отношении к женщине как кавалер, ухаживающий за дамой и готовый прийти ей на помощь в трудных ситуациях. На вопрос к болгарскому мужчине, почему (в отличие от русского) он не берет все тяжелые сумки из рук жены, неизменно следовал ответ: «Да не съм магаре да нося тежести» ('я не осел, чтобы носить тяжести').

Другая ассоциация, возникающая у респондентов при упоминании этнонима «русский», – это *пьяница*. Объясняется это часто различным подходом к употреблению спиртных напитков. Русские, как правило, пьют *твърд алкохол*, т.е. высокоградусные напитки, причем залпом, большими бокалами, на голодный желудок, что приводит к плачевным последствиям. Болгары пьют медленно, небольшими порциями, закусывая, считая этот способ более цивилизованным. Русская водка при этом в среде интеллектуалов считается более престижным напитком, чем родная фруктовая водка *ракия*.

Представления о русской женщине также не оставались неизменными. Первые миграционные волны 50-х гг. XX в. русских женщин, приехавших из СССР в Болгию в качестве супруг болгарских мужчин, были следствием «большой» любви, возникшей в результате знакомства во время учебы или командировки. Как правило, это были женщины с высшим образованием, из больших городов, которые в Болгарии пользовались уважением и получали престижную работу. Их красотой искренне восхищались. Они быстро адаптировались в новой среде, не утруждая себя особенно изучением болгарского языка, т.к. все болгары тогда знали русский. Счастливые браки были возможны между людьми общей культуры, близких профессий и одинакового образования. В то время жена-русская была одним из обязательных «атрибутов» болгарской элиты.

Позднее, когда антисоветские настроения усилились, а в Болгарию хлынул новый поток менее образованных женщин из провинциальных городов и сел СССР, причем не всегда этнических русских (это были украинки, казашки, узбечки и др.), заключивших браки с болгарскими рабочими, например, в Коте, этот «идеальный» образ был разрушен. Возник другой миф – о «плохой русской», невоспитанной, ленивой и эгоистичной, неумелой хозяйке, незаботливой жене и матери, которая не уважает родителей и родственников своего мужа и его самого, отличается разнозданным и легкомысленным поведением.

По мнению Е. Анастасовой, этот миф об «ужасной русской» был создан по формуле «женщины о женщинах» болгарскими женщинами – матерями, подругами, соседками болгарских мужчин, женатых на русских (Анастасова 2005:181). Сами же мужчины объясняли этот феномен «общей болгарской женщиной на русских, которые увели у них потенциальных мужей». Одна из наших информанток по имени Ольга, вышедшая второй раз замуж за болгарина, вспоминала, как при первом знакомстве с болгарской свекровью услышала в свой адрес следующее недовольное замечание: «Всички донасят от Русия Волга, а моят син донесе Олга» ('Все из России привозят Волгу (автомобиль), а мой сын привез Ольгу').

В действительности «несчастные браки» были результатом столкновения различных культур и образования, несоответствием между патриархальной традиционной болгарской культурой и эгалитарной советской брачной моделью, между представлениями болгарина о «настоящей» супруге и ожиданиями русской жены от семейной жизни. Исследователи отмечают и известный «этноцентризм» и авторитаризм советских жен.

К общему негативному образу добавлялось еще и невладение болгарским языком, или наличие «типичного русского акцента», который свидетельствовал как будто бы о неуважении к болгарской культуре и нежелании «отшлифовать» свой язык, что вызывало у болгар раздражение. Феномен болгарского языка русских жен, живших в семьях, где дома говорили по-русски, и овладевших языком по мере необходимости в определенных рамках, нуждается в особом внимании и еще ждет своего исследователя.

Негативным был стереотип русской женщины в больших городах Болгарии. Одновременно с этим образ русской женщины в болгарской провинции оставался в целом позитивным. Почти в каждом селе мне с гордостью говорили, что у них есть «русская сноха» и пытались непременно познакомить с нею. Сами русские не проявляли желания к контакту. Эти женщины пользовались уважением в селе. Они, как правило, хорошо усвоили болгарский язык и полностью адаптировались к новым условиям, усвоив обычаи и поняв менталитет болгар. Лишь в отдельных местах сожалением говорили, что русские женщины обычно становятся пьяницами. Это случалось, как правило, с теми, кто не смог интегрироваться в новую среду и не получил профессиональной и социальной реализации.

Что касается имиджа России в целом, то во многих рассказах, особенно в селах, присутствовала ностальгия по старым, добрым временам, когда СССР был другом Болгарии. Связывается это, однако, преимущественно с экономической стабильностью того периода, когда «союз покупал всю сельскохозяйственную продукцию, табак любого качества, а теперь греческие капиталисты не желают брать низкокачественный продукт и дают за товар плохую цену». В провинции стереотип русского и отношение к русским имеют почти исключительно положительные коннотации. Встреча с русским вызывает в памяти болгар приятные воспоминания о далеких путешествиях по маршруту Киев-Москва-Ленинград, о русских школьниках-друзьях по переписке и др.

В сегодняшней Болгарии ощущается нехватка информации о России, новых книжных поступлений, кинофильмов, спектаклей и пр. Болгары ищут доступ к русским каналам массовой информации, «грустят» о высококультурных русских телепередачах, о временах, когда стояли в очередях за «Огоньком», о невозможности часто посещать Россию из-за сложности визового режима и дороговизны билетов. В публицистической и научно-популярной литературе отмечается интерес к более давнему периоду российско-болгарских отношений (XIX – начало XX вв.), где при-

существуют фигуры русских врачей, священников, военных, учителей, которые оставили о себе добрую память.

В заключение хочется отметить, что в настоящее время среди обычных людей в Болгарии существует спокойная, реальная, не отягощенная негативом коммунистического прошлого и тенденциозностью политического настоящего оценка России и русских, которая учитывает как позитивный, так и негативный опыт общения. Но, несмотря на наличие негатива в личном опыте в отдельных случаях, почти каждая болгарская семья имеет давних друзей среди русских, которых уважают и дружбой с которыми очень дорожат.

Литература

- Анастасова 1998 – *Анастасова Е.* Некрасовците в България – мит, история, идентичност. София, 1998.
- Анастасова 2005 – *Анастасова Е.* Руснаци // Иммиграцията в България. Съставител и научна редакция Анна Кръстева. София, 2005. С. 156–189.
- БАР – Български асоциативен речник. Прав и обратен. П. Балткова, А. Ефтимова, А. Липовска, К. Петрова. София, 2003.
- БЕ 2001 – Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23–24 септември 1999 г. София, 2001.
- БиР – Болгария и Россия (XVIII–XX век): взаимопознание. Отв. редакторы – Г.Д. Гачев, Р. Дамянова. М.: ИСл РАН, 2010.
- Григорова 1999 – *Григорова А.* (сост.) Русские в Болгарии. София, 1999.
- Горянинов 2011 – *Горянинов А.Н.* Панорама жизни русских эмигрантов в Болгарии (по воспоминаниям И.В. Матвеевой) // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. СПб, 2011. С. 364–389.
- Даскалов 1997 – *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. София, 1997.
- Еролова 2010 – *Еролова Йелис.* Добруджа. Границы и идентичности. С., 2010. С. 189–254.
- Йованович 2001 – *Йованович М.* Адаптация русских беженцев в Болгарии (1920–1940) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23–24 септември 1999 г. София, 2001. С. 87–96.
- Кисьрова 1999 – *Кисьрова Цв.* Русские эмигрантские организации в Болгарии // Русские в Болгарии. София, 1999. С. 45–70.
- Кисьрова 2002 – *Кисьрова Цв.* Руската емиграция в България. София, 2002.
- Косик 2010 – *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). М.: ИСл РАН, 2010.
- Михайлова 2001 – *Михайлова К.* Българинът през погледа на поляците – стереотипи и среца на култури // Да мислим Другого – образи, стереотипи, кризи. XVIII–XX век. Съст. Николай Аретов. София, 2001. С. 445–461.
- Михайлова 2007 – *Михайлова К.* Стереотипи за Полша и поляците сред българите в Полша // Slavia Meridionalis 7. Studia Linguistica, Slavica et Balcanica. Warszawa, 2007. S. 183–206.

- Матвеева 2004–2005 – *Матвеева И.В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний / [Вступления, публикации и комментарий А.Н. Горянова] // Славянский альманах. 2003–2004. М., 2004. С. 491–516; 2005. С. 513–533.
- Россия – Болгария 2010 – Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв.: Российско-болгарские научные дискуссии. Отв. редактор Р.П. Гришина. М., 2010.
- Съботинова 2009 – *Съботинова Д.* На една земя, под едно небе. Празници и обичаи на българи, арменци, руси старообредци, турци и цигани (рома). Варна, 2009. С. 204–258.
- Хорев 2002 – *Хорев А.В.* О живучести стереотипов // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002.

*
* * *

Elena Uzeneva

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The image of Russia and Russians in Bulgaria: the mythologization and the demythologization

Image of Russia in Bulgaria has experienced a variety of transformations: from total idealization (50–70 years of the XX century) to a total rejection (in 90-th), from alienation (in the late XX century) to a revival of interest in Russian culture, language and Russia in general nowadays.

By analyzing the language of the Bulgarian press, the attitude to Russia in the Bulgarian society, in its journalistic field can be traced. In particular, active using of Russian loans in official Bulgarian press during early 50s late 70s period of the XX century was a common phenomenon. This phenomenon is transformed into a conscious editorial activity in the search for social influence of the journalism. It is due to the functionality of the process, we can define it as the language policy of the new postwar Bulgarian leadership. The purpose of this process in its elemental (visible) material format was borrowed «authoritative» language means for compelling the declaration of political and economic positions. In a more general strategic and state projections to the language policy pursued was not the convergence of «small» and «big» Slavic languages, but the following: using language to master and successfully carry out an ideological program, which is attached to the national (in this case Bulgarian) public opinion to supranational (Soviet) mind, which at the time was leading – to assess its scope and prospects for the upcoming time of social change.

The process of influence of Russian language in the Bulgarian press was natural at that time. It expressed in the multifaceted manifestations, some of which were showing negative trends in the development of the Bulgarian language in the public sphere in the 70s, leading to its templating, and later on – to the exclusion of all forms of «Russianness» in the official language.

